

Центр проблемного анализа и государственно-
управленческого проектирования

**В.И. Якунин, С.С. Сулакшин,
В.Э. Багдасарян, С.Г. Кара-Мурза,
М.В. Деева, Ю.А. Сафонова**

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ опыт критического анализа

Москва
Научный эксперт
2012

УДК 330.342(063)

ББК 65.013.6

П 63

**Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г.,
Деева М.А., Сафонова Ю.А.**

П 63 Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография —
М.: Научный эксперт, 2012. — 288 с.

**Научные рецензенты:
академик РАН Е.М. Примаков,
академик РАН О.Т. Богомолов**

ISBN 978-5-91290-163-8

В работе критически рассмотрена широко известная теория постиндустриального общества. Возникшая в 70-х гг. XX в. как футурологическая теория, она перепроверена на основе обширного феноменологического материала прошедшего периода. При использовании совмещенного пространственно-динамического анализа выясняется, что выводы и прогнозы теории постиндустриализма, основанные только на временном анализе, не во всем являются достоверными. Показано, что помимо завышенной претензии на объяснительный и прогностический потенциалы, теория постиндустриализма впоследствии приобрела признаки манипулятивного когнитивно-информационного проекта. Выявлено, что цивилизационный и вариативный подходы к анализу эволюции мира являются методологически более адекватными.

Для преподавателей общественных наук, аспирантов и студентов.

УДК 330.342(063)

ББК 65.013.6

ISBN 978-5-91290-163-8

© Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2012

Содержание

Предисловие. Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России (Р.С. Гринберг).....	4
Вводная глава.....	11
Общая постановка задачи	11
Некоторые методологические вводные.....	24
Глава I. Генезис постиндустриализма.....	36
1.1. К истории теории постиндустриального общества.....	36
1.2. Школы и направления постиндустриализма	43
1.3. О постиндустриалистском дискурсе	54
1.4. Футурология постиндустриализма.....	78
Глава II. Постиндустриализм: конфликт концепта и реалий.....	91
2.1. Миф о «сервисном обществе»	91
2.2. Реалии индустриализма: выпуск и занятость в промышленности и сельском хозяйстве	127
2.3. Генезис сервисноориентированной модели развития.....	167
2.4. Сфера сервиса в геоэкономическом измерении	182
Глава III. Когнитивные и политические ловушки постиндустриализма	212
3.1. Постиндустриализм как идеологический элемент легитимации неокOLONиализма	212
3.2. Идеология постиндустриализма как генератор рисков и угроз развитию	228
Заключение.....	257
Послесловие. О книге «Постиндустриализм. Опыт критического анализа» (Х.Й. Рудлофф).....	263
Литература.....	277
Список авторов	287

Предисловие

Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России

*Р.С. Гринберг, член-корреспондент РАН,
директор Института экономики РАН,
профессор Московской школы экономики
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Российские читатели познакомились с книгой Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» в русском переводе в 1999 г. С середины 1960-х гг. она была мировым бестселлером. В атмосфере падения Берлинской стены, распада Советского Союза и очевидной победы мира капитализма над миром социализма идеи автора казались не просто научными, а почти пророческими. Д. Белл говорил о постиндустриальном будущем, конструирование которого уже начали американские технократы. Американские астронавты осваивали Луну, число американских лауреатов Нобелевской премии превысило фантастическую цифру — пятьсот. Эти факты упрямо свидетельствовали в пользу истинности теории Белла в главном — наука становится ключевым фактором развития, ведущей производительной силой.

Но тогда же у социологов и экономистов впервые появились некоторые «тупиковые» вопросы. Как далеко пойдут сдвиги в западных экономиках, обозначенные Беллом? Какой будет судьба старого индустриального уклада, обеспечивающего жизнедеятельность человека, какие новые сектора появятся в сфере услуг? Наконец, как изменится характер американского общества и государства в условиях господства меритократии — «демократии заслуг», которую Белл противопоставлял традиционной американской демократии, ориентированной на «естественную» элиту, прошедшую конкуренцию? Но и тогда ощущение грандиозности экономического и социологического замысла американского ученого не покидало многих: это Маркс XXI века, — считали они. Но вопросов к Беллу с годами становилось все больше и больше, его книги стали объектом системной научной критики. После-

дователи и непримиримые оппоненты появились и в России, где всегда осторожно относились к работам, претендующим на роль очередного некоммунистического манифеста. А здесь не просто манифест, но и огромный аналитический аппарат, научная прогностика.

Сегодня мы живем в эпоху быстрых перемен. Глобальный мир развивается не по сценариям пророков постиндустриализма. Кто бы мог подумать еще пять лет тому назад, что американская экономика, несмотря на ее очевидные сильные стороны и преимущества, попадет в длительный период нестабильности и турбулентности? Кто сомневался в стабильности еврозоны и единой Европы с ее амбициями расширения на Восток? Глобализм породил антиглобализм, новые идеи — новую несправедливость и исторические ошибки.

Творцы идей не должны и не могут нести ответственность за интерпретации будущих поколений. Известный критик царского режима и непримиримый русофоб Карл Маркс ничего общего не имеет с идеологией и практикой русских марксистов, которые создали целую государственную идеологию гегемонии пролетариата для 1/6 населения Земли. Маркс подобных вещей просто не говорил, это мифотворчество.

Д. Белл был идеологом информационного общества и «владельцем дум» технократической элиты. В его научной картине мира, как он считал, не было места политической идеологии. Но это не значит, что его наследие не могло быть использовано в идеологической или информационной войне. Могло, если препарировать идеи соответствующим образом. И настоящая книга, которая предложена читателю В.И. Якуниным с соавторами, открывает эту не лежащую на поверхности сторону вопроса о современном понимании теории постиндустриализма.

Постиндустриализм 1960-х — это технократический прогноз Д. Белла о перспективах американского общества, в котором он утверждает приоритетное значение науки и научной деятельности, прогнозирует смену индустриального уклада и тренд к расширению сферы услуг. Он провозгласил концепцию новой социальной стратификации и доминирования класса профессионалов — научного, технологического, административного и культурного сословий — над гражданским обществом. Однако

в работе В.И. Якунина с коллегами убедительно показано, что события в глобальном мире развиваются не по сценарию Д. Белла. Даже без сложных математических моделей ясно, что факты мировой экономики и политики не соответствуют прогнозам американского футуролога.

Использование идей постиндустриализма в информационной войне — предмет исследований, размышлений и опровержений данной книги, подготовленной коллективом авторов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Книги, на мой взгляд, современной, дискуссионной, формирующей особый исследовательский взгляд не столько на научное наследие Д. Белла, сколько на постиндустриализм как одну из интерпретаций современной эпохи.

Прежде всего отмечу масштабы проведенного исследования: авторы действительно в теме и развивают свой собственный, альтернативный дискурс. Причем потенциал этого дискурса таков, что он наверняка будет востребован при разработке политики модернизации российской экономики. Напомню читателям, что многие критики Белла не без оснований считают, что главным в наследии ученого является его научная и технологическая прогностика. В предлагаемой книге уделено немало внимания этому «сухому остатку» наследия американского прогнозиста и технократа.

Авторы затрагивают нечасто акцентируемый вопрос о том, что гуманитарные науки могут использоваться и в военно-политических (информационная война), и в идеологических целях. Почему это происходит, какие гуманитарные ценности навязываются странам и народам в условиях информационной войны? Об этой содержательной части проблемы в литературе говорится мало, хотя, с моей точки зрения, конкуренция идеологий здесь первична и не исчерпывается темой постиндустриализма. И читателю полезно узнать, что нового в борьбу идеологий вносит теория Д. Белла. Главное, что вскрывают авторы — это становление мирового механизма паразитирования одной части мира, которая производит преимущественно финансовые услуги (печатает мировую резервную валюту) по отношению к другой, которая трудится, развивает реальный сектор и производит блага. Как убедить эту работающую вторую часть мира, что все идет в рамках прогресса? Ну, конечно, выдать паразитическую структуру

одной части мира за всеобщий рецепт. Мол, все там будем. А кто раньше постиндустриализовался, тот более прогрессивен... Так научная футурология превращается в глобальную политическую манипуляцию. Ведет ли это к практическим последствиям? Авторы показывают это на примере современной России, которая, последовав идеям сервисизации, утрачивает реальный сектор и нуждается в итоге в реиндустриализации. Цена заблуждений обретает масштаб общегосударственный.

Поэтому авторы правы: в одном пункте Д. Белл явно не устарел — его постиндустриализм действительно стал частью праволиберальной идеологии, которая правит бал в российской экономике. Его апологеты говорят: на развалинах СССР будем создавать сразу постиндустриальное общество, рынок выполнит эту задачу без участия государства, старый индустриальный уклад изжил себя. Но прыжок из индустриального прошлого в постиндустриальное будущее не состоялся; в результате потери чувства меры и прагматизма после двадцати лет реформ мы создали экономику без индустрии, перешли из второго, вполне конкурентоспособного по международным меркам мира, в третий мир. И только сегодня возникло осознание того, что не пройдя этап реиндустриализации, мы не сможем двигаться дальше. Такова цена мифологических представлений реформаторов.

Тема реиндустриализации — важнейшая в новой экономической политике, которую должна проводить Россия в ближайшие 10–15 лет. Рост реального сектора должен быть естественным, и только на его основе может быть осуществлен переход в новое качество, гарантирующее нам будущее без техногенных катастроф.

Мы можем с уверенностью утверждать, что в результате господства праволиберальной идеологии в наше время финансовая сфера недопустимо далеко оторвалась от производства, от реального сектора экономики. Это противоречие и приводит к мировым кризисам. Оказание различных финансовых услуг превратилось в самостоятельную, громоздкую, неповоротливую, плохо контролируемую и скверно регулируемую сферу деятельности, которая стала приносить обществу больше вреда, чем пользы.

В современном капиталистическом мире фактически сосуществуют две экономики: одна — экономика реального сектора,

в ней создаются реальные товары и услуги; вторая — виртуальная и спекулятивная экономика, представляющая собой торговлю биржевыми товарами и различными ценными бумагами. Экономика реального сектора развивается по классическим рыночным законам, ее целью является получение прибыли через снижение затрат и повышение качества товаров. Виртуальная же экономика развивается по законам спекуляции, ее цель — нажива через спекуляции на товарных и фондовых биржах. Называть такое пространственное расслоение фронтальным прогрессом мира по формулам постиндустриализма ошибочно, и это авторы книги показывают очень убедительно. Но зачем тогда тиражируется теория постиндустриализма, явно не оправдавшаяся на практике в течение 50 лет? Ответ очевиден — это выгодно тем, кто манипулируя сознанием масс, элит и научного сообщества получает свои дивиденды.

Виртуальная экономика не может существовать без реального сектора: в сущности, она на нем паразитирует. Современные крупные спекулянты научились получать огромные доходы, искусно управляя подъемами и спадами фондового рынка, используя их в своих интересах. В современном мире только 2–3% денег связаны с сектором материального производства. Остальные десятки триллионов долларов обслуживают сами себя.

Как считает американский экономист Дж. Стиглиц, фондовые рынки являются непредсказуемыми по своей природе. В США, к примеру, реальный сектор экономики, который действительно что-то производит, это только 15–18% экономики. Все остальное — финансовый сектор, услуги и т. п. Нынешняя стадия финансового капитализма — я бы назвал эту стадию «финансово-виртуальной» — порождена усилением процессов глобализации, наблюдаемых в последние два десятилетия. Постоянный рост трансграничных финансовых операций, периодическое появление на глобальном финансовом рынке новых финансовых институтов (хеджевых, паевых, пенсионных фондов и др.) привело к тому, что мировое сообщество признало необходимость определенного наднационального регулирования финансовой деятельности, в первую очередь — банковской. Признало, но отнюдь не сразу. Но ведь явления, которые авторы книги открывают как реалии современности, не описываются теорией постиндустриа-

лизма, претендующей на объяснение развития мира в целом. Она апологетизирует механизм паразитизма одной отдельно взятой страны, пусть даже и самой мощной в мире.

Мировой финансовый кризис и очевидный крах идеологии правого либерализма заставили вновь вспомнить Кейнса и леволиберальную политику. Чего стоит одна накачка ликвидностью финансовой системы и частичная национализация попавших в сложное положение предприятий и компаний, наблюдаемые практически во всех странах мира. По иронии судьбы, как раз американцы, призывавшие всех к свободному рынку, едва ли не первыми вынужденно фактически прибегли к социалистическим мерам.

Выводы книги обоснованны. Претензии России на глобальную роль в мировой экономике осуществимы лишь при наличии технологически передового машиностроительного ядра, даже если оно будет недостаточно эффективным с точки зрения сравнительных конкурентных преимуществ. Здесь требуются не узко экономические, чисто рыночные критерии, а политико-экономические императивы. Нас не должны вводить в заблуждение всякого рода ссылки на «постиндустриальные» тенденции. Доля продукции машиностроения и металлообработки в развитых странах составляет 30–50% объема продукции промышленности, в то время как в России — 19%. Сегодня только 8–10% роста российской экономики достигается за счет роста высокотехнологичных секторов (в высокоразвитых странах — до 60%); доля России в наукоемком экспорте не превышает 0,5%; доля расходов на науку в ВВП (1,5%) несопоставима с теми же показателями для современных высокоразвитых стран Запада, Японии, а в последние годы и Китая.

В XX в. Россия невольно помогла Западу стать социальным, и вполне осознанно помогла Китаю стать индустриальным государством. Но сама, увлекшись постиндустриализмом, утрачивает сегодня и социальность, и индустриальность. После начала реформ нам были дарованы три экономических «улыбки Фортуны», три удобных возможности для радикальной модернизации. Первый шанс дала горбачевская перестройка. Но он не состоялся. Вторая «улыбка» — сверхдоходы последних лет от продажи углеводородов. Однако неожиданные колоссальные суммы, буквально

упавшие с неба, не вложены в инвестирование и модернизацию основных фондов, они ушли на счета банков и в игры с ценными бумагами вполне по рецептам сервисной экономики. Масштабный мировой кризис — это и испытание, и вместе с тем третья и, возможно, последняя из дарованных нам «улыбок». Дело за политиками.

И в этом смысле основное содержание книги «Постиндустриализм: опыт критического анализа» не только говорит об ограничениях теории постиндустриализма и угрозах информационной войны, она высвечивает наши шансы на лучшее будущее.

Вводная глава

Общая постановка задачи

Теория постиндустриального общества, или постиндустриализма, — это интересное явление в гуманитарной науке. Предлагая определенный объяснительный и прогностический потенциал для понимания особенностей развития современного мира, в последующем своем развитии она одновременно демонстрирует и признаки политического проектного и даже манипулятивного содержания. Разобраться в этих деталях предлагает настоящее исследование. Вопрос оказывается не таким простым, как может показаться.

Современные общественные науки не только познают закономерности развития социальной природы, человеческого мира, но, безусловно, нацелены и на миростроительство, преобразование современного мира, поддержку активно-деятельностного подхода.

Обратимся к рис. В. 1¹.

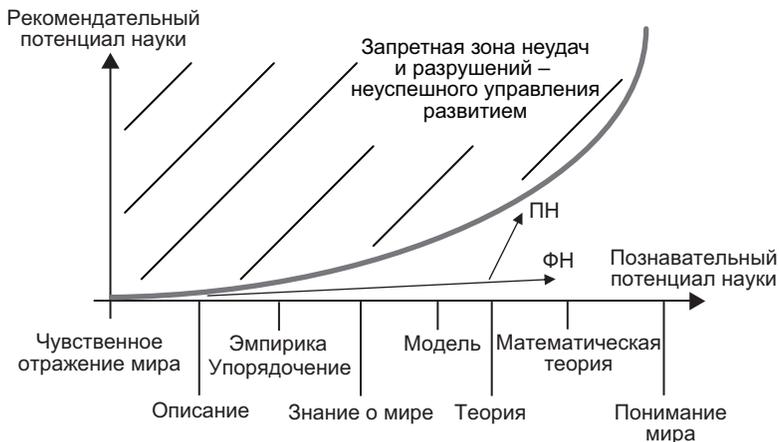

Рис. В. 1. Познавательный и практический рекомендательный потенциалы науки (ФН — фундаментальная наука, ПН — прикладная наука)

¹ Якунин В.И. Лекция в Лондонской школе экономики 17 февраля 2009 г. М.: Научный эксперт, 2009.

По горизонтальной оси познавательного потенциала и уровня познания в науке показан путь прохождения ряда этапов, присущих любому научному проекту познания. Первичные — чувствование (принадлежность и искусства, и литературы, и художеств), отражение мира (описательность), первичные эмпирики. Это пока еще когнитивно очень слабосильные этапы познания. Но затем включаются методы точных наук — упорядочение эмпирики и обработка все более утонченных уровней знания.

Затем становится возможным построение модели познаваемого явления мира. Важно, что понятие теории имеет право появляться только на этом уровне. На уровне первичного отражения или описания никакой теории не бывает. Затем появляется математически и логически построенная модель.

Здесь без аппарата точных наук делать нечего. Именно здесь возникают современные научные междисциплинарные приложения, требующие от представителей и точных, и гуманитарных наук шагов и усилий, направленных навстречу друг другу. Однако очень часто возникает барьер непонимания терминологии и методов, предметов исследований друг друга. Хуже того — появляются взаимные претензии и психологическая несовместимость. Если эти проблемы непреодолимы, то серьезного научного продвижения получить невозможно. Но о каком именно продвижении речь?

Для чего вообще нужна наука? Наука необходима человечеству для двух вещей: познавать мир, и на основе его понимания менять мир к доброму, комфортному, устойчивому, гармоничному, справедливому, прогрессивному, эффективному, человечному. Впрочем, ровно так же формируется и поход человечества за оружием разрушения.

Посмотрим на вертикальную ось рекомендательного, или практически преобразовательного, потенциала науки. На рис. В. 1 обозначена важнейшая особенность — запретная зона. Дело в том, что если должное понимание законов мира не достигнуто (т. е. ученый не продвинулся по горизонтальной оси до необходимого уровня понимания явлений мира, например, ограничиваясь первичными описаниями), то ответственно, результативно и безопасно преобразовывать мир невозможно. Вместо этого — неудачи, аварии, жертвы. Действительно, разве возможно было

создать ядерное оружие или ядерную энергетику, не имея теории и математического аппарата, описывающего строение атома? Так и в любом другом вопросе — о материалах, о сопромате, о грунтоведении (исследование фундаментов зданий и плотин ГЭС). Возведенные сооружения либо развалятся, если знаний и понимания мира при их проектировании было недостаточно, либо, напротив, будут безопасными и эффективными на протяжении длительного периода.

С определенного уровня понимания мира можно ответственно и результативно давать только определенные рекомендации по преобразованию и строительству мира. Отсюда и возникла запретная граница, показанная на рисунке. Что происходит, когда человек заходит в запретную зону? Неудачи, разрушения, катастрофы, неуспешность развития. Именно так ограниченная и отчасти ошибочная теория «марксизма-ленинизма», доведенная до догматизма, привела СССР к распаду. Именно так теория неоллиберализма заводит сегодня в тупик многие страны, включая Россию.

Попасть в запретную зону можно двумя путями.

1. Неумышленная ошибочность научной теории. Такое бывает. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.
2. Целенаправленность когнитивной агрессии против страны (или геополитического ареала стран — например, концепт войны цивилизаций) с применением средств и методов «информационного оружия».

Итак, предмет исследования настоящей работы — теория и практика постиндустриализма. Основная часть исследования посвящена вопросу о достоверности теории.

Во-первых, теория постиндустриального общества, или постиндустриализма, в научном плане получила значительный экспериментальный, эмпирический материал для своей проверки.

Что является критерием истинности теории в науке? Практика, т. е. эксперимент. Теории постиндустриализма уже более 40 лет. Человеческая практика, состоявшаяся за это немалое время, может быть проанализирована применительно к вопросу о достоверности теории постиндустриализма. Именно такую часть общей исследовательской задачи и поставили перед собой авторы.

Однако есть и вторая сторона дела. Концепт постиндустриализма вызвал к жизни целый поток научной и околонучной

мысли, подражательства, интерпретаций и дальнейшего «развития». При этом дискуссионному анализу, ревизии сама теория, ее категориальное ядро почему-то в должной мере не подвергаются. Поток интеллектуальных продуктов последователей-родоначальников теории постиндустриализма 70-х гг. XX в. слишком стал напоминать еще памятный поток интерпретаторов «всесильного» учения Маркса, которое в итоге получило и получает очень серьезную научную коррекцию в связи с новым анализом нового опыта человечества, опыта развития сложных социальных систем. Теорию постиндустриального общества также не стоит «обожествлять», а следует научным образом верифицировать.

Кроме того, поток последователей и интерпретаторов постиндустриализма далеко не ограничивается только «теоретическими» изысканиями. В современной России концепт становится едва ли не новым «всесильным учением», которое, заменив марксизм-ленинизм, закладывается в основания практики государственной политики и управления социально-экономическим развитием страны.

Вот, например, как в 2011 г. отвечал на задачу, поставленную перед авторитетнейшими университетами страны (Высшая школа экономики и Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) Премьер-министром России о разработке стратегии развития страны до 2020 г., доклад, переданный в Правительство России: *«Новая модель роста предполагает ориентацию на постиндустриальную экономику — экономику завтрашнего дня»*. Получается, что теория постиндустриализма в России признана за достоверную и целесообразную для применения на практике.

Что действительно — истинность или ошибочность теории постиндустриального общества? Заблуждения или целенаправленность при практической ориентации на эту теорию, если выясняется, что она недостоверна и разрушительна?

Эти вопросы также составляют содержание поставленной авторами исследовательской задачи.

В методологическом отношении необходим еще один экскурс. Дело в том, что в «традиции» гуманитаристики — очень облегченное отношение к категориальной (дефиниционной) определенности. Человеческий язык, или терминологический ряд, довольно

ограничен. Многие термины имеют многозначное смысловое наполнение. Практически все толковые словари и энциклопедии сталкиваются с многозначием термина, и выход тут только один. Однозначное понимание, или интерпретация, восприятие и использование смыслового содержания того или иного термина достижимо только локально, только в конкретном контексте поставленной задачи. Никакого результативного дискурса, обсуждения и использования гуманитарных достижений невозможно получить, если конвенционально не установлено единой смысловой интерпретации ключевых категорий.

В поле настоящей работы ключевых категорий не так много. Это префикс «пост-». Это «общество». Это «индустриализм». Это «постиндустриализм».

Разумеется, на когнитивном пути настоящего исследования появятся и иные сопряженные и подчиненные термины.

Прежде всего необходимо видеть, что понятие постиндустриального общества находится в ряду: аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество. Недалеко от этого ряда находится похожий ряд: традиционное общество, модерн, постмодерн — с производными образованиями — общество модерна, постмодерна и т. д.

Входят в научную «моду» такие обороты, как «конец истории» и «постистория». «Постчеловек» и «постчеловечество». «Пост-философия» и «постантропология». И, вероятно, еще какие-то «пост-» уже изобретены и изобретаются.

Очевидно, что префикс «пост-» указывает на временную или историческую стадильность. «Нечто» — после чего-то. Ограниченность смыслового указания заключается в том, что претензия термина эквивалентна утверждению, что наступившее «пост-» — это «навсегда». Привязка тут только к прошлому. Уточняется, что «что-то после чего-то», но вовсе ничего не указывается по вопросу — на сколько по времени? Это только этап или действительно «навсегда»?

Разумеется, что существует понятие «смысловой нагрузки по умолчанию». Существует даже логика умолчания. Но в tomto и дело, что сам корневой выбранный термин, уклонившись от раскрытия или хотя бы указания или намек на это важное смысловое востребование, указывает на некоторую теоретическую

ограниченность и даже, зачастую, когнитивную технологическую нацеленность. Мгновенно возникает вопрос: а что может быть потом, когда наступит «постпост-»? Об этом концепт постиндустриализма умалчивает. Формируются творческая недостаточность и неудовлетворенность, ощущение какой-то недоговоренности, недодуманности или даже манипулятивности.

Последовательность в ряду периодизации эволюции общества, очевидно увязанной с доминирующим способом общественного производства, неизбежно подводит к предположению, что после доминанты аграрного производства приходит доминанта промышленного производства, а затем — доминанта следующего поколения. И в чем же она заключается? Если это не аграрное производство, не индустриальное производство, то что же это может быть? В силу достаточно жесткой методологической логики невозможно выйти из коридора поиска доминанты человеческой деятельности в сфере производства. Если не аграрное и не промышленное, то только нематериальное производство, только услуги, сервис. Ничего иного нет.

Формируется логический вызов: а что, аграрное и промышленное производство должно исчезнуть, согласно навязываемой концептом постиндустриализма логике стадильности развития? Но что тогда человечество будет кушать, где жить, на чем перемещаться, чем обогреваться, во что одеваться, чем лечиться? Почему вдруг на некоторой стадии развития должны исчезнуть сферы и продукты материального производства?

Проведем еще один мысленный эксперимент для логической проверки концепта постиндустриализма. Если все до одного человека (предел доминантности в методологии стадильного построения) займется сервисом, то откуда возьмутся материальные блага, которые всегда будут нужны человеку? Вновь возникает ощущение категориальной недоговоренности обсуждаемого концепта или какой-то его специфической заданности и целенаправленности.

В любом случае, неотъемлемым категориальным содержанием концепта является обстоятельство временной изменчивости и стадильной типологизации этой изменчивости в глобальной истории и футурологии человечества.

Итак, концепт постиндустриализма основан на представлении о доминирующей форме общественного производства. Ее объ-

активные характеристики определяются во временной динамике в пространстве трех (как минимум) измеримых параметров. Авторы отталкиваются от методологического требования, заключающегося в том, что аргументация должна апеллировать не к вкусовым ощущениям или «мнениям», а к измеримым (мерным) показателям. К их числу в данном случае относятся три меры.

Во-первых, занятость в аграрной, индустриальной и сервисной сферах.

Во-вторых, выпуск (объемы производимой продукции) в этих сферах.

В-третьих, кроме временной динамики указанных показателей должна анализироваться еще и пространственная (в географическом смысле) изменчивость.

На рис. В. 2 показано, что если игнорировать пространственные (географические) распределения секторов производства, то только из одного наблюдения стадиальности (сечение при $S=0$) неизбежно вытекает предписанность универсального пути развития всех стран по образу и подобию якобы наиболее «прогрессивных», т. е. ранее других успешных достигнуть новейших кондиций. Таким образом формируется механизм давления, искусственного предписания поведения других стран со стороны «прогрессивной» страны.

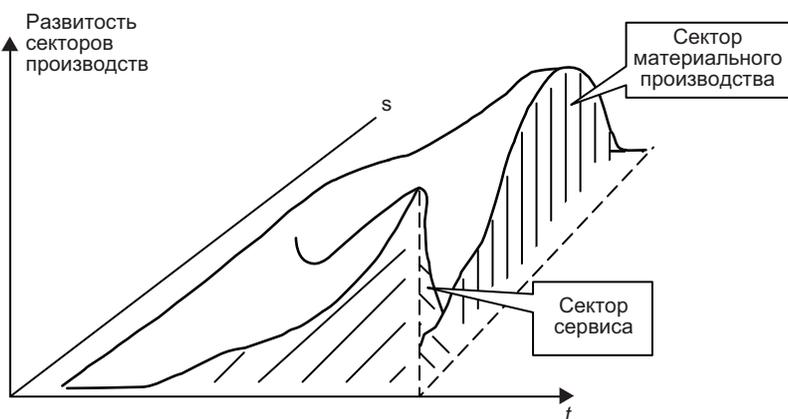

Рис. В. 2. Пространственно-временная динамика секторов производства в мире в целом (S — пространственная «географическая» координата)

На рис. В. 2 видно, что если рассматривать только временную изменчивость секторального распределения производства в одной стране (игнорируя пространственные вариации развития), то выводы об универсальности такого пути развития могут быть ложными.

Поставленный выше логический вопрос — «если все занимаются сервисом, то откуда берутся материальные блага?» — ответа не получает. Значит и объяснительная модель постиндустриализма проверки на логическую достоверность не выдерживает.

Но возможна иная объяснительная модель. Ряд стран перераспределяют свои национальные потенциалы в пространстве, выводя некоторые из них в иные государства. При этом оставляя себе сверхприбыльные, экологически не нагруженные производства. Оставляя себе паразитические (не труд, а рента) формы присвоения благ и выводя вовне трудовые сферы с ограниченной доходностью. Происходит своеобразная концентрация паразитизма в форме материальной эксплуатации внешних по отношению к якобы наиболее «передовым» странам.

Важно специально подчеркнуть, что термин «паразитизм» в данном контексте не содержит моральной оценки, используется не в публицистическом смысле, а в буквальном, прямом. Паразитизм — это существование форм жизни за счет других². Социальная форма жизни позволяет использовать аналогию биологического паразитизма. Термин «паразитизм» в контексте настоящего исследования описывает нетрудовой источник права на потребление (присвоение) благ. Например, через необоснованно завышенную, относительно оплаты трудовых затрат финансиста или банкира, учетную кредитную ставку. Или через присвоенную природную ренту, ренту на производственный капитал. Или через бесконтрольную эмиссию необеспеченной валюты (Федеральная резервная система США).

Выдается же все это за безусловную стадиальность развития, прогрессивность, действия передового характера. Отсюда может реконструироваться возможный мотив организации и операции информационного прикрытия — «концепта постиндустриализ-

---

² Паразитизм (от др.-греч. *παράσιτος* — «нахлебник») — один из видов сосуществования организмов. Это явление, при котором два и более организма, не связанные между собой филогенетически, генетически разнородны, сосуществуют в течение продолжительного периода времени, при этом они находятся в антагонистических отношениях. Паразит использует хозяина как источник питания, среду обитания.

ма». «Возможный» потому, что это гипотеза, выдвинутая для ее исследования. Речь идет о современном неокOLONIALИЗме. Мировой колониализм уходит от форм XIX–XX вв., мимикрирует, преобразуется. В качестве гипотезы не выглядит невероятным утверждение, что постиндустриальное общество — это не грядущая для всех стран мира стадия развития, а возможно — применение не вполне достоверной научной теории в целях манипуляции и в интересах определенных бенефициаров.

Современная Россия де-факто следует соответствующим представлениям, деиндустриализуя себя и снижая свой государственный, геополитический и геоэкономический потенциал. На рис. В. 3 показано, как меняется ее геополитический потенциал, рассчитанный в работах по математическому моделированию развития³.

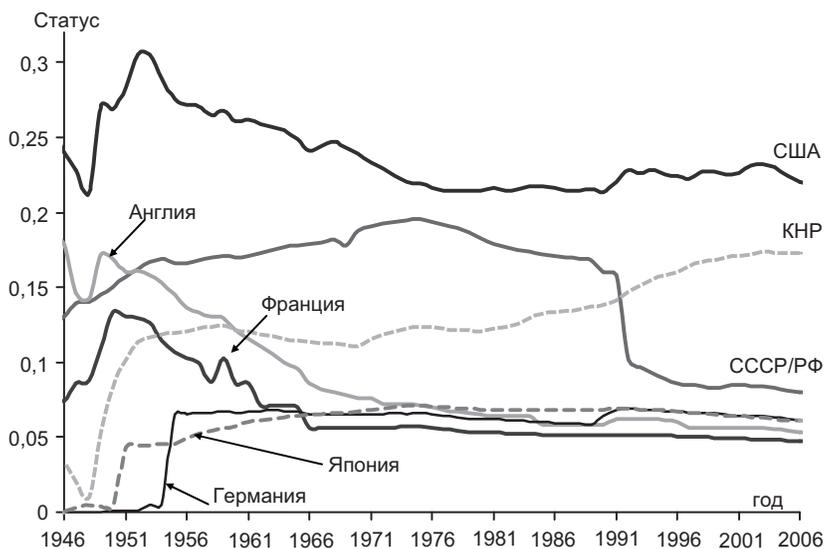

Рис. В. 3. Геополитическая мощь стран мира. Стремящаяся в «постиндустриализм» Россия утрачивает потенциал своей геополитической субъектности

³ Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.Ю. Математическое моделирование геополитических процессов // Стратегическая стабильность. № 1, 2002; Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А., Винокуров Г.Н. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств // Стратегическая стабильность. № 1, 2006.

Модель постиндустриализма не проходит проверку как грядущий во времени образец для всего мира. Зато логика информационного прикрытия неокOLONиализма — налицо. Чем эта ситуация отличается от мировых информационных кампаний о СОИ — звездных войнах? От концепта универсальности и прогрессивности демократии и прав и свобод человека, которые насаждаются в том числе с помощью бомб и подрывных спецопераций, например, в арабском мире? От навязываемых представлений о мировом исламском терроризме и войне цивилизаций?

За ширмой при использовании информационных трюков скрывается глобальная трансформация социального паразитизма. Конфликт кроется в противостоянии паразитизма и труда. Посмотрим в этом плане на глобальную историю человечества (рис. В. 4).

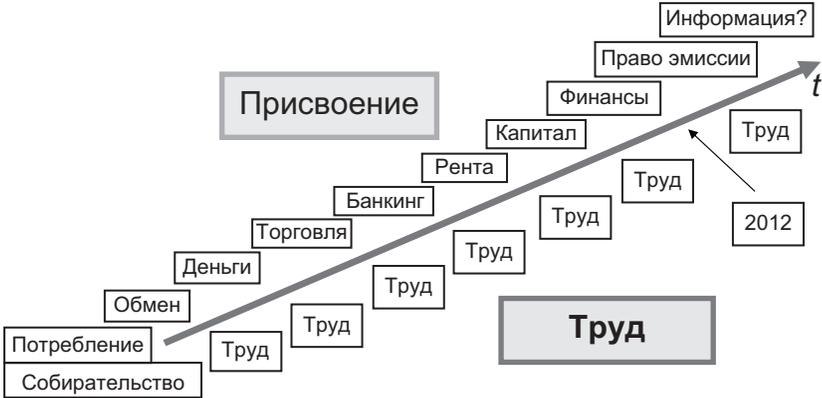

Рис. В. 4. Трансформация конкретно-исторического воплощения социального паразитизма в противостоянии: трудовое и нетрудовое происхождение права на получение благ

На этом рисунке показано, как разделились труд и потребление. Возник первый «сервис» — обмены и торговля. Затем — деньги, банкинг и ростовщичество. Затем — эмиссия бумажных и электронных денег. Затем — эмиссия просто бумаг (типа деривативов и депозитарных расписок). Общее во всех этих трансформациях заключается в том, что одни производят материальные и нематериальные блага, а другие, не производя ничего, ими

пользуются. Труд — против присвоения. Труд — против ренты. Практически все религии издревле уловили и осудили это противостояние, призывая к нестяжанию и праведному потреблению благ.

На современном этапе рента снимается не только с производственного капитала, как это было во времена и в рамках марксовской теории эксплуатации. Даже уже не только с финансового капитала, но и с уже присвоенного права эмиссии денег и ценных бумаг. Причем такое право приобрело планетарный масштаб воплощения в виде Федеральной резервной системы США и мировой долларовой валютной системы. Доходность этого механизма для страны-эмитента, эксплуатирующей весь мир, — 250 000%. Такой «бизнес» стимулирует усилия всякого рода по его воспроизводству и поддержке. Вплоть до генерации и инспирирования глобальных массовых заблуждений, включая ложные научные теории.

Можно предположить и футурастории развития подобного паразитизма.

Кому же приятно подпадать под паразитическую эксплуатацию? Может возникнуть и сопротивление. Социальные революции научили приверженцев ренты многому. Именно поэтому не только принуждение и подавление стали оружием охраны рентной эксплуатации, но еще и манипуляция сознанием.

Создается информационное прикрытие. В том числе в сфере псевдонаучных теорий. Не всегда сами ученые несут ответственность за использование их трудов — как достоверных, так и ошибочных. В дело вступают политики. А для них важна не истина, а результат. Особенно когда речь идет о противостоянии государств.

Для оправдания полицейской охранной системы мирового паразитизма придумывается симулякр терроризма и создаются мировые военно-политические механизмы поддержания паразитической глобальной системы. Для восстановления доходности паразитарных схем организуются финансовые кризисы.

Анализ количественных показателей динамики занятости и выпуска по трем секторам деятельности человечества может наглядно вскрыть истинные тенденции и степень достоверности теории постиндустриализма.

Важно договориться, что понимается в исследуемом контексте под «обществом». Под сервисом. Индустриализмом, аграрностью.

«Общество» — очень широко употребляемый в гуманитаристике термин. И он довольно уязвим с точки зрения своей многозначности. «Мне неприятно его общество». «Общество любителей пива». «Присутствующее на собрании общество». «Российское общество». «Человеческое общество». «Гражданское общество». «Информационное общество». «Открытое общество».

Существует много контекстов и разных смыслов употребления одного и того же термина. Очевидно, что потенциал его манипулятивного употребления достаточно высок. Если ставится задача информационного размывания смыслов, подмены понятий, запутывания и имитирования содержания — а все это приемы манипуляции сознанием, — то чем многозначнее термин, тем лучше для манипуляторов.

Попробуем себе представить, что такое аграрное общество. Или традиционное общество. Это речь о жителях села, аграрных работниках? Очевидно, нет. Это речь об обществе, чтящем традиции? А разве бывают общества без традиций, воплощенных хотя бы в виде культурного закрепления? О чем же, о каком смысловом наполнении термина «общество» идет речь в теории постиндустриализма?

Главная, конечно, смысловая манипуляция усматривается в апелляции к стадиальности развития. Есть известная типология: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная (капиталистическая), коммунистическая общественно-экономическая формация. Здесь тоже стадиальная стратификация развития и тоже разговор на языке общества.

В теории постиндустриализма предлагается: аграрное — индустриальное — постиндустриальное. И тоже общество. Аналогия вполне очевидна. Следует вывод, что термин «общество» в этом контексте употребляется весьма релятивистично. Какое-то общество в прямом смысле слова (как совокупность людей, объединенных каким-то признаком) при этом не имеется в виду. Общество представляется как бессубъектная категория. Речь идет об «этапном состоянии человечества», о его отдельных доминирующих характеристиках. Прежде всего в сфере занятости и производства в секторной дифференциации. Уберите термин

«общество» из контекста теории постиндустриализма. Может быть, что-то изменилось, возникла какая-то невосполнимая методологическая утрата? Совершенно нет.

Поэтому, конечно, не социологией состояния общества в прямом смысле и значении этого термина занимается теория постиндустриализма. Ее предмет какой-то иной. В чем же он состоит? Логический смысловой поиск ведет к пониманию, что речь идет не об обществе, а об устройстве мира человечества. И уже совсем маленький логический шаг требуется совершить, чтобы увидеть: разговор об устройстве мира не может быть оторван от интересов субъектов-разработчиков теории. Мир обустроивается не абстрактно. Мир разнороден. Многосубъектен. Интересы различны и конфликтуют друг с другом. Ресурсы ограничены и за них ведется борьба. Одни выигрывают, другие проигрывают. Одни трудятся и создают блага. Другие паразитируют и живут на ренту.

Гипотетически вполне возможно увидеть бенефициаров использования теории постиндустриализма, а также наднаучный, манипулятивный, идеологический потенциал «теории», подаваемой под видом научного концепта.

Установить истинные пропорции искренних заблуждений, при следовании недостаточно достоверной теории и умышленном ее применении и эксплуатации как инструмента информационной войны, а также поддержки неокOLONиального устройства современного мира, достаточно трудно. Но авторы поставили перед собой задачу, в том числе, активировать сознание тех, кто в состоянии переосмыслить добросовестные заблуждения. Или хотя бы засомневаться и самому проделать тот путь, которым прошли авторы в процессе этого исследования.

Вместе с тем, чтобы разобраться с постиндустриализмом социологический анализ общества в мировом измерении и в измерении национальных государств, конечно, необходим. Тут речь идет о вполне прозрачном исследовании отраслевой структуры занятости в сельскохозяйственном, промышленном секторе и в сектора сервиса.

Важна еще одна оговорка. Что входит в понятие «сервис»? Бытовые услуги? Да. Наука и иная интеллектуальная (например, консультационная) деятельность? Да. Различные нематериальные производства интеллектуального продукта? Да.

Но главное здесь (хотя бы по объемам оборота) — торговля, банкинг, финансы. Та самая сфера, в которой человечество всегда стояло перед искушением: либо трудом и праведно получаешь благо, либо эксплуатацией соседа.

Под вывеской сервиса и происходит этот водораздел, именно здесь возникает столкновение двух образов жизни — трудового и паразитического. Нетрудно представить себе степень мотивации в стремлении увековечить паразитический порядок вещей. Нетрудно представить себе степень цинизма и преступности в этом устремлении. Нетрудно представить себе уровень ресурсов, которые бросаются на увековечение, трансформацию, осовременивание механизмов воплощения паразитизма. Нетрудно представить себе возможности мобилизации, покупки для этого выдающихся умов, целенаправленного построения мировых механизмов манипуляции и силового охранительства паразитизма. Игра для бенефициаров мирового паразитизма стоит свеч.

И тем важнее под искусственными информационными оболочками видеть суть.

Некоторые методологические вводные

Таким образом, в исследовании поставлены конкретные задачи анализа категориального, структурно-динамического, политического, манипулятивного и управленческого содержания, объяснительного и прогностического потенциала категории постиндустриального общества. Все необходимые оговорки, приведенные выше, при этом постоянно придется помнить и иметь в виду.

Теория постиндустриального общества, основателем которой считается Д. Белл, начиная с 60-х гг. XX в., получила широкую разработку в западной науке. Любопытно, что в то же самое время в США разрабатывался глобальный дезинформационный концепт СОИ — звездных войн. Создавались фильмы о звездных войнах. Велась (или имитировались) дорогостоящие научно-технологические исследования. Создавались образы национальных суперпрограмм масштаба проекта разработки атомного оружия «Манхэттен». Такое временное совпадение весьма интересно.

В последующие десятилетия выдвинут ряд новых интерпретаций теории постиндустриального общества, ведутся дискуссии относительно сущности и перспектив постиндустриального общества, однако в целом концепция постиндустриализма признана на Западе в качестве мейнстрима развития общества. Вместе с тем, сам Д. Белл отмечал в своей методологии экстраполяционный подход: «Вместо создания глобальной теории я оперирую тенденциями и пытаюсь исследовать их смысл и последствия, если рассматриваемые изменения в общественной структуре достигнут своих логических пределов»⁴.

Согласно постиндустриальной теории, общество, независимо от политических систем и культур, неизбежно в своем развитии последовательно проходит одинаковые фазы, критерий которых заключается в технологических аспектах организации общественного производства: аграрную (господствует первичный сектор производства), индустриальную (приоритет вторичного промышленного сектора производства) и постиндустриальную (приоритет сектора сервиса/услуг). Принцип доминирования определенного сектора производства определяет степень развитости и провозглашаемый тип того или иного общества.

Д. Белл выделяет пять основных критериев определения постиндустриального общества:

- экономическая деятельность смещается от производства товаров к производству услуг;
- увеличивается доля квалифицированных видов труда;
- источником производительности и роста становится знание;
- увеличивается возможность планирования и контроля технологического роста;
- происходит расцвет интеллектуальной технологии.

Однако легко видеть, что эти критерии имеют место на протяжении всей истории человечества. Темпы технического и технологического прогресса ускоряются, но это иное явление — ускорения развития, сжатия исторического времени. Оно объективно и могло бы исследоваться, но очевидно, что место этого предмета находится вне рамок теории постиндустриализма.

---

⁴ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

По сути, постиндустриальное общество — это самоназвание современного Запада. Это достаточно широкое рамочное понятие, объединяющее в себе такое количество концепций, что некоторые из них опровергают сами основы постулатов, выдвинутых Д. Беллом⁵. Безоговорочное употребление этого понятия неизбежно вызывает терминологическую путаницу. С одной стороны, постиндустриальное общество — это вполне конкретная теория о развитии общественных систем; с другой — это совокупность представлений о будущем, которое также именуется постиндустриальным обществом. Можно говорить о том, что этим понятием обозначают тип того жизнеустройства, которое должно сложиться в будущем, совокупность перемен, происходящих после или на поздней стадии индустриальной цивилизации, привычное имя которой, к слову, тоже есть изобретенное философами самоназвание.

Таким образом, постиндустриальное общество — это то, что рано или поздно ждет человечество в будущем (или в настоящем, с учетом сорокалетней давности разработки концепции). Отсюда и большое количество, помимо тех концепций, в которых будущее общество также именуется постиндустриальным, производных от постиндустриального общества модификаций наименований устройства общества будущего: посткапиталистическое, постэкономическое, постбуржуазное, пострыночное, посттрадиционное, постисторическое общество, программированное общество, постмодерн, информационное общество, общество знания и др. Показательно, что почти во всех терминах, обозначающих главную суть будущего общества, присутствует префикс «пост-». Это выражает неразрывную генетическую связь с породившим его прошлым и неопределенность еще не оформленного, но уже ощутимого грядущего.

Можно ли в такой постановке анализировать на предмет состоятельности концепт «постиндустриального общества»? По сути, критика концепции постиндустриализма в широком понимании означала бы критику наступления будущего и несогласие с тем, что в мире происходят изменения.

А они действительно происходят, спорить с этим было бы опрометчиво. Отметим только несколько новых состояний за-

---

⁵ См. раздел 1.2. Школы и направления постиндустриализма.

падного общества, которые позволяют говорить о его трансформации в направлении некоторого нового состояния, заслуживающего особого имени, каковым в самом общем виде и стал маркер «постиндустриализм».

Прежде всего меняется ощущение пространства и времени, двух фундаментальных универсалий мироощущения. Пространство глобализируется в степени, несопоставимой с тем, что наблюдалось полвека назад. Сейчас практически все регионы мира информационно взаимодействуют друг с другом. Это, к слову, резко обостряет проблему культурной идентичности местных общностей, чего не предполагал проект Просвещения, заложивший мировоззренческую основу индустриализма. «Бунтующая этничность», как и «антиглобализм», — явления нового общества.

Время становится нелинейным — оно ускоряется и тоже неравномерно, рывками. В социальном времени образуются провалы — «стирается» коллективная память. Изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми — они утрачивают устойчивую логику и рациональное целеполагание, из-за чего образ даже ближайшего будущего становится неопределенным. Люди живут, как кочевники, и не строят длительных жизненных планов. Это порождает аномию — разрыв человеческих связей и утрату чувства взаимной ответственности. Начинается «эпоха слабых связей». Жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений. Традиционные ориентиры и «опыт стариков» мало помогают в преодолении жизненных трудностей и кризисов.

Человеческие сообщества становятся «краткоживущими», а социальная структура — размытой. Утрачивает смысл понятие классов. Как отмечает социолог Э. Гидденс, мир не просто быстро меняется, но становится «ускользающим»⁶, обретает необычную динамику. Изменяются и общественные институты, и их функции, и люди, включая их поведение и сознание. Поэтому и вся динамика общества становится нелинейной. Происходят нарушения структурно-функциональной целостности. Все это в разной мере мы наблюдаем и на Западе, и в России, причем в России нередко в тяжелой форме, усиленной длительным системным кризисом.

---

⁶ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.

Появляются социальные формы, которых вообще не было и даже не могло быть в прошлом. Современная мировая экономика привязана к «электронным деньгам», которые не имеют аналогов в прошлом. Общая неопределенность и «неуловимость» изменений порождает качественно новые, непривычные риски. Как говорят, новое общество есть общество риска. Защититься от этих рисков и угроз очень трудно. Нет для этого надежного знания и определенных правил.

Это меняет и всю политическую систему, которая в индустриальном обществе опиралась на инерционную классовую солидарность и ее предсказуемую рациональность. Социолог П. Бурдьё объясняет это крахом доверия и угасанием тяги к политическим объединениям и коллективным действиям. Политические партии утратили способность прогнозировать будущее и объединять людей общим проектом — их программы сиюминутны и не имеют стержня фундаментальных истин.

Социологи указывают еще на одно значимое изменение общества — изменение смысла категории труда. Эта категория в привычном виде возникла в Новое время, когда была изобретена стоимость — невидимая «субстанция», позволяющая соизмерять ценность качественно разных вещей. В основу политической экономии как философского и научного объяснения индустриального хозяйства Запада была положена трудовая теория стоимости. Стоимость любой вещи (товара) измерялась стоимостью затраченного на ее создание труда, а труд становился товаром-эталоном. Эта мера поддерживалась куплей-продажей труда на капиталистическом предприятии. Система требовала стабильности и предприятия, и отношений труда и капитала. Сейчас эта система оказалась резко разбалансированной.

Сегодня капитал перемещается по всему миру в поисках дешевой и покладистой рабочей силы, бросая предприятия у себя на родине или завозя туда иммигрантов и разрушая стабильные рынки труда⁷.

Появились новые технологии, позволяющие заменить прежнего квалифицированного рабочего, расчленив большое предприятие на множество малых, разбросанных по всему свету, что ли-

---

⁷ Бауман З. Возвышение и упадок труда. СОЦИС. 2004, № 5.

шило рабочих возможности коллективных действий⁸. Это меняет общество в главном виде деятельности большинства — труде.

Как замечает Э. Гидденс, новая динамика общества трансформирует семью и, шире, интимные стороны жизни человека. Даже сексуальность становится «свободно плавающей, ... доступной для развития различных вариантов жизненных стилей»⁹. Браки становятся краткосрочными, множество людей сходятся и расходятся без всяких браков, резко возрастает число «неполных» семей. И эта часть жизни становится «текучей» и неопределенной.

Все эти взаимосвязанные изменения можно перечислять, переходя от одной сферы жизнедеятельности к другой, но корни этих изменений все больше обнажаются. Возникает образ многосторонней трансформации как целостной системы, которая не исчерпывается изменением только в трех секторах производства. Вопрос в том, можно ли считать эти изменения достаточными для констатации перехода общества в качественно новую фазу бытия, а данную трансформацию — ориентиром развития для всего остального мира?

Собственно теория постиндустриального общества в узком понимании является представлением о происходящих изменениях, где акцентируется отзвук экономизма западного общества Нового времени (капитализма). На первый план выводится образ экономического устройства. Й. Шумпетер писал: «Буржуазное общество выступает исключительно в экономическом обличье, как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки — все они сотканы из экономического материала»¹⁰. В этом смысле анализ категории постиндустриализма представляется весьма продуктивным.

Из изложенного смыслового наполнения маркера «постиндустриализм» вытекают два возможных исследовательских подхода. Первый заключается в анализе теории постиндустриального общества, заложенной Д. Беллом, и ее наиболее близких модификаций, акцентированных на стадияльно-отраслевом (секторальном) подходе как критерии развития общества и детерминанты

---

⁸ Там же.

⁹ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.

¹⁰ Цит. по: Иноземцев В. За предел экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.

будущих изменений. Пространством анализа здесь выступают отраслевая структура общественного производства (на предмет определяющей роли третичного сектора сервиса) и отраслевая структура занятости (на предмет возрастания доли занятости в секторе сервиса) как наиболее характерные признаки перехода к новому обществу (рис. В. 5).

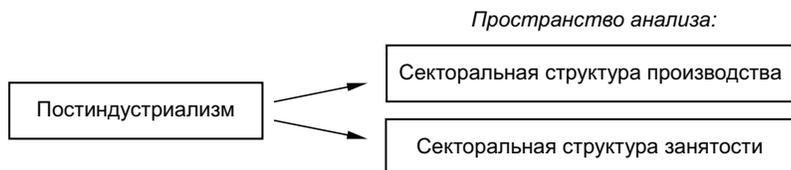

Рис. В. 5. Пространство анализа стадийно-секторального подхода к трансформации общественных систем

Особое внимание здесь должно быть уделено проверке фундаментального положения теории постиндустриального общества об исторической периодизации типов технологического уклада общественного производства (рис. В. 6). И прежде всего — проверке в отношении универсальности указанного стадийного подхода и его критериев для классификации стран и регионов современного мира на предмет развитости.

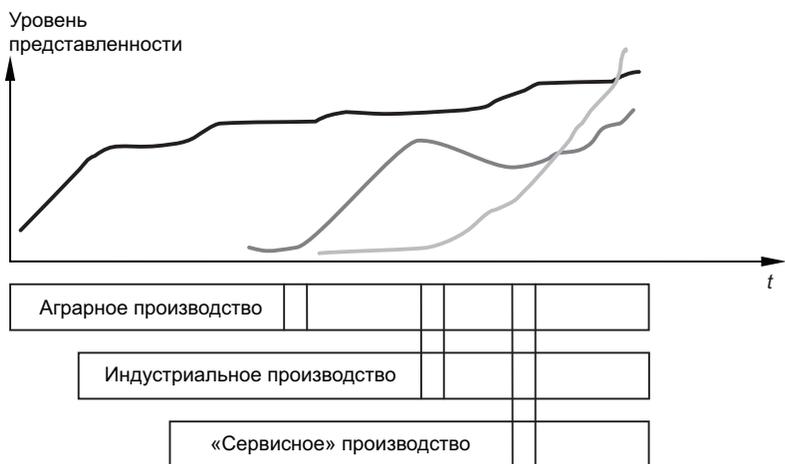

Рис. В. 6. Историческая периодизация технологических типов производства в теории постиндустриального общества

Пространство анализа изменений общества, условно объединяемое под маркером «постиндустриализм», может быть наполнено гораздо более широким содержанием, отражающим весь спектр изменений общественной жизни (рис. В. 7).

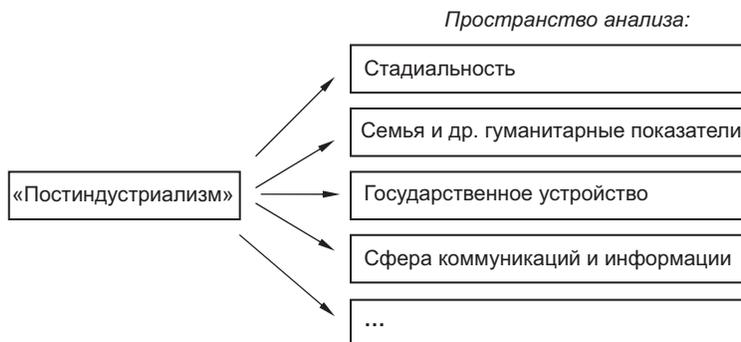

Рис. В. 7. Смысловое наполнение изменения жизнеосуществления общественной системы

Вместе с тем, расширение набора исследовательских характеристик было бы уходом от постиндустриализма в классическом содержании этой теории. Это был бы вопрос общей теории эволюции человечества как социальной системы максимального масштаба. Это другая и совершенно самостоятельная постановка научной задачи.

Актуальность выбранного авторами подхода обуславливается очевидной необходимостью верификации теории постиндустриального общества, во-первых, применительно к кризису современной России, ориентиром выхода из которого неолиберальной группировке видится путь в «сервисное общество». Во-вторых, авторы ставят цель проверить гипотезу о манипулятивном идеологическом компоненте теории.

Поясним исследовательский замысел. Теория стадиальности прочно вошла в современную науку. Она является частью формационного подхода, который, наряду с цивилизационным, доминирует в объяснениях многообразия типов общества и причин перехода от одного типа к другому (табл. В. 1).

**Различия формационного и цивилизационного подходов
к исторической периодизации и эволюции обществ**

Критерии	Формационный подход	Цивилизационный подход
Длительные тенденции в истории общества	Развитие — качественное фронтальное совершенствование	Развитие пространственно-вариативно
Основные общественные системы	Последовательно сменяющие друг друга формации	Сосуществующие цивилизации с соответствующим уровнем развития
Определяющие черты общественной системы	Организация материального производства	Наборы и эволюция мотивирующих поведение человека ценностей
Пути развития мирового общества	Существование главного («магистрального») пути развития	Возможность равноспешных вариаций пути развития
Сравнение общественных систем друг с другом	Одни формации лучше (прогрессивнее) других	Разные цивилизации принципиально равноценны
Влияние общественных систем друг на друга	Более развитая формация уничтожает менее развитые	Цивилизации сосуществуют

Теоретические концепты постиндустриализма, реализуемые в рамках стадийного (формационного) подхода, связаны прежде всего с изменчивостью во времени (рис. В. 8).

Однако в географическом пространстве также происходят изменения. На первоначальном этапе человечество было гомогенно. Осуществляя экспансию в пространстве, человечество начинает расслаиваться. В современном мире некоторые общества «застыли в развитии», некоторые развиваются динамично. В классических стадийных концепциях анализ ведется только во временном аспекте, разница в пространственном распределении систем жизнеосуществления не учитывается. Отсюда вытекает тезис о существовании «магистрального» пути развития, неизбежного для всего мира. Применительно к теории постиндустриального общества можно отметить, что при ее доказатель-

Рис. В. 8. Появление во времени новых подсистем общественных систем

стве исследователи не учитывают географическую и цивилизационную компоненты пространственно-временного континуума развития человечества. Беря в расчет только страны западного ареала, они делают выводы об общемировых закономерностях развития. Причины такой ограниченности не вполне ясны, к их числу могут быть отнесены как недостаточность эмпирической базы в период выдвижения теории постиндустриализма, так и сознательные умолчания в манипулятивных целях.

Подчеркнем, что при рассмотрении пространственной «оси» в анализ автоматически вводится цивилизационная координата вариативности. Только нужно помнить, что цивилизации в этом случае рассматриваются как локальные, а не как стадийные институты. То есть фактически пространство рассмотрения становится трехмерным: время, пространство, цивилизационная вариативность¹¹.

Разница в пространственном различии систем жизнеосуществления сводится к субъект-субъектному взаимодействию. И в случае, когда более прогрессивный субъект навязывает «отстающему» свою модель развития, возникает момент паразитирования (кто за счет кого начинает жить). Страны Запада, наиболее близкие к «постиндустриальному» моменту развития, находятся

¹¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2008.

в этом контексте в наиболее активном положении. Причем заметно, как в истории были очень четко сформированы отношения именно этого типа. Противостояние цивилизация — варварство. Рабовладение в новое время: миллионы африканских рабов, вывезенных в США. Расизм и нацизм. Колониализм. Наконец, современная фаза — неоколониализм. В рамках этой фазы просматривается активная общественная роль теории постиндустриализма.

Если первичный колониализм опирался на прямую военную силу и принуждение, то в современности он трансформировался на пути акцентировки именно третьего сектора — мировой системы финансов, основанной на доминировании доллара. Экспорт страной-эмитентом очень своеобразного товара, а именно — доллара, приносит ей доходность в сотни тысяч процентов! Это ли не паразитирование и эксплуатация всего мира, пользующегося долларом?¹² Это ли не причина изобретать подходящие теории и доктрины и манипулировать сознанием всего мира и национальных элит, включая российскую?

Именно поэтому в исследовании используется следующий теоретико-методологический посыл. Нельзя ограничиваться только временной осью при анализе эволюции человечества, замыкаясь при этом на стадильности развития. Необходимо добавлять пространственную и цивилизационную координаты, которые порождают необходимость представления мира и развития в субъект-субъектном отношении. Вводя пространственный компонент анализа, можно предложить более мерные (в смысле количества измерений в анализе) смысловые карты.

- Таким образом, основными задачами исследования являются:
- анализ теории постиндустриального общества, предпосылок и истории ее становления, основных течений и школ;
  - изучение динамики секторальной структуры производства и занятости в различных странах, переосмысление структуры статистических данных;
  - анализ на основе статистических данных пространственно-временной динамики различных типов структуры обществ;

---

¹² Якунин В.И. Лекция в Лондонской школе экономики 17 февраля 2009 г. М.: Научный эксперт, 2009.

- вскрытие манипулятивных и идеологических компонентов категории постиндустриального общества и ее употребления в качестве прикрытия современного неокOLONиализма;
- оценка перспектив социально-экономического развития России в контексте теории постиндустриального общества.

Авторам представляется, что при решении поставленных задач в ходе исследования получены убедительные результаты, подтверждающие выдвинутые гипотезы.

Глава I. Генезис постиндустриализма

1.1. К истории теории постиндустриального общества

Новое время — особая эпоха в истории человечества. Начало ей положила мега-революция, которая произошла в Западной Европе. Это была система взаимодействующих революций — религиозной (Реформация), Научной, Промышленной и ряда политических. Каждая из этих революций кардинально изменила какую-то сторону бытия европейских народов, а все они в совокупности произвели огромную мутацию в культуре, хозяйстве и национально-государственных системах. Это — эпоха индустриальной цивилизации, «вторая волна», оттеснившая предыдущую, аграрную цивилизацию и присущие ей мировоззренческие, хозяйственные и политические структуры.

Термином «индустриализм», как и термином «постиндустриализм», обозначают в разных контекстах и цивилизационные признаки этой эпохи, и уклад (экономический и технологический), господствующий в странах, прошедших индустриализацию, и тип общества и быта людей, и разные варианты легитимирующих индустриальное общество идеологий.

С начала XX в. индустриальная цивилизация втягивается в глубокий кризис. Выражением его стала череда революций в аграрных странах, непредусмотренных в социальных учениях индустриализма. Затем произошла Мировая война, за которой последовал тяжелый экономический кризис и невероятный «припадок» фашизма в самой метрополии индустриальной Европы, который привел к еще более тяжелой Мировой войне.

Во второй половине XX в. кризис эпохи индустриализма приобрел черты системного кризиса, что побудило западных философов, культурологов и социологов к интенсивным изысканиям. Была выдвинута идея об исчерпании потенциала индустриализма и наступлении некоего нового этапа, самоназванием для которого в самом общем виде стал постиндустриализм. Очевидно, что значение самоназвания важно для любого общества. Чтобы ставить вопрос о форсированной перестройке общества и присвоении ему нового особого обозначения, требовались чрезвычайные

мотивы, вызванные достижением некоторой критической точки в развитии. Приближение этой критической точки в развитии цивилизации ощущалось с начала XX в.

Основания кризиса были изначально заложены в мировоззренческую структуру индустриальной цивилизации и заключались в том, что биосфера Земли, развитие которой ограничено физическими условиями планеты, с появлением человека сосуществует с техносферой, развитие которой, как считалось, ничем не ограничено. Идеи свободы и неограниченного прогресса приобрели почти религиозный характер. В этих условиях мощностность техносферы очень быстро, по историческим меркам, достигла того критического уровня, при котором техногенная нагрузка на биосферу стала приближаться к пределу возможностей ее регенерации.

Система индустриального общества оказалась неадекватной фундаментальным ограничениям — в ней отсутствовали блоки и механизмы, гармонизирующие сосуществование одинаково необходимых для жизни сфер. Как предупредил в начале XX в. В.И. Вернадский, человек действует здесь не как *Homo sapiens*, а как *Homo sapiens faber*. Чтобы общественное сознание, преломленное во всех сторонах деятельности человека, смогло без тотальной катастрофы разрешить это глобальное противоречие, требуются принципиальные изменения, что и побудило ставить вопрос о строительстве «постиндустриального общества». В.И. Вернадский предвидел это как неизбежный «переход техносферы в ноосферу».

Философские поиски привели к выводу о завершении цикла индустриальной эпохи и сложившегося в ней типа общества. Поскольку первопроходцем и главным выгодополучателем индустриализма была локальная цивилизация, условно называемая Западом, она первая осознала неизбежность перестройки своего цивилизационного уклада (прежде всего отказа от универсализма Просвещения и демократического идеала ввиду невозможности распространить западный образ жизни на все человечество из-за ограниченности невозобновляемых ресурсов). Поэтому именно на Западе развернулись дебаты относительно того жизнеустройства, которое возможно и желаемо по завершении эпохи индустриализма.

Почти во всех терминах, обозначавших в этих дебатах главную суть будущего общества, которое проектировалось для Запада, присутствовал, как уже отмечалось, префикс «пост-». Общество начала XXI в. называли постбуржуазным, посткапиталистическим, постэкономическим, постмодернистским, постцивилизационным, постисторическим и даже постпротестантским. Общим же для всех определений является представление о постиндустриальном обществе.

В своем обзоре предложенных терминов У. Дайзард отмечает: «Общая приставка этих терминов отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, — ощущением конца. Действительно, ни Белл, ни другие футурологи не смогли дать сколько-нибудь убедительной картины будущего»¹.

Да, именно чувство увядания сложившегося типа общества заставило интенсивно изучать и осмысливать его главные структуры, установки, духовные матрицы. Сама приставка «пост-» указывает на неопределенность выбора на распутье, она открывает возможность множества сценариев. В самосознании Запада, таким образом, происходят глубокие сдвиги, массы людей ощущают себя в ситуации исторического выбора. Это — важный когнитивный сдвиг, который неизбежно приведет к сдвигам в установках массового сознания и в политической практике. И игнорировать это явление ни в коем случае нельзя.

Признанным отцом постиндустриальной концепции считается Д. Белл, сформулировавший в своих трудах выводы о тенденциях мирового развития в виде систематизированной схемы, которая и составляет стержень сегодняшней теории постиндустриального общества. Однако основания этой теории возникли в социологии задолго до появления самого термина «постиндустриализм» и острых кризисных проявлений в западном обществе в первой половине XX столетия.

Первый блок в фундаменте этой теории был заложен институциональным подходом в политической экономии, предположившим, что доминирующий принцип периодизации истории общественного развития по оценке классовой структуры может быть дополнен или даже замещен новым подходом, учитываю-

---

¹ Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.

щим исследование технологических аспектов организации общественного производства². В теории Т. Веблена была предпринята попытка объединить анализ промышленной системы с изучением институциональной структуры общества (когда пришло понимание того, что смитовский «человек экономический» — это слишком упрощенное понимание человека). Именно тогда была выдвинута идея о закономерности хозяйственного развития в любой стране, вне зависимости от ее политической и культурной систем.

Собственно значение институциональной концепции для становления постиндустриальной теории заключалось прежде всего в том, что идея стадий технологической эволюции слилась с эволюцией социума. Было провозглашено, что страны на разных континентах проходят одинаковые фазы в своем развитии, и критерий этих фаз находится в организации общественного производства. Таким образом, была осуществлена трансформация теории К. Маркса о последовательной смене общественно-экономических формаций. Акцент переместился от классовой составляющей на доминирование технологических аспектов организации общественного производства в исторической периодизации, хотя в своей сути стадильность переключалась и в новую теорию.

Уже в конце 1940-х гг. в работах американского экономиста К. Кларка «Экономика в 1960 году» и французского обществоведа Ж. Фурастье «Великая надежда XX века» был сформулирован важнейший методологический принцип будущей теории постиндустриального общества, а именно — разделение общественного производства на три сектора: первичный (аграрный), вторичный (промышленный или индустрия) и третичный (сервисный сектор или сектор услуг).

Вторым важным методологическим принципом стал тезис о том, что при экономическом росте значение третичного сектора по сравнению с первичным и вторичным возрастает. Согласно выводам этих ученых, растущее значение сферы услуг находит свое значение в двух аспектах: во-первых, в росте доли третичного сектора в совокупной рабочей силе страны; и, во-вторых, в уве-

---

² Бутаев В.Б. Постиндустриальное общество: особенности и критерии. М.: Спутник+, 2003.

личении его доли в структуре ВВП. Иными словами, эти ученые заложили еще один массивный блок в фундамент теории постиндустриального общества. Теперь принцип доминирования технологических аспектов организации общественного производства над оценкой классовой структуры оказался распространенным не только на историческую периодизацию, но и на конкретный анализ экономического развития современных обществ³. Таким образом, элементы «колониализма» были заложены в самом фундаменте новой теории, разделяющей общества и страны на высшие и низшие, причем с обязательным универсальным путем развития отсталых стран по пути развитых.

К 50-м гг. XX в. на базе именно этих двух положений был осуществлен синтез различных подходов к оценке состояния социума, давший начало теории постиндустриального общества. К периоду конца 1950-х — начала 1960-х гг. можно отнести момент рождения образа будущего мира, ставшего мировоззренческой базой постиндустриального подхода в западной социологии. Именно тогда социологи США и Европы утвердились в выводе, что никакие политические, идеологические и социальные различия в современных условиях не могут считаться более важными, чем фактор технологического прогресса.

В 1960-е гг. распространяется и популяризируется само понятие «постиндустриализм», а внимание к технике и ее влиянию на социальную сферу обостряется. Именно к этому периоду относятся лекции Д. Белла в Зальцбурге, в которых он впервые предложил постиндустриальную теорию в чертах, послуживших основой для единого концепта.

К концу 1960-х гг. проблематика происходящих под воздействием техники изменений общества стала одной из наиболее обсуждаемых западными социологами. Именно к этому периоду относятся активные поиски названия новому феномену. З. Бжезинский, например, в 1970 г. провозгласил, что мир стоит перед «технотронной эрой», в которой его бытие и развитие будут определять технология и электроника⁴. Э. Тоффлер годом позже

---

³ Бумаев В.Б. Постиндустриальное общество: особенности и критерии. М.: Спутник+, 2003.

⁴ Brzeziński Zb. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983.

в своей книге «Шок будущего» писал о «супериндустриальном» обществе, где все изменения выводятся из техносферы⁵.

Выход в 1973 г. книги Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество»⁶ вызвал взрыв интереса к постиндустриальной проблематике, став своеобразным рубежом, за которым последовала волна футурологических концепций социологии 1970-х и 1980-х гг. Работа Д. Белла закрепила в западной социологии образ возможного будущего и оказала влияние на всех футурологов XX в.⁷

Футурологические исследования постиндустриализма 70–80-х гг. XX в. отличаются своим систематическим и организованным характером. Они стали институционализированной областью знания, что говорит о наличии реальной проблемы и кризиса сложившегося на Западе типа общества. Возникла целая сеть организаций, занятых разработкой «образа будущего» — как для всего мира, так и, главное, для Запада. Примером такой организации служит Римский клуб⁸.

В 1970 г. Римский клуб заказал группе Д. Медоуза в Массачусетском технологическом институте (США) проведение исследования, «чтобы выявить катастрофические последствия существующих тенденций и стимулировать политические изменения, которые помогли бы их избежать». В 1972 г. по результатам этого исследования вышла книга «Пределы роста». Вывод доклада был таков: «Необходимо принять меры, чтобы обеспечить рационализацию всей производственной системы и передислокацию промышленности в пределах планеты». Так было положено начало практической разработке современной доктрины глобализации. Важно отметить, что это было именно *проектирование* (а не только прогнозирование) того обобщенного образа «цивилизации Третьей волны», который и обозначался словом «постиндустриализм».

---

⁵ Toffler A. Future Shock. N.Y., 1971.

⁶ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

⁷ Бутаев В.Б. Постиндустриальное общество: особенности и критерии. М.: Спутник+, 2003.

⁸ Факт такого рода заказов иллюстрирует индустрию научно-когнитивной манипуляции. Так запускаются и тиражируются в мировой «науке» и публицистике некоторые «теории», на деле являющиеся проектами в интересах вполне определенных бенефициаров.

Раньше всего кризис индустриального общества обнаружился в культуре. Следует вспомнить, что интенсивным поискам нового проекта цивилизации предшествовала мощная атака разных вариаций постмодерна — и в виде «красного мая–1968» в Париже, и в виде вспышки «социалистического идеализма» Пражской весны. В обоих случаях главным мотивом были вовсе не классические социальные противоречия индустриализма, а мировоззренческий кризис элитарной части городского общества, независимо от его экономической формации. Под какими лозунгами разыгрывались эти спектакли — не так важно.

Следует зафиксировать важное исходное положение: сама постановка на Западе вопроса о переходе цивилизации к ее постиндустриальной фазе, сам поиск нового названия западному обществу в этой новой фазе служили симптомами глубокого кризиса западного общества, не сводящегося к кризису индустриализма как технологического и экономического уклада. Речь идет о кризисе мировоззренческой матрицы, на которой было собрано и в течение четырех веков воспроизводилось западное индустриальное общество.

Вместе с тем, анализ истории появления теории постиндустриального общества показывает, что теория, во многом построенная на основаниях индустриализма, не могла дать ответа на новые вызовы. И акцент на технологических изменениях общества не мог служить исчерпывающим объяснением происходящих изменений. Более того, далее будет показано, что новые социальные формы постиндустриализма только усугубляют кризис западного общества как метрополии мировой капиталистической системы.

Игнорировать это нельзя еще и потому, что этот кризис захватил и Россию — и как индустриальное общество, а еще и потому, что Смута последних 20-ти лет привела российское общество в состояние глубокой деиндустриализации и демодернизации. Этот провал должен быть закрыт форсированной программой восстановления и развития. Однако какова должна быть эта программа и куда ведет развитие по «проторенному» Западом пути постиндустриализма — это и будет раскрыто в следующих разделах исследования.

1.2. Школы и направления постиндустриализма

Концепция постиндустриального общества получила свое развитие в трудах многих известных исследователей: З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, У. Дайзарда, М. Кастельса, Р. Катца, М. Маклюэна, Е. Масуды, Дж. Мартина, М. Пората, Т. Стоуньера, О. Тоффлера, А. Турена, Д. Белла и др. В российской науке это направление представлено работами С.А. Дятлова, Д.В. Иванова, В.Л. Иноземцева, Н.Н. Моисеева, А.И. Ракитова, Р.Ф. Абдеева и др.

Посткапиталистическое общество XX в. по Дарендорфу характеризуется прежде всего тем, что промышленность и вместе с нею промышленное предприятие перестают играть доминирующую роль в организации общественных связей и отношений, а вместе с этим изменением теряет свое значение и классовый конфликт между предпринимателем и рабочим. В таком обществе вырабатываются нормы регулирования конфликтов, что связано, с одной стороны, с индустриальной, а с другой стороны — с политической демократией. Таким образом, в западном посткапиталистическом обществе возникают большие возможности регулирования классового конфликта, который не устраняется, но локализуется в отраслевых рамках или рамках предприятия.

Один из последователей Д. Белла Г. Кан воплотил идеи постиндустриализма в собственной концепции постэкономического общества, которое он определяет как общество материального достатка («общество изобилия»). Характерной чертой данного общества является преодоление ресурсного дефицита. Настоящий успех пришел к Г. Кану после публикации его книги «Год 2000»⁹. В этой работе Канн излагал разработанную им и его коллегами методологию анализа будущего под названием «сценарный анализ» и результаты ее применения для прогнозирования развития мира до 2000 г. Германа Кана называют «технологическим оптимистом». В своих работах исследователь и его коллеги писали, что человечество перейдет от постиндустриальной экономики к следующей стадии, когда все глобальные проблемы бу-

---

⁹ The Year 2000 A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years by Herman Kahn and Anthony J. The Macmillan Company, New York, N.Y. Collier-Macmillan Limited, London, 1967.

дут успешно разрешены на основе безграничных возможностей науки и новой технологии.

Однако, несмотря на существование оптимизма, связанного с преодолением проблемы ресурсного дефицита средствами науки и технологий, Г. Кан и его последователи прогнозировали, что в постиндустриальном обществе возникнут новые конфликты, основанные на несовпадении взглядов и ценностей. И разрешить их будет намного сложнее.

Проблемой конфликтности в постиндустриальном обществе занимался французский социолог А. Турен¹⁰. В работе «Постиндустриальное общество» он выдвинул концепцию программируемого общества. По мнению исследователя, доминирующим фактором развития так называемых программируемых обществ становятся не экономические условия, а социальные силы, особенно способность к планированию, организации и контролю. В своих оценках судьбы постиндустриального общества автор весьма пессимистичен. А. Турен полагал, что технологические и экономические изменения, приписываемые постиндустриальному обществу, приведут к возникновению нового класса. Однако положение этого класса неизбежно будет ухудшаться. По мере применения механизмов капиталистического индустриализма статус «нового рабочего класса» интеллектуалов и технических специалистов в обществе будет понижаться (подобно положению рабочего класса во времена Маркса), привнося революционный компонент в политику. Иллюстрацией этого тезиса выступают студенческие волнения во Франции и в США, происходившие в 1960-е гг.

Существенный вклад в развитие доктрины постиндустриализма внес американский политолог З. Бжезинский, выступивший с концепцией технотронного общества. Основные положения его концепции представлены в книге «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру». По мнению Бжезинского, постиндустриальное общество становится технотронным обществом, т. е. обществом, «которое в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области

---

¹⁰ *Touraine A. The Post-Industrial Society: Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Cultures in the Programmed Society.* N.Y., Random House, 1971.

компьютеров и коммуникаций»¹¹. Результатом технетронной революции становятся разрушение традиционных связей в семье и между поколениями, фрагментация общественной жизни, крах старых верований, связанных с национальными и идеологическими общностями людей. Технетронная революция носит не локально-территориальный, а глобальный характер, постепенно охватывая весь мир: «Эта новая революция почти одновременно оказывает воздействие на всю планету, и в итоге все новации и причуды в формах поведения быстро перемещаются от одного общества к другому»¹². При этом З. Бжезинский оценивает экспорт массовой культуры из США как закономерное следствие пространственно-временной коммуникационной революции, которая, по его мнению, означает конец идеологии.

В рамках постиндустриальной теории отдельно стоит выделить волновую концепцию Э. Тоффлера, изложенную в его книге «Третья волна»¹³. Э. Тоффлер предложил свою схему феноменологии исторического процесса, выделив в истории цивилизации три волны: первая волна — аграрная (до XVIII в.), вторая — индустриальная (до 50-х гг. XX в.) и третья — пост-, или супериндустриальная (начиная с 50-х гг. XX в.). Применяя новый подход — волновой фронтальный анализ социальных процессов (или анализ «фронта волны»), который означает видение эволюции мира в ее глобально-синхронных фазах, — Э. Тоффлер анализирует технико-экономические и информационно-коммуникативные факторы общественного развития.

Первая волна, по Э. Тоффлеру, началась примерно 10 тыс. лет назад с переходом от собирательства и охоты к сельскохозяйственной жизни и появлению первых ростков цивилизации. Основой жизни цивилизаций первой волны была земля, деревенское поселение служило источником основного продукта. Господствовало простое разделение труда и небольшое количество четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы (или крепостные). Власть была авторитарной, и положение человека определялось фактом его рождения. Во всех странах

---

¹¹ Brzezinski Zb. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era.* N.Y., 1970.

¹² Ibid.

¹³ Тоффлер Э. *Третья волна.* М.: АСТ, 1999.

экономика была децентрализованной и замкнутой — каждое общество производило большую часть того, что потребляло.

С началом индустриальной революции в конце XVII в. Э. Тоффлер связывает начало Второй волны, хотя при этом автор отмечает, что Первая волна перемен еще не исчерпала своего потенциала: «Таким образом, два отдельных, явно отличающихся друг от друга процесса перемен, распространялись по земле одновременно, но с разной скоростью»¹⁴. Столкновения двух волн привели к возникновению многих политических и военных конфликтов, начиная от акций протеста сельскохозяйственных производителей по поводу индустриализации жизни и до Гражданской войны между Севером и Югом в Америке.

С приходом Второй волны связано возникновение трех определяющих социальных структур (главных институтов) — малой семьи, обучения фабричного типа и гигантских корпораций. Индустриализация, внедрение новых технологий, совершенствование энергетической базы создали условия для массового производства, которое вызвало к жизни новую систему распределения. Если в обществах Первой волны превалировало распределение товаров, изготовленных на заказ, то теперь наступила эпоха массового распределения и массовой торговли. Постепенно все сферы жизни подчиняются производственно-рыночным интересам. Все социальные институты (правительственные учреждения, школы, больницы) приобретают черты фабричности, такие как разделение труда, наличие иерархической структуры и обезличенность.

В своей книге Э. Тоффлер выделяет и последовательно анализирует шесть ведущих принципов, действующих во всех странах Второй волны: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация¹⁵. Исследователь отмечает, что эти же принципы, усиливая друг друга, создали самые крупные, жесткие и могущественные бюрократические организации, элиты и суперэлиты Второй волны¹⁶.

В середине 50-х гг. XX в. Э. Тоффлер фиксирует глубокий кризис принципов и структур Второй волны и приход Третьей волны.

---

¹⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Точкой поворота можно считать 1955 г., когда в США впервые число «белых воротничков» и работников сферы обслуживания стало превышать численность «синих воротничков». В это десятилетие началось широкое внедрение компьютеров и новых технологий, доступных населению¹⁷.

Цивилизацию Третьей волны отличает ряд черт и тенденций, противоречащих традиционной индустриальной цивилизации: одновременно она является высокотехнологичной и антииндустриальной. Она несет с собой новый строй жизни, основанный на возобновляемых источниках энергии, на методах производства, исключая фабричные сборочные конвейеры, на новой не-нуклеарной семье, на новой структуре, которую Э. Тоффлер назвал «электронным коттеджем», на радикально измененных школах и объединениях будущего. Возникающая цивилизация ведет за пределы стандартизации, синхронизации и централизации. Новая цивилизация, по мнению Э. Тоффлера, будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик постимпериалистического мира¹⁸.

Таким образом, характерными чертами постиндустриальной волны, по Э. Тоффлеру, выступают разрушение привычного социума, обвал социальных связей — не только традиционных (семья, род, профессия), но и модернизированных (государство, партия, класс, социальный слой).

Наряду с представленными концепциями теория постиндустриального общества получила развитие и интерпретацию в многочисленных работах других исследователей. Начиная с 1960-х гг. возник целый ряд направлений, изучающих и объясняющих процессы, происходящие в современном обществе, многие из которых существенно противоречили постулатам Д. Белла о стадильности и технологическом детерминизме. Примером может служить принципиально иная историческая схема формирующегося мира в виде циклического развития. Формирование данного подхода связывается, в частности, с трудами французского экономиста и социолога Ж. Фурастье, который также оперировал термином «постиндустриализм». Признаки постиндуст-

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

риального уклада, по Ж. Фурастье, во многом повторяют черты средневекового общества. В отличие от сторонников белловского направления, Ж. Фурастье указывал в качестве одной из основополагающих характеристик постиндустриального развития даже реабилитацию религиозного и религиозно-мистического опыта, что напрямую соотносится со средневековой традицией¹⁹. Понятно, что истолкование постиндустриализма в качестве «нового Средневековья» отражает принципиально иные, в сравнении с моделью стадийного прогресса, управленческие установки.

В противоположность линейному концепту развития авторы предлагаемой читателю работы утверждают, что грядущая стадия мироустройства не обладает принципиальной исторической новизной. Она нова лишь в том смысле, что каждое явление исторически новационно. Парадигма же ее формируется как синтез моделей общества традиционного и модернизационного типов.

Последовательно проведенная до своего логического завершения модернизация приводит к самоотрицанию. И вот уже на новом циклическом витке развития за декорациями модерна и постмодерна угадываются контуры «нового Средневековья»²⁰.

Строго говоря, не все подобные концепции могут считаться научными школами в рамках собственно теории постиндустриализма в узком смысле слова, это скорее альтернативные направления в рамках поля исследований будущего.

Среди наиболее заметных стоит выделить концепцию информационного общества, концепцию «общества знаний», постмодернизм, концепцию постисторического общества.

В начале 1960-х гг. фактически одновременно в Японии и США в работах Ф. Махлупа и Т. Умесао в научный оборот был введен термин «информационное общество»²¹, положивший начало одноименной теории. Теория информационного общества начала разрабатываться в трудах таких авторов, как М. Порат²², Й. Масуда²³,

---

¹⁹ Легостаев В.М. Наука в рамках технократической утопии Жана Фурастье // Вопросы философии. 1974. № 12.

²⁰ Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4.

²¹ Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L., 1993.

²² Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.

²³ Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.

Т. Стоуньер²⁴, Р. Катц²⁵. Информационное общество рассматривается исследователями в качестве социального уклада, возникшего в ходе телекоммуникационной революции, развернувшейся одновременно со становлением постиндустриального общества. В информационном обществе доминирует информационный сектор экономики, связанный с ведущей ролью информации и знания.

М. Порат и Р. Катц уделили внимание социологическому аспекту теории информационного общества. Исследователи акцентировали внимание не столько на прогрессе собственно информационных технологий, сколько на становлении технологического, или техно-электронного, общества и определили современный социум, отталкиваясь от возросшей и постоянно возрастающей роли знаний. По сути, М. Порат и Р. Катц разрабатывали теорию новой социальной структуры, возникшей в условиях постиндустриального общества.

Социально-экономический аспект теории информационного общества в 1970–1980-х гг. изучал Т. Стоуньер. Согласно его социально-экономической теории информационного общества, информацию, подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования. В постиндустриальном обществе национальные информационные ресурсы — самый большой потенциальный источник богатства. Постиндустриальная экономика — это экономика, в которой промышленность по показателям занятости и своей доли в национальном продукте уступает место сфере услуг, а сфера услуг есть преимущественно обработка информации. Производство информации увязывалось с производством знаний и научными открытиями, а растущее значение информатизации выражалось в концепциях постиндустриального и информационного общества.

Одним из главных представителей информатизма является американский социолог М. Кастельс, автор фундаментального трехтомного труда «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»²⁶. Он рассматривает формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество. Его важнейшей чертой выступает не столько домини-

---

²⁴ *Stonier T.* The Wealth of Information. L., 1983.

²⁵ *Katz R.L.* The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.

²⁶ *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.) — Oxford: Blackwell Publ., 1996.

рование информации или знания, сколько изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, «сетевые» структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости. Автор подчеркивает, что такое использование информации и знаний ведет к совершенно особой социальной трансформации, к возникновению «информационизма». Как отмечает М. Кастельс, индустриализм нацелен прежде всего на производство и распределение энергии, ориентирован на максимизацию выпуска продукции. Информационизм охватывает все области человеческой деятельности и направлен на развитие технологий, накопление знаний и достижение более высоких уровней обработки информации.

В то же время М. Кастельс не говорит о закате капитализма, а даже наоборот, утверждает, что общество сетевых структур является буржуазным обществом. Однако эта разновидность капитализма существенно отличается от своих предшественников двумя основными признаками: глобальный характер (наступивший после распада социалистического лагеря стран) и базирование на сети финансовых потоков. Как отмечает ученый, современные финансовые потоки не знают границ и национальностей, циркулирование капитала определяет судьбу корпораций, семейных сбережений, национальных валют и даже региональных экономик.

Идеи М. Кастельса нашли отражение в работах ряда социологов и политологов, исследующих социальные процессы в современном обществе, возникшие в связи с глобализацией общественных и экономических отношений. Достижения в области новых технологий, на которых основывается формирование информационного общества, во многом изменили характер политической коммуникации. Функционирование современных демократических институтов может быть существенно затруднено без адекватного информационного сопровождения, а обеспечение равного доступа к сетям при определенных условиях может способствовать закреплению демократических стандартов на уровнях межличностного и межгруппового общения²⁷.

---

²⁷ Гуторов В.А. Концепция киберпространства и перспективы современной демократии // Интернет и современное общество. Всероссийская научно-методическая конференция. Санкт-Петербург, 8–11 декабря 1998 г.: Тезисы докладов. СПб., 1998.

Широкое распространение в работах зарубежных обществоведов получила концепция «общества знания» (Н. Штер, П. Друкер, Т. Сакайя, Д. Диксон). В рамках данной концепции знание рассматривается в качестве основного фактора производства. Человек предстает как основная движущая сила хозяйственного прогресса, а основной его целью является повышение качества жизни.

В работе «Посткапиталистическое общество» американский экономист П. Друкер изложил свои воззрения на современное состояние и перспективы развития капиталистического общества. П. Друкер описывает тенденции, ведущие к преодолению традиционного капитализма; причем основными признаками происходящего сдвига выступают переход от индустриального хозяйства к экономической системе, основанной на знаниях и информации, преодоление капиталистической частной собственности и отчуждения (в марксистском понимании), формирование новой системы ценностей современного человека и трансформация идеи национального государства в сторону глобальной экономики и глобального социума. П. Друкер называет современный этап эпохой радикальных изменений основ общественного устройства — трансформации капиталистического общества в общество, основанное на знаниях (knowledge society) ²⁸.

По мнению П. Друкера, то обстоятельство, что знание стало главным, а не просто одним из видов ресурсов, и превратило наше общество в посткапиталистическое. Данное обстоятельство изменяет структуру общества, и при этом коренным образом. Оно создает новые движущие силы социального и экономического развития, влечет за собой новые процессы и в политической сфере.

В своей концепции П. Друкер соотносит прогресс с тремя этапами изменения роли знания в обществе:

- первый этап связан с применением знаний для разработки орудий труда, технологий и организации промышленного производства;
- второй этап — применение знаний к процессам организованной трудовой деятельности;

---

²⁸ Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1990.

- третий (современный) этап характеризуется тем, что знание становится основным условием производства и «знание теперь используется для производства знания»²⁹.

Основным политологическим выводом из концепции П. Друкера является то, что переход к «обществу, построенному на знании», принципиально меняет властную структуру общества — власть и контроль постепенно переходят от обладателей капитала к тем, кто обладает знанием и информацией, владеет эффективными технологиями его использования. Причем этот переход не отменяет значения капитала. Как правило, капитал перераспределяется, а точки концентрации знания и информационных технологий становятся одновременно и точками управления финансовыми потоками.

Японский экономист Т. Сакайя в работе «Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего» предложил собственную концепцию общества, центральное место в котором занимают знания и которое он называет *knowledge-value society* (общество, базирующееся на ценностях, создаваемых знанием). В отличие от ряда западных исследователей, широко применяющих понятия *knowledge society*, *knowledgeable society* или производные от них, Т. Сакайя подчеркивает, что характерным признаком современного общества является не сам факт широкой распространенности знаний, а то, что они непосредственно воплощаются в большинстве создаваемых в обществе благ, и таким образом экономика превращается в систему, функционирующую на основе обмена знаний и их взаимной оценки.

Концепция постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, З. Бауман, У. Бек, Д. Харви) также выступает одной из альтернатив постиндустриализму. Ее авторы скорее ориентированы не на исследование объективных характеристик современного общества, а на суть явлений, происходящих на социопсихологическом уровне.

Ряд концептуальных расхождений касается представлений о роли науки, знаний и информации³⁰. Изменение статуса знания, являющегося главным компонентом культуры, в информационную эпоху сводится к тому, что знание принимает форму инфор-

---

²⁹ Там же.

³⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998.

мации, переводимой на язык компьютеров, операционализируется и коммерциализируется.

3. Бауман в качестве важной черты постмодерна, в противоположность теоретикам постиндустриального общества, выделяет статусный кризис интеллектуалов (элиты знания). В рамках направления «постмодернизм» также можно рассмотреть и концепцию пост-истории, предложенную немецким философом А. Геленом в статье «О культурной кристаллизации» и развитую в работах Ж. Бодрийяра³¹. Работы А. Гелена и Ж. Бодрийяра отличаются пессимистичными оценками современного этапа общественного развития. Говоря о всемирно-историческом процессе, А. Гелен констатирует наступление идейного вакуума. Это состояние он характеризует как пост-историю — время, когда «в плане истории идей уже больше нечего ждать»³². Концепция пост-истории Ж. Бодрийяра созвучна идеям А. Гелена. Он рассматривает пост-историю как такое состояние общества, в котором актуализированы все исторические потенциальности, а следовательно, невозможно никакое подлинное новаторство.

Проблематика постиндустриализма поднималась в работах отечественных ученых. В 1960–1980 гг. советский академик В.А. Трапезников сформулировал ряд тезисов, получивших отражение в современной теории постиндустриализма. В 1971 г. в статье «Темп научно-технического прогресса — показатель эффективности управления экономикой» он акцентировал внимание на доминирующей роли знания: «Из понятия об информационной природе труда следует, что наиболее концентрированным результатом труда является информация, представленная в форме накопленных знаний, поэтому научный потенциал страны, его правильное использование являются одним из основных факторов, определяющих развитие нашего общества»³³.

Среди современных российских ученых, исследующих проблемы трансформации общества с позиций постиндустриализма, концепций информационного общества и развития информаци-

³¹ Gehlen A. Über kulturelle Kristallisation. In: Wege aus der Moderne: Schlüsseltexte der Postmoderne-Diskussion / hrsg. von Wolfgang Welsch. Mit Beitr. von J. Baudrillard... — durchges. Aufl. — Berlin: Akad. Verl., 1994.

³² Там же.

³³ Трапезников В.А. Темп научно-технического прогресса — показатель эффективности управления экономикой // Автоматика и телемеханика. 1971. № 4.

онной цивилизации, следует отметить В.Л. Иноземцева, А.И. Ракитова, Р.Ф. Абдеева.

Как видно из приведенного обзора, концепция постиндустриализма получила широкий отклик в работах зарубежных и российских специалистов в области общественных наук. Многие исследователи рассматривают современные общественные процессы через призму технологических и информационных изменений, а также повышения значения и роли теоретического знания. Существует множество более частных подходов. Известны теории постиндустриального капитализма, постиндустриального социализма, экологического и конвенционального постиндустриализма и т. д., однако фундамент концепции остается прежним. Среди характерных черт постиндустриального общества исследователи выделяют снижение роли материального производства и развитие сектора, создающего услуги и информацию, изменение характера человеческой деятельности, использование в производстве новых типов ресурсов, а также существенную модификацию социальной структуры. Кроме того, изменения, произошедшие в западной общественно-политической мысли начиная с середины 1990-х гг., также повлияли на проблематику постиндустриальных концепций. Акцент сместился на исследование проблем глобализирующегося мира и объяснение существующего глобального миропорядка.

1.3. О постиндустриалистском дискурсе

С тех пор как Д. Белл начал популяризировать идею постиндустриального общества, она глубоко проникла в экономическую мысль, социологию, литературу и журналистику и даже в политические документы целого ряда стран, включая современную Россию. Однако, несмотря на свою популярность, данная концепция далеко не везде и не всеми была встречена одинаково благосклонно. За более чем 50 лет своего существования теория постиндустриального общества получила огромное многообразие оценок в диапазоне от восторженной оценки как «единственной теории XX века, получившей полное подтверждение» в реальной истории до «антимарксизма» и «очередной буржуазной пропагандистской поделки». Поэтому систематизация всего арсенала

аргументов «за» и «против» постиндустриализма оказывается делом хотя и весьма кропотливым, но в то же время чрезвычайно интересным.

Необходимо оговориться, что подходя к систематизации и описанию полученных концепцией постиндустриализма оценок со строго академических позиций, предполагающих выделение основных научных школ и соотнесение экспертной дискуссии вокруг теории постиндустриального общества с основными вехами исторического времени, исследователь неизбежно столкнется с трудностями. Суть этих трудностей станет понятной, если вспомнить о том, что теория постиндустриального общества, в строгом понимании, не является ни теорией, ни даже научной концепцией, а наиболее точно может быть охарактеризована как идеологема, даже идеология. И именно качества, присущие идеологемам, определяют основные свойства дискуссии вокруг идеи постиндустриального общества в научной и экспертной среде. Именно эти качества приводят к тому, что постиндустриализм становится инструментом политической деятельности и даже, гипотетически, инструментом геополитической борьбы.

Во-первых, речь идет о том, что у идеологема, в отличие от теории, нет четко определенного (ограниченного) значения. Иными словами, концепция постиндустриального общества обладает невероятным множеством интерпретаций. «Постиндустриальное общество» представляет собой достаточно размытое рамочное понятие. В лагере апологетов постиндустриализма уже за полвека существования концепции постиндустриального общества так и не сложилось единой терминологии. Различные авторы выделяют отдельные характерные особенности исследуемого предмета, используя при этом собственную терминологию³⁴. В результате, критики, берущиеся за задачу аргументированного отображения недостатков данной концепции, сталкиваются с необходимостью борьбы с «многоголовой гидрой». А такой понятийный релятивизм дает классические возможности для манипуляций сознанием как научных последователей и интерпретаторов, так и практикующих политиков и государственных деятелей, начинающих

---

³⁴ Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

внедрять идеи постиндустриализма в практику государственного строительства и реформ национальных экономик.

Во-вторых, значения, которыми наделяется идеологема, могут меняться с течением времени в соответствии с политической прагматикой. Так, например, одному из главных апологетов постиндустриализма в России В.Л. Иноземцеву знание о том, что основоположник концепции постиндустриализма Д. Белл рассматривал свое творение скорее как инструмент теоретического анализа, чем отображение реально существующего строя, никак не мешало выдвигать тезис о двух объективно существующих моделях современного постидустриализма — в США и ЕС. А также всерьез задаваться вопросом: «Является ли распад СССР поражением коммунизма или коллапсом примитивной формы индустриальной системы, окруженной постиндустриальной цивилизацией»³⁵.

В-третьих, ориентация идеологем на создание у объекта манипуляции иллюзии понимания делает концепцию постиндустриализма внутренне противоречивой, т. к. многие апологеты не утруждают себя обстоятельным изучением предмета и в результате начинают противоречить основополагающим принципам теории, на которые сами же и ссылаются. Примером может служить путаница с «сервисным обществом», когда современные исследователи утверждают в своих работах, что «под сферой услуг в теории постиндустриального общества понимают как услуги, непосредственно связанные с производством, такие как транспорт, строительство и торговля, так и финансовые страховые услуги, а также услуги по социально-культурному обслуживанию населения (туризм, шоу-бизнес, СМИ) и, наконец, общественные услуги (здравоохранение, образование и административные службы)»³⁶. В то время как отцы-основатели теории, в частности Д. Белл, разделяли сервис, направленный на удовлетворение утилитарных потребностей, от так называемой креатосферы (медицина, образование, наука, рекреация человека и природы), придавая значение исключительно последнему в ущерб первому.

---

³⁵ Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.

³⁶ Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. 2010. № 2.

И, наконец, в-четвертых, тот факт, что идеологема всегда маркирована, т. е. эмоционально окрашена, нередко выводит дискуссию на тему постиндустриализма за рамки научного и экспертного обсуждения проблемы. Из сферы, в которой споры ведутся вокруг основного противоречия (истина/ложь), — в морально-этическую (хорошо/плохо) и эмоциональную (нравится/не нравится) плоскости.

Все вышеперечисленное усложняет задачу систематизации полемики вокруг постиндустриализма по принципу исторической хронологии и основных научных школ. Поэтому, чтобы сделать картину, которая должна появиться в результате исследования более четкой, в данной главе в основу исследования положен другой подход.

Он состоит в том, что вместо научных школ, которые по факту оказались расколотыми на противников и приверженцев постиндустриализма, т. к. последние оказались в числе представителей самых различных идеологических направлений — от консерватора У. Ростоу³⁷ и умеренного либерала К. Томинага³⁸ до придерживавшегося явной социалистической ориентации А. Турена³⁹ и чешского марксиста Р. Рихты⁴⁰, — авторы будут говорить о двух основных лагерях. Оппонентов и апологетов «постиндустриализма», вне зависимости от того, о каком именно — постиндустриальном, постэкономическом, постисторическом и т. п. — обществе будет идти речь.

В качестве основного индикатора, позволяющего причислить ученых или экспертов к обозначенным лагерям, необходимо рассматривать их четко выраженную (критическую или, наоборот, апологетическую) позицию в отношении главных характеристик постиндустриального общества, выделенных основателем теории Д. Беллом. Напомним, речь идет о:

- новой роли теоретического знания, которое превращается в главный источник технологических нововведений;
- переходе от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг;

---

³⁷ *Rostow W.W. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.*

³⁸ *Tominaga K. Post-Industrial Society and Cultural Diversity // Survey. Vol. 16. 1971. № 1.*

³⁹ *Touraine A. La société postindustrielle. P., 1969.*

⁴⁰ *Richta R. Civilization at the Cross-Roads. Sydney. 1967.*

- доминировании профессионального и технического класса над традиционным пролетариатом;
- появлении интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития.

Именно такой подход в случае изучения полемики вокруг идеологии позволяет отвлечься от многих лишних подробностей, сосредоточившись на главном, т. е. на основных направлениях полемики, высвечивающих недостатки и достоинства теории.

При этом дискуссию в целом логично разбить на два направления. Poleмику вокруг постиндустриализма как «научной теории» и полемику вокруг постиндустриализма как идеологии. В каком-то смысле это совпадает с классификацией А.В. Бузгалина, который в своих работах выделил два типа критики постиндустриализма: критику теории и «критику практики с позиций теории»⁴¹. Однако если первый тип никаких вопросов не вызывает, то второй вполне может быть подвергнут сомнению с той точки зрения, что далеко не все критики и даже не все апологеты признают реальное существование «практики постиндустриализма».

Так, например, во время интервьюирования В.Л. Иноземцевым нескольких мыслителей Запада, в том числе постиндустриалистов, большинство из них не смогли содержательно сформулировать смысл префикса «пост-» (в слове «постиндустриальный»), поскольку не видели реальности самого объекта вербального выражения. Приведем характерный ответ М. Голдмана: «Я не думаю, что мы действительно находимся в постиндустриальной эре. Причиной является то, что промышленное производство не только остается весьма значимым, но и в определенной степени становится даже более важным»⁴².

Поэтому деление на критику научной теории (полемика по принципу верно/неверно) и критику идеологии (по принципу правильно/неправильно, вне зависимости от объективного

---

⁴¹ Данный вид критики, по мнению ученого, предшествует ниспровержению каждого типа общества; в качестве примера он приводит буржуазную критику феодализма и диссидентскую критику «реального социализма».

⁴² Переосмысливая будущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.

существования постиндустриального общества) представляется более обоснованным.

Что касается хронологических и географических рамок исследования, то первые охватывают период с конца 50-х гг. XX в. (зарождение теории постиндустриального общества на Западе) до современности, а вторые включают страны Запада и Россию, т. е. те регионы, где концепция постиндустриализма смогла найти осязаемое признание и где наблюдались практические последствия в государственном строительстве.

Полемика вокруг постиндустриализма как научной теории

Приступая к рассмотрению этого вопроса, следует отметить, что критике активно подвергается само причисление концепции постиндустриализма к научным теориям, хотя именно в такой коннотации («теория постиндустриального общества») данная идеологема утвердилась в научном сообществе.

Позицию критиков в данном случае можно обобщить цитатой из статьи доктора философских наук, профессора Белорусского государственного педагогического университета И.Я. Левяша. Постиндустриальное общество, пишет он, — «это не концепция, понимаемая как систематизированное теоретическое моделирование сущности, а гипнотическая идея, в которой главное — не прозаическое сущее, а привлекательное должное»⁴³.

Причины, лежащие в основе такой позиции, будут понятны ниже. Здесь же важно подчеркнуть другой момент. А именно — апологеты постиндустриализма в ответ на подобную критику отнюдь не приводят систему аргументации, доказывающую обратное, т. е. наличие объяснительной функции у концепции постиндустриального общества. Можно сказать, что они прибегают к тактике уклонения от непосредственного спора со своими оппонентами как по этому, по сути основополагающему, вопросу, так и по многим другим.

Например, сторонники постиндустриализма уводят дискуссию в другую плоскость, говоря о концепции постиндустриального общества не столько как об отдельной научной теории,

---

⁴³ *Левяш И.Я.* Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3.

сколько как о «широко признанном методологическом основании большинства исследований в Западной Европе и США»⁴⁴. Иными словами, на передний план выводится другая характеристика теории постиндустриального общества, а именно — популярность данной концепции на Западе. Но это вовсе не может свидетельствовать о научной ценности постиндустриализма. Более того, ряд критиков считают возрастающий интерес к «новой экономике» среди «просвещенной публики», как раз наоборот, фактором, порождающим «дефицит научности и одновременное буйство фантазии в подходе к проблеме»⁴⁵. Налицо информационный пропагандистский аспект феномена распространенности теории постиндустриализма, связанный не с ее научной кондицией, а с какими-то иными целями тех, кто тиражировал, популяризировал и распространял «теорию».

Неординарна позиция отдельных апологетов постиндустриализма, наделяющих его статусом самостоятельной постиндустриальной парадигмы⁴⁶ (Ю.Я. Яковец) и даже постиндустриальной метатеории (В.Л. Иноземцев). Последнее особенно удивительно, т. к. метатеория, как известно, предполагает изучение структуры, языка и свойств некоторых теорий, что никак не соотносится с концепцией постиндустриального общества. Поэтому «оказывается», что постиндустриализм — это лишь описание реальности в ее разнообразии «в рамках разных парадигм», а «метатеоретическое» определение этих процессов невозможно, да и не нужно⁴⁷.

Ниже будут приведены основные подмеченные критиками спорные моменты, вокруг которых строится структура экспертной дискуссии на тему научности теории постиндустриального общества. При этом существенно осветить характер дискуссии, заостряя вни-

⁴⁴ Хацевич Р.В. Концепция «постиндустриального общества» Д. Белла // Достоверное и проблематичное: Сборник научных статей. Мурманск, 2002. Вып. I.

⁴⁵ Ишмаев Г.Ш. Концепции постиндустриального общества: опыт систематизации // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 4. 2007. № 17 (95).

⁴⁶ Отметим, что понятие «парадигма», в отличие от понятия «теория», имеет множество общепризнанных значений, в том числе: парадигма в риторике — пример, взятый из истории или мифологии и приведенный с целью сравнения; парабол, басня.

⁴⁷ Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. № 5.

мание на тех моментах, которые обеспечивают «живучесть» и широкое распространение далеко за пределами науки идеологемы постиндустриализма, несмотря на аргументированную критику, которую она встречает в научной и экспертной среде.

Вообще говоря, проблема идеологического вторжения в науку, подчеркнутая во введении, характерна не только для «теории» постиндустриализма. Хорошо известна история с учением К. Маркса, которое оказалось выведенным за пространство научной верификации и превратилось в подобие религиозного догмата. Пренебрежение истинной научностью стоило целым странам и части мира краха социально-экономических систем и государственности. В современной России теория (идеология) постиндустриализма вновь возводится в ранг государственной политики трансформаций, что также дорого обходится стране, вызывая диспропорции и отставание в развитии.

Содержательная размытость понятия «постиндустриальное общество»

Данный тезис является, по сути, основанием всех смысловых конструкций, которые строят оппоненты теории постиндустриального общества, отказывая постиндустриализму в праве называться научной теорией. Однако, как уже отмечалось, расплывчатость значений является одной из основных характеристик идеологемы, поэтому апологеты не отрицают этого очевидного свойства концепции, но пытаются преподнести его научной и экспертной общественности со знаком «плюс».

Так, в своей статье, посвященной Д. Беллу, В.Л. Иноземцев указывает, что уникальность концепции постиндустриального общества как раз и заключается в том, что «...она предоставляет в распоряжение исследователя некий общий инструментарий социального поиска, не задавая жестких рамок, которые были присущи другим социологическим доктринам»⁴⁸.

Неясно, как такой подход сочетается с научностью, которая, как известно, требует четкости и предельной определенности всех базисных понятий, на которых строится исследование.

---

⁴⁸ *Иноземцев В.Л.* Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // Вопросы философии. 2002. № 5.

Важно подчеркнуть, что двусмысленность при формулировании концепции постиндустриального общества не является позднейшим привнесенным в концепцию явлением. Она была характерна еще для Д. Белла, на что справедливо указывается в научной литературе⁴⁹. Так, в своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» Д. Белл в одном и том же отрывке пишет, что постиндустриальное общество, с одной стороны, «является *идеальным типом*, построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более или менее связанными между собой и могут быть противопоставлены другим концепциям»⁵⁰. С другой стороны, он же говорит о том, что данное понятие «определяет единую сумму проблем, с которыми *придется* столкнуться обществам, становящимся постиндустриальными».

Несколько иронизируя, И.Я. Левяш перефразирует последнее определение Д. Белла, высвечивая абсурдность такого подхода, при котором не постиндустриальное общество в качестве научной модели сопоставляется с реальностью, а наоборот, некая «реальность будущего»⁵¹ (менее всего поддающаяся верификации) сопоставляется с моделью постиндустриального общества. Реальность же будущего — это, вообще говоря, логический нонсенс.

Неоправданность прогностических претензий концепции постиндустриального общества

Согласно подходу, обозначенному выше, представители постиндустриализма, фактически начиная с Д. Белла, настаивают на том, что «эта доктрина... становится одним из наиболее эффективных теоретических инструментов исследования тенденций развития обществ, вступающих в XXI век»⁵².

---

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Белл. Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

⁵¹ Левяш И.Я. Постиндустриализм: Проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

⁵² Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia. 1990.

Однако находится достаточно много критических оснований, чтобы подобное утверждение оспорить, т. к. за полвека существования «теории постиндустриального общества» многие выводы и прогнозы, сделанные ее приверженцами, не подтвердились практикой.

Против очевидных фактов нет возможности пойти и у апологетов постиндустриализма, которые вынуждены признать, что многие тенденции XXI в. оказались диаметрально противоположными тем, которые они наблюдали (якобы в согласии со своей теорией) в последние десятилетия XX в.⁵³

Как это ни удивительно, последнее совершенно не вынуждает сторонников подвергать сомнению или пересматривать основные принципы постиндустриализма. Вместо этого в научной литературе здесь и там встречаются попытки самооправдания и апологетики теории постиндустриального общества. И это вновь объяснимо в рамках представления об определенной внеаучной и массовой информационной заданности разработки.

В.Л. Иноземцев утверждает, что «нельзя упрекать исследователей за недостаточное внимание к тем фактам и процессам, которые в их время не могли рассматриваться как основополагающие или всеобщие»⁵⁴. Ученый даже приводит незамысловатую аналогию, сравнивая с постиндустриалистами первых философов, которые постигали природу и общество в качестве формы проявления божественной души, что позднее было поставлено под сомнение секулярной наукой.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что сопоставление философии древних, мистической в своей основе, с футурологическими построениями современных ученых, которые претендуют не на объяснение порядка вещей, а на прогнозирование вполне конкретных тенденций, едва ли правомерно.

Дефицит научности в подходе к проблемам

Отметим, что критики считают несостоятельной теорию постиндустриального общества не только с точки зрения ее завы-

---

⁵³ *Иноземцев В.Л.* Перспективы гуманизма. Гуманитарные интервенции: Некоторые поводы для размышления // Человек. 2005. № 2.

⁵⁴ *Иноземцев В.Л.* Две концепции исторического развития: Марксизм и постиндустриализм // Философские исследования. 1997. № 3.

шенных прогностических претензий, но и как модель, описывающую современное состояние общества. Следует признать, что ряд выводов, которые делают исследователи-постиндустриалисты, действительно основаны не на анализе фактических данных, а на результатах применения методов, которые являются не вполне научными с точки зрения современной социологии.

Так, например, в отсутствие «надежных социометрических данных» выводы обосновываются личными впечатлениями от жизни в Америке и Европе, от общения с западными коллегами, а также «осмыслением публикаций, косвенным образом проливающих свет (хороша методология! — *Авт.*) на интересующие нас отличия»⁵⁵. Возможно, именно в силу применения подобных методов в рамках теории постиндустриального общества появились концепции, утверждающие доминирование творческого труда над другими потребностями — центральный тезис теории «общества знаний». Но принятая современной психологией и социологией «теория потребностей» не противопоставляет творческие потребности материальным, а обоснованно утверждает, что в структуре потребностей человека на любом этапе развития общества присутствуют как те, так и другие⁵⁶. Потребность в творческом труде, как утверждают критики постиндустриализма и сторонники классической теории потребностей, должна рассматриваться как одна из составляющих в структуре гуманитарных потребностей, которая, однако, вовсе не вытесняет экономические потребности человека.

Нецелостность представлений об обществе, характерная для постиндустриализма

Нецелостность представлений об обществе ставилась и ставится в укор сторонникам «постиндустриального общества» столь же часто, как и размытость самого понятия. Так, критики постиндустриализма отмечают, что основатель теории постин-

---

⁵⁵ *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

⁵⁶ *Михеев В.В.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // *Проблемы Дальнего Востока*. 2000. № 1.

дустриального общества Д. Белл выделил лишь две характеристики общества, расположив на одной оси общественных отношений рабовладельческий, феодальный и капиталистический строй, а на другой (технологической) оси — доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество⁵⁷. При этом не получило должного обоснования само употребление приставки «пост-», которая подразумевает отталкивание от индустриализма, но никак не определяет «нового состояния цивилизации» через ее позитивные признаки.

Следует отметить, что апологеты, видя в этом объективную слабость защищаемой концепции, нередко пытались уйти от самого термина «постиндустриальное» общество. Так, в частности, появились концепты «информационного общества» (Ф. Махлуп и Т. Умсао), технотронного общества (З. Бжезинский) и также «общества знаний»⁵⁸. Стоит упомянуть и менее знаменитые конструкции, к которым относятся «организованное (organized)»⁵⁹, «конвенциональное (conventional)»⁶⁰, «программируемое (programmée)»⁶¹, «активное (active)»⁶² и даже «хорошее (good)»⁶³ общества.

Однако данные теории страдают тем же недостатком, только в еще более выраженном виде, поскольку в центре их внимания оказываются явления, вообще не определяющие общество как социальное целое⁶⁴.

Особенно показательным примером критики в данном случае может служить концепт так называемого «общества профессионалов». В частности, исследователь Г. Ишмаев пишет: «К примеру, в Швейцарии преобладание финансового сектора определяет высокое количество специалистов в этой сфере, но на этом основании едва ли можно говорить о фундаментальном отли-

---

⁵⁷ Левяш И.Я. Постиндустриализм: Проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

⁵⁸ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

⁵⁹ Crook S., Pakulski J., Waters M. Postmodernization: Change in Advance Society. L. 1992.

⁶⁰ Pakulski J., Waters M. The Death of Class. Thousand Oaks — L., 1996.

⁶¹ Touraine A. La société postindustrielle. P., 1969.

⁶² Etzioni A. The Active Society. N-Y., 1968.

⁶³ Bellah R. Good Society. N-Y., 1985.

⁶⁴ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

чий швейцарского общества от, скажем, общества Франции или Испании»⁶⁵.

Сторонники «постиндустриального общества» и в данном случае аргументированному отстаиванию собственных позиций предпочитают самооправдание. В частности, признавая перечисленные слабости концепции, они ссылаются на недостаточные реальные возможности современной социологии, которая не может охватить всех проблем будущего. Но подобные утверждения рождают еще больше вопросов к постиндустриализму как научной концепции. Например, зачем браться за проблему, которая изначально, как заявляет сам исследователь, не может быть решена? Или почему речь идет о будущем, в то время как сами сторонники постиндустриализма утверждают, что постиндустриальное общество существует уже сегодня?

Другой пример апологетики постиндустриализма дает Ф. Фукуяма, который объясняет невозможность сформулировать смысл приставки «пост-» тем, что «мы не сможем найти позитивного обозначения, описывающего эру, в которой мы живем, вплоть до той поры, пока данное общество не будет замещено последующим». Между тем, из виду как будто упускается тот факт, что концепция индустриального общества (отталкиваясь от которой сторонники постиндустриального общества рисуют общество будущего) была в разных вариантах сформулирована задолго до окончания эры индустриализма. И, кроме того, подобные реляции по сути ставят крест на социологии как науке, которая как раз и должна заниматься изучением общества, в котором мы живем. В отличие от истории, которая обращена в прошлое.

Парадоксальность логики триады и абстрактность базисного принципа

Немало критических замечаний, причем по большей части от самих же сторонников постиндустриализма, вызвала парадоксальность логики триады — доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное общество, на которой основана ти-

---

⁶⁵ *Ишмаев Г.Ш.* Концепции постиндустриального общества: опыт систематизации // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 4. 2007. № 17 (95).

пология исторического процесса, лежащая в основе концепции постиндустриализма.

Так, В.Л. Иноземцев подчеркивает, что из трех так называемых типов общества только индустриальный хозяйственный базис предполагает вполне определенные социальные формы и ему соответствует лишь один тип общества — капиталистический. Напротив — доиндустриальный хозяйственный базис (с его дефиницией от противного) может служить основой для многих разнообразных форм социальной организации, а значит доиндустриальное общество — конструкция, непригодная для какого-либо конкретного анализа⁶⁶.

Это логически подводит к тому, что сам базисный принцип, связанный с доминированием одного сектора производства (первичного, вторичного или третичного), не формирует адекватного метода типологизации общества. При строгом подходе к определению общества согласно обозначенной триаде «вполне можно прийти к методологически строгому выводу о том, что индустриальная эпоха, скажем, во Франции или, что особенно явно, в Германии, продолжалась... с 80-х годов прошлого <XIX> века до конца Второй мировой войны»⁶⁷, подчеркивает В.Л. Иноземцев. Последнее вообще противоречит концепту о «*грядущем* постиндустриальном обществе», выдвинутому Д. Беллом.

И, тем не менее, осознание такого рода слабых мест в концепции постиндустриального общества не привело к замещению ряда не оправдавших себя принципов другими, более обоснованными и реалистичными.

Технологический детерминизм

Со стороны представителей различных научных школ резкую отрицательную оценку получил технологический детерминизм как убеждение, что технология играет основополагающую роль в эволюции общества, который, по мнению критиков, заключен в самом ядре концепции постиндустриального общества.

---

⁶⁶ Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

⁶⁷ Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм // *Философские исследования*. 1997. № 3.

Следует отметить, что наиболее яркая полемика по этому вопросу у сторонников постиндустриализма возникла с последователями марксизма и постмодернизма. В данном случае марксисты, главным образом советские, настаивали, что основополагающими для прогресса (экономического, социального, гуманитарного) являются вовсе не те отрасли, в которых максимально используются информационные и иные высокие технологии, а те, в которых в наибольшей степени обеспечивается простор для ростков креатосферы. Это общедоступное образование и воспитание, здравоохранение, подлинная наука и культура.

Сторонники же постмодернизма, принципы которого доминировали в исследованиях будущего общества на Западе в 1980-е гг., стремились обратить внимание не только и не столько на изменения в типе ведения хозяйства, сколько на формирование системы «постматериальных ценностей и переход к максимальному использованию творческого потенциала работников»⁶⁸. Они также были инициаторами исследования сугубо социологических проблем — формирования нового типа семьи и форм социального партнерства, изменения системы образования и повышения роли знания, национальных и иных вопросов.

Однако базисным в данном случае следует признать тезис постмодернистов о неучитывании социальной сферы, а значит мотивов, целей и социальных, экономических, гуманитарных результатов использования технологий. Последнее подтвердил в своих работах В.Л. Иноземцев, который, несмотря на признание в ряде своих публикаций относительно того, что в США сформировано эталонное постиндустриальное общество (о чем авторы писали выше), тем не менее заявляет, что хотя экономика в Штатах «в полной мере является постиндустриальной», но в социальной сфере господствует индустриальная идеология⁶⁹. В то же время один из видных последователей постиндустриализма на Западе М. Голдман, наоборот, утверждает, что в экономике до-

---

⁶⁸ См., например, *Bloch F. Postindustrial Possibilities. A Critique of Economic Discourse.* Berkley-Los Angeles, 1990; *Crook, S., Pakulski J., Waters M. Postmodernization Change in Advance Society.* L. 1992. и др.

⁶⁹ *Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // Общественные науки и современность.* 2001. № 3.

минирует не постиндустриальный сектор, а вполне индустриальная промышленность.

Полемика по данному вопросу, если отвлечься от самой его сути, может служить иллюстрацией того, насколько мало консолидирован «лагерь» сторонников постиндустриализма, внутри которого сосуществуют противоположные по смыслу конструкции. Насколько размыты точные категориальные содержания полемики. Поистине, сами не знают, о чем говорят, но при этом не согласны с теми, кто говорит что-то иное, но тоже не знает, о чем он, собственно, говорит. Если бы давались строгие контекстные дефиниции, приводились бы количественные и логически выверенные аргументы, то истина могла бы быть найдена. В противном случае процесс квазинаучной дискуссии как бесконечен, так и бессмыслен. Зато вполне осмыслена информационная манипуляция сознанием.

Масштабы распространения и роль процессов развития нового качества социума сильно преувеличены

И, наконец, критики, выступающие с этих позиций, настаивают не только на том, что, несмотря на появление новых изделий и изменение многих средств производства (внедрение автоматки, микроэлектроники, синтетических и композиционных материалов и т. д.), никаких принципиальных изменений в обществе не произошло⁷⁰. Они также указывают на географическую локализацию многих «постиндустриальных» процессов. В частности, А.В. Бузгалин пишет, что бум информационных технологий, резкое возрастание роли профессиональной элиты в жизни общества характерны лишь для стран «золотого миллиарда»; но даже там радикальных качественных изменений в природе рыночной буржуазной экономики не происходит, потому до сих пор актуальны прежние экономические, социальные и политические теории⁷¹.

Подводя промежуточный итог анализу полемики вокруг теории постиндустриального общества, следует отметить, что позиция апологетов выглядит не очень устойчивой. Сторонники

---

⁷⁰ Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // Социологические исследования. 2006. № 4.

⁷¹ Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. № 5.

«постиндустриального общества» фактически ни по одному спорному моменту не опровергли своих оппонентов. Однако важно видеть, что они и не пытались этого делать, т. к. постиндустриализм решительно занял прочные позиции в научно-экспертной и политический среде, несмотря на множество противоречий, которые в нем содержатся, и не нуждался далее в дополнительных аргументах в свою пользу.

Признавая наличие множества «белых пятен» в своей концепции, сторонники стремились оправдать это тем аргументом, что основополагающая работа Д. Белла, несмотря ни на что, послужила отправной точкой для дальнейших исследований. И с этим нельзя было бы спорить, т. к. даже критики теории вынуждены признать, что «контент-анализ отечественных изданий научного и публицистического характера свидетельствует о *чрезвычайной экспансии этого понятия* <постиндустриального общества>, ставшего визитной карточкой известной концепции»⁷². Однако развитие исследований об обществе на этом пути заводит современную социологию в тупик, где наука перестает, основываясь на систематизации, анализе, изучении и обобщениях реалий существующего общества, вырабатывать и обосновывать рекомендации необходимых изменений, и ограничивает себя простой классификацией социальных явлений.

Полемика вокруг постиндустриализма как идеологии

Критики идеологии, в отличие от критиков теории, признают объективность основных процессов, которые выделяют исследователи-постиндустриалисты, однако не согласны с той трактовкой, которая дается этим процессам в рамках постиндустриальной теории.

Пожалуй, самую аргументированную критическую позицию среди российских оппонентов постиндустриализма представил в своих работах А.В. Бузгалин. Ученый рассматривает типично «постиндустриальные» процессы — такие как рост информационных технологий, доминирование творческой деятельности, «потребление» знаний — в качестве проявлений не «грядущего» постинду-

---

⁷² Левяш И.Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

стриального общества, а наоборот — «заката» эпохи доминирования материального производства, сопровождаемого новым этапом в «развитии буржуазной общественной системы» — «глобальной гегемонией корпоративного капитала»⁷³. Иными словами, упор делается на то, что в современном мире наблюдается тенденция не к «пост-», а к позднеиндустриальному обществу⁷⁴.

Попытка выдавать социальную модель одной страны за лучшую или единственно возможную

Следует отметить, что появление критики постиндустриализма в качестве идеологии главным образом обязано тому, что все «постиндустриальное» стало неявно применяться как мера развитости общества. Даже апологеты постиндустриализма были вынуждены признать, что отразили в своей теории «все внутреннее самодовольство индустриального строя, считающего себя единственной причиной успехов человеческой цивилизации»⁷⁵.

При этом критики особенно отмечают тот факт, что позиции апологетов постиндустриализма по многим вопросам совершенно совпадают с позицией «истэблшмента западного мира»⁷⁶. Но главное, приверженцы теории постиндустриального общества, по словам критиков, игнорируют и замалчивают любую альтернативную действительность, и другую критическую систему взглядов именуют фундаментализмом или радикализмом «с последующим подстраиванием подспудных ассоциаций то ли с мракобесием, то ли с терроризмом»⁷⁷.

При этом неточность подхода сторонников постиндустриализма состоит в том, что выставляя элементы постиндустриального общества в качестве меры развитости, они в то же время соглашаются

---

⁷³ Подробнее см. книги данного автора «Россия в постиндустриальном мире» и серию статей в журнале «Философия хозяйства» (2000, № 4, 5, 6).

⁷⁴ *Левашин И.Я.* Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3.

⁷⁵ *Иноземцев В.Л.* Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм // *Философские исследования.* 1997. № 3.

⁷⁶ *Бузгалин А.В.* «Постиндустриальное общество» — тушиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теории постиндустриализма) // *Вопросы философии.* 2002. № 5.

⁷⁷ Там же.

с тем, что экспорт производств, в том числе постиндустриальных, нигде в мире пока не привел «и не приведет в будущем к формированию способной развиваться на собственной основе постиндустриальной экономики»⁷⁸. Тем самым фиксируется существующее положение вещей, когда постиндустриализм представлен в планетарном масштабе только в виде островков и, подпитываясь ресурсами из остального мира (импорт природных ресурсов, продуктов первичной обработки и «чужих умов»), самовоспроизводится за счет него.

Сторонник идеологии В.Л. Иноземцев даже приводит детальный анализ причин, обеспечивающих закрепление передового положения одних стран и отсталости других; в числе таких причин он называет отсутствие свободных рынков и значительную миграцию потенциальных членов «класса интеллектуалов» из третьего мира в первый, а также беспрецедентную финансовую и технологическую зависимость развивающихся стран от постиндустриального мира.

Иными словами, существующие тенденции принимаются за данность и описываются апологетами постиндустриализма в позитивистском ключе. «Природа углубляющейся пропасти между “первым” и “вторым” мирами подробно объясняется⁷⁹, но в ней самой сторонники не желают видеть никакой проблемы, раз она в какой-то мере увеличивает “интеллектуальный капитал” постиндустриальных стран, который (по словам В.Л. Иноземцева) является основным достоянием этого мира»⁸⁰.

---

⁷⁸ Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

⁷⁹ По словам В.Л. Иноземцева, проблема обусловлена тем, что развивающиеся страны производят в основном сырьевые товары и стандартизированную промышленную продукцию, для изготовления каждой новой единицы которой они всякий раз должны затрачивать то же количество материалов и труда, что и для производства предшествующей. В такой ситуации экономический рост возможен лишь при высокой норме накопления и ограничениях текущего потребления, что противоречит развитию личности. Напротив, постиндустриальные страны, производящие и экспортирующие информацию и знания, могут реализовывать их в сколь угодно больших масштабах, не затрачивая на это возрастающего количества труда и материалов. Экономический рост в постиндустриальном мире происходит не вопреки, а за счет роста личного потребления.

⁸⁰ Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

**Попытка выдать перемещение центра тяжести
в сфере занятости из индустрии в область сервиса
за перемещение в сторону знаний
(по Д. Беллу)**

Сомнению со стороны критиков постиндустриализма подвергаются сами критерии развитости общества, применяемые его сторонниками. Увеличение доли сервиса в занятости населения, которое, согласно теории постиндустриального общества, становится возможным благодаря технологическому прогрессу, высвобождающему трудовые ресурсы из сферы материального производства, трактуется оппонентами концепции с позиций не технологического, но социального прогресса. Иными словами, критики делают упор на то, что сфера услуг, в которую перемещаются трудовые ресурсы, творческий и новаторский потенциал людей, ничего не дает для социального развития, т. к. в этом секторе экономики происходит перепроизводство фиктивных, т. е. ориентированных на сверхпотребление благ⁸¹. Фиктивный сектор, в котором производятся фиктивный капитал и фиктивные блага, фактически поглощает ресурсы, высвобождаемые материальным прогрессом конца XX в. Тем самым нивелируется позитивное воздействие технологического прогресса на развитие общества.

Кроме того, технологический прогресс оказывается привязан именно к сфере услуг, де-факто связанной в свою очередь с обслуживанием рыночных отношений. Именно она становится областью максимального приложения новейших информационных технологий, и здесь сосредотачивается основной человеческий потенциал⁸². То есть технологический прогресс оказывается мало-полезным с точки зрения развития материального производства. В результате, прогресс в создании технологий оборачивается не столько социальным или даже материальным прогрессом, сколько разбуханием превратного сектора.

Главный рупор критики направлен в первую очередь на концепцию общества услуг, которая, по мнению критиков, как раз и отражает процесс замещения своего рода «свободного места»,

---

⁸¹ Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. № 5.

⁸² Там же.

образовавшегося вследствие резкого сокращения в развитых странах материального производства, «превратным» сектором, лишь частично обеспечивающим развитие человека, да и то преимущественно в отчужденных формах⁸³.

Что касается ответной реакции апологетов теории на подобную критику, то ее практически не наблюдается, поскольку сфера применения технологий, как указано выше, не нашла должного отражения в рамках концепции постиндустриального общества, на что нередко указывали постмодернисты.

Оправдание социальной поляризации и превращения мира в общество «одной десятой»

Немало внимания уделили критики и концепции общества профессионалов. В первую очередь потому, что ускоряющаяся социальная поляризация, наблюдаемая в мире в последние десятилетия, признается апологетами постиндустриализма практически в качестве неизбежного процесса, неподвластного воле народов или политической элиты.

Рост разделения труда и профессионализма (по сути, порождающий кастовую замкнутость слоя так называемых «профессионалов»), сопровождаемый культурно-творческой деградацией большинства, в действительности преподносится сторонниками концепции в качестве объективной тенденции, порождаемой процессами возникновения общества нового типа, а именно — постиндустриального.

Апологеты фактически избегают споров по этому вопросу, соглашаясь с тем, что деградация низших классов станет главной проблемой в XXI в.⁸⁴, а потенциальный конфликт «класса интеллектуалов» и «отчужденного» низшего класса «может оказаться более опасным, чем столкновения прежних эпох»⁸⁵.

Однако опасная тенденция социальной поляризации не ставится ими в качестве проблемы, требующей решения и рекомендаций со стороны представителей науки. Основной вопрос пре-

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3.

⁸⁵ Там же.

подносится в ином ключе, а именно — как отразится деградация большинства на благополучии меньшинства — «обществе одной десятой». И здесь делается показательный вывод. Он состоит в том, что поскольку масштабный «конфликт между 1-м и 3-м миром крайне маловероятен», в «наступающем столетии задачей постиндустриальных сегментов национальных экономик и мировой экономики в целом должно стать выживание в деградирующей социальной среде внутри собственных стран и открыто враждебной среде в мировом сообществе»⁸⁶.

Не говоря уже о негуманности подобного подхода, исключающего постановку в качестве научной проблемы поиска решений, способных улучшить условия жизни абсолютного большинства населения земного шара, критики обращают внимание на то, что подобная модель постиндустриального развития ведет в тупик хотя бы потому, что «грядущее» общество, отчуждая большинство от участия в сотворчестве, тем самым лишает себя ключевых ресурсов прогресса постиндустриального мира и создает в лице материально и культурно деградирующего большинства предел собственному развитию.

Несвязанность развития технологий с социальным прогрессом

Критики постиндустриализма как идеологии не оставили без внимания и проблему технологического детерминизма в теории постиндустриального общества. В частности, интересна точка зрения Г. Маркузе, который, не отрицая технологического детерминизма⁸⁷ как такового, подвергает сомнению положительный характер последствий современного технологического прогресса для человеческой свободной личности. Например, он пишет о глобализации: «И вот что касается глобализации: в этом универсуме технология обеспечивает также широкую рационализацию несвободы человека и демонстрирует “техническую” невозможность автономии, невозможность определять свою жизнь

---

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ А вернее даже склоняясь к марксовому тезису о том, что ручная мельница дает вам общество феодального типа, паровая машина — общество промышленного капиталиста.

самому. И эта несвобода предстает как подчинение техническому аппарату, который умножает жизненные удобства и увеличивает производительность труда. Освобождающая сила технологии — инструментализация вещей — обращается в оковы освобождения, в инструментализацию человека»⁸⁸.

С похожих позиций выступает доктор политологии Кельнского университета К. Герман, который, не будучи марксистом, высказывает идеи, практически совпадающие с известными заключениями крупного неомарксиста, бывшего президента Международной социологической ассоциации П. Валлерстайна. В частности, пытаясь ответить на вопрос о том, в какой мере развитие технологий соотносится с социальным и культурным развитием, К. Герман анализирует примеры успешного опыта освоения компьютерных технологий американским ку-клукс-кланом и германскими неокоричневыми⁸⁹.

Критики постиндустриализма не видят абсолютной ценности для развития человека и общества и в продуктах технологического прогресса, которые превозносятся сторонниками концепции, а именно — в информации и знаниях. Они, по их мнению, выступают не более чем «своего рода субинституты мира культуры и творческого потенциала человека»⁹⁰. И информация, и информационные технологии (в отличие от культурных ценностей) могут быть использованы в процессе материального производства и утилитарного потребления, что означает утилизацию творческого потенциала человека через его подчинение капиталу, заинтересованному в росте профессионализма и производительности труда.

Здесь критики вновь затрагивают слабо проработанную сторону идеологии постиндустриализма, касающуюся мотивов и сфер применения новых технологий. По сути они подтверждают, что новая технология способна до конца сыграть свою роль лишь в том случае, если становится инструментом, позволяющим

---

⁸⁸ Рыбчак А.В. Компаративный анализ воззрений Д. Белла и Г. Маркузе на сущность и перспективы постиндустриального общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2002. Выпуск 3. (№ 22).

⁸⁹ Герман К. Политические перепоутья при движении к глобальному информационному обществу // Социс. 1998.

⁹⁰ Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теории постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. № 5.

радикально решить насущные проблемы⁹¹. Но насущные проблемы вовсе не исчерпываются технократическим списком.

Нерешаемость глобальных проблем человечества в модели постиндустриального развития

И, наконец, в качестве главного критического тезиса о тупиковости развития в рамках идеологии постиндустриализма его критиками выдвигается идея, что порожденный «поздним» капитализмом генезис постиндустриальных информационных технологий оказался антиприродным, ведущим к прогрессу превратного сектора, поглощающего еще больше, чем индустриальное общество природных и человеческих ресурсов, и не производящего ничего, кроме паразитической посреднической сферы⁹². Тенденции приводят к усугублению уже существующих глобальных проблем и возникновению новых.

Но в рамках идеологии постиндустриализма они не только не ставятся, но и не могут быть решены. Исчезает субъект решения глобальных проблем. Ни корпоративный капитал с его номенклатурой, ни превращаемые им в мещан-конформистов работники, потребители, клиенты не могут решить задачи преодоления сложной системы отчуждения, которая порождена глобальным капиталом.

В итоге текущее состояние общества критики постиндустриализма именуют информационным империализмом, где есть центр, в котором сосредотачиваются все ресурсы, и периферия корпоративного капитала. А индивид и творец превращаются в специалиста и клиента, подчиненного стандартам «общества потребления» и корпоративной культуры.

В результате возникает описание того же мира, о котором говорят сторонники идеологии, но только увиденное через другую призму. Однако, в отличие от сторонников постиндустриализма, которые ограничиваются констатацией фактов и позитивистски,

---

⁹¹ Коэн С., Зисман Дж. Производящие отрасли: Миф о постиндустриальной экономике. М.:1988.

⁹² Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. № 5.

некритически фиксируют тенденции, критики идеологемы пытаются ставить проблему неспособности современного общества справиться с вызовами, заключенными в технологической, экономической, социальной, духовной, национальной и глобальной формах отчуждения.

Рассуждения футурологов постиндустриализма отделяют рукотворный мир от сознательной воли творцов и превращают его в самодовлеющую и неконтролируемую сущность⁹³, в то время как критики настаивают на поиске решения проблем, что по сути является утверждением силы и ответственности человека за то общество, в котором он живет и которое он строит.

Таким образом, анализ научного дискурса *pro et contra* теории и идеологии постиндустриализма показывает весьма серьезную уязвимость этого концепта. Выявляются искусственность, узость и «недоговоренность» объяснительной модели. Возникает представление о внутренней противоречивости, притягивании создаваемой теории к некоторой заранее заданной модели. Возникает вопрос о заказчиках и интересантах подобного заказа и его заданности. Ряд эмпирических картин мира теорией постиндустриализма, несмотря на номинацию собственного объяснительного потенциала, тем не менее, не объясняется. Поэтому, как минимум, говорить о законченности теории, ее доказанной достоверности, ее безусловной феноменологической проверенности и практической значимости в качестве инструмента стратегического целеполагания для реального управления развитием — является необоснованным.

1.4. Футурология постиндустриализма

На сегодня теории постиндустриального общества уже около 40 лет. Сформулированная в период бурного научно-технического рывка она предлагала тогда образ будущего. Как и любая теория, она может быть подтверждена осуществившейся феноменологией прошлого по отношению ко времени разработки теории. 40 лет — срок немалый для того, чтобы сверить основные постулаты теории с вновь предоставившейся эмпирикой, состоявшейся практикой.

---

⁹³ Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // Социологические исследования. 2006. № 4.

До настоящего времени в общественном сознании господствует образ постиндустриального общества, представленный в футурологической литературе последних 30-ти лет. Корпус этой литературы вырабатывался в рамках большого *организованного* проекта, к выполнению которого были привлечены крупные ученые, аналитики и философы. Некоторые книги этого жанра стали выдающимися бестселлерами. Нужно подчеркнуть, что по большому счету этот организованный проект носит характер не только научного. По численности вовлеченных в него интеллектуальных сил, сфер жизнедеятельности, политических пространств он больше похож на масштабный информационный проект.

В целом вся эта литература была проникнута оптимистическими ожиданиями преобразования индустриального общества конца XX в. в новое общество, рационально организованное благодаря новым возможностям вычисления и коммуникации. Ж. Эллюль писал: «Мы живем в техническом и рационалистическом мире. Мы все лучше распознаем опасность этого мира. Нам нужна какая-то опора. И поскольку невозможно найти единственный точный ответ, отыскать выход из этого мира, удовлетворительным образом предрассчитать приемлемое будущее, футурологи хватаются за образ такого будущего, предрассчитать которое нельзя, мысленно перескакивают через препятствия, конструируют нереальное общество... То, что бессознательно предлагают нам футурологи, — это радикально технизированный мир, из которого убраны только явные, вопиющие неудобства техники; это абсолютный триумф технического рационализма под прикрытием мечты»⁹⁴.

В постиндустриальном обществе исследователи предрекали господство технического рационализма над человеком. Х. Блюменберг показывал, как шаг за шагом сущность техники ускользала от взгляда человека и начинала диктовать нормы социального порядка: «Я хотел бы на примере показать, что же фактически усматривается и вскрывается в самой вещи. Я обращаюсь к простому примеру с дверным звонком. Существуют старые механические модели звонков, которые нужно дергать за шнур или крутить: пользуясь ими, можно испытать непосредственное чувство

---

⁹⁴ Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.

специфического создания ожидаемого эффекта, поскольку между действующей рукой и звонком существует адекватная связь.

Иначе обстоит дело с кнопочным электрическим звонком: осуществляемое рукой нажатие кнопки подчинено совершенно неспецифическому и гетероморфному эффекту — мы более не производим эффект, а лишь вызываем его. Желаемый эффект уже, так сказать, для нас уготован в аппарате, при этом заботливо укрыта от нас его обусловленность и сложность приведения в действие, внушая нам представление о том, что эффект не требует больших усилий.

В мире, который все более и более характеризуется функциями включения-выключения, возрастает взаимозаменяемость не только лиц, выполняющих неспецифические действия, но и взаимозаменяемость самих выключателей... Идеалом подобного манипулирования служит превращение искусственного продукта в нечто само собой разумеющееся; оно позволяет заглушить все вопросы относительно того, является ли данный продукт необходимым, осмысленным, достойным человека, оправданным каким-либо образом»⁹⁵.

Говоря о футурологии постиндустриального общества, необходимо отметить, что сам футуризм возник как утопия создания «машинизированного человека». Надо вернуться к Манифестам футуризма Маринетти⁹⁶, они сегодня актуальны⁹⁷. В 1912 г. Маринетти писал: «Кончилось господство человека. Наступает век техники! Но что могут ученые, кроме физических формул и химических реакций? А мы сначала познакомимся с техникой, потом подружимся с ней и подготовим появление механического человека в комплекте с запчастями»⁹⁸.

Здесь надо сразу отметить, что в русской культуре и непосредственно в философии начала XX в. резкое ускорение технизации мира было проблематизировано именно как угроза духовной сфере человека, как дегуманизация мира. Н.А. Бердяев опреде-

---

⁹⁵ Блюменберг Х. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии. Вопросы философии. 1993. № 10.

⁹⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика. 1994.

⁹⁷ Э. Фромм уделяет этим манифестам большое внимание, посвятив им главу «Обожествление техники и некрофилия».

⁹⁸ Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986.

лил этот момент так: «Начинается новая зависимость человека от природы, технически-машинная зависимость»⁹⁹. В работе «Смысл истории» он пишет о «магической власти» машины над человеком, что она «налагает печать своего образа на дух человека»¹⁰⁰.

Н.А. Бердяев видит в технике эсхатологическое начало — она порождает нового человека: «Техника имеет свою эсхатологию, обратную христианской, — завоевание мира и организацию жизни без Бога и без духовного перерождения человека... Индустриальная техническая цивилизация являет собой все возрастающее цивилизованное варварство... Свойства цивилизации технической таковы, что ею может пользоваться варвар совершенно так же, как и человек высокой культуры»¹⁰¹.

Футурологические изыскания 70–80-х гг. XX в. отличаются от пророчеств и предчувствий 1920–1930-х гг. своим систематическим и организованным характером. Они сами по себе стали институционализированной областью знания. Во время всплеска этих изысканий возникла целая сеть организаций, занятых разработкой «образа будущего» как для всего мира, так и, главное, для Запада в этом мире. У кого-то появилась потребность показать и объяснить миру его будущее, предложить ориентиры развития, убедить, что путь уже проложен — следует идти по этому пути... Причем этот некто был достаточно ресурсно обеспечен, чтобы создать мировой интеллектуальный концепт и раскрутить его до состояния «бестселлера». Не много таких мысленно воображаемых субъектов.

Очевидно, что не только научный, но и в значительной степени политический Римский клуб стал разрабатывать сценарии развития цивилизации в среднесрочной перспективе. В противовес Римскому клубу по инициативе Н. Рокфеллера была создана «Трехсторонняя комиссия» под руководством З. Бжезинского. Она разрабатывала проекты будущего общества в «полузакрытом» порядке. Действовало множество аналитических центров — и государственных, и корпоративных (известные примеры — Гудзоновский институт или корпорация «РЭНД»). Особенно интенсивно эта работа началась на переломе 1960-х и 1970-х гг.

---

⁹⁹ Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2.

¹⁰⁰ Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

¹⁰¹ Цит. по: Баландин Р.К. Философия техники от Бердяева. ВИЕТ. 1991, № 2.

К этому шагу побудили кризисы нового типа — волнения студенческой молодежи в 1968 г. (первая «революция постмодерна») и нефтяной кризис 1973 г.

Масштабы этой футурологической деятельности были велики, Запад переживал всплеск апокалиптики («откровений» будущего). Запад подходил к пониманию силы оружия новейшего времени — информационного оружия.

Так было положено начало практической разработке современной доктрины глобализации. В сценарии «рационализации» мировой производственной системы и ее «передислокации в пределах планеты» Запад стремился стать центром по генерации знаний (наука, технологические разработки и дизайн) и центром исходящих потоков информации.

В футурологической литературе 1970-х гг. термин «постиндустриализм» в большей мере выражал формационные черты предвосхищаемого образа именно Запада, а вовсе не фронтальной судьбы мира. Такое расширение произошло в результате вольного развития темы. В профилировании этого образа делался акцент на организации производства, социальной структуре общества и производственных отношениях.

Тип культуры будущего общества обычно выражается термином «постмодернизм». Здесь акцент делается на том, что новое общество будет консолидировано рациональностью нового типа, в которой преодолены нормы, догмы и идеалы Просвещения. Цивилизационный пафос постмодернизма гораздо более радикален, чем у постиндустриализма как целого, в нем сильно отрицание Просвещения. Постмодернизм одно время представлялся даже как разрыв непрерывности в развитии современного общества Запада (модерна), хотя прежние подобные волны с признаками контркультуры по мере выхода из кризиса вновь интегрировались в мейнстрим.

Концепцию общества знания, как уже отмечалось, можно считать консервативной альтернативой вектору постмодернизма. Она — продукт скорее цивилизационного, чем формационного взгляда на исторический процесс. Большинство философов, развивавших эту концепцию, в общем отвергали идею разрыва непрерывности и подчеркивали генетическую связь с Новым временем и его наукой, с Просвещением и его рациональностью —

в рамках и на технологической базе индустриализма. По словам Д. Белла, «постиндустриальное общество — это индустриальное “общество знания”».

Еще А. Турен в своей концепции подчеркивал неразрывность связей постиндустриального общества знания с индустриальным обществом Нового времени¹⁰²: «Никто из даже наиболее горячих приверженцев понятия постиндустриального общества не отрицает, что оно может быть рассмотрено, хотя бы частично, как гипериндустриальное общество. Как же мы тогда можем сочетать прерывность и непрерывность в следовании социетальных типов? Необходимо ответить на этот главный вопрос, чтобы определить место коммуникационного общества, формирующегося буквально на наших глазах, по отношению к промышленному обществу, в среде которого оно появляется»¹⁰³. Здесь в корректной форме выражено принципиальное несогласие с «социологическими» предположениями большинства футурологов постиндустриализма о социальной структуре нового общества.

Хотя футурологи видели переход к постиндустриализму как скачок вперед от индустриального общества, в некоторых отношениях концепция постиндустриального общества несет в себе заряд фундаментализма, идею возвращения к истокам, к лозунгу «Знание — сила» Ф. Бэкона. Д. Белл прямо перефразирует формулу Ф. Бэкона: «Информация — это власть. Доступ к информации есть условие свободы». В этом родство концепции постиндустриализма с неолиберализмом, фундаменталистской доктриной Запада в плане истории как смены экономических формаций.

Все эти частные срезы образа нарождавшегося нового Запада не исключали друг друга, они обладают большим потенциалом для синтеза, что мы видим на примере освоения неолиберализмом многих постмодернистских подходов и норм. Поэтому и концепцию постиндустриального общества нельзя брать в отрыве от других глав западной футурологии и апокалиптики. Уже из докладов Римского клуба и продолживших эту серию докладов

---

¹⁰² А. Турен, видимо, не читал трудов российских приверженцев постиндустриализма, которые уверяют, что скоро материальное производство повсеместно будет ликвидировано.

¹⁰³ Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества. В кн. «Новая технократическая волна на Западе». М.: Прогресс. 1986.

Давосского форума можно сделать вывод, что тот универалистский смысл, который словосочетание «общество знания» имело бы в языке Просвещения, не может быть реализован в рамках программы глобализации как Нового мирового порядка.

В докладе Римского клуба «Первая глобальная революция» (1991) в среднесрочной перспективе (к середине XXI в.) будущее виделось так: «К середине следующего столетия в сегодняшних промышленно развитых странах будет проживать менее 20% всего населения земного шара. Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего. Конечно, на планете произойдет еще немало событий, которые мы не можем предвидеть сегодня, но то, что ряд менее развитых стран будет располагать ядерным оружием собственного производства, уже очевидно»¹⁰⁴.

Сама терминология этих рассуждений весьма красноречива. Президент Европейского банка реконструкции и развития Ж. Аттали в 1990 г. написал книгу «Тысячелетие. Победители и побежденные в грядущем мировом порядке. Линия горизонта». Она переведена в России в 1993 г. под названием «На пороге нового тысячелетия»¹⁰⁵. В ней Ж. Аттали так описывает будущую систему: «В грядущем новом мировом порядке будут и побежденные, и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной».

В своей последней книге «Краткая история будущего», вышедшей в свет в 2006 г., Ж. Аттали уточняет прогноз, исходя из опыта последних двух десятилетий. Он видит будущее как «триумфаль-

---

¹⁰⁴ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс. 1991.

¹⁰⁵ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993.

ный марш денег». Ж. Аттали считает, что если этот марш продолжится, то «деньги покончат со всем, что может им помешать, включая государства», которые они мало-помалу разрушают (даже у США не останется шансов выжить). Тогда рынок сформирует то, что Ж. Аттали называет гиперимперией — планетарной, создающей огромные состояния и ужасающую нищету. «Природа там будет варварски эксплуатироваться, все будет частным, включая армию, полицию и правосудие. Человеческое бытие станет артефактом, предметом массового спроса, потребители которого также стали артефактами. Затем обезоруженный, бесполезный для своих собственных созданий человек исчезнет».

Но бороться с такой глобализацией, по мнению Ж. Аттали, нельзя, ибо это «погрузит человечество в пучину регрессивного варварства и опустошительных битв при помощи оружия, которое сегодня немыслимо... Противостоять друг другу будут государства, религиозные группировки, террористические организации и бандиты-одиночки. Это может привести к уничтожению человечества»¹⁰⁶.

Это — прогноз Ж. Аттали на середину XXI в. Он, как это большей частью происходит с прогнозами, не сбудется в своих апокалиптических деталях, однако указывает возможный вектор событий. Но надо учесть, что и прогнозы на 2010 г., появившиеся почти 30 лет назад, были весьма пессимистичны. По заказу Римского клуба было проведено исследование проблемы продовольствия в мире (проект Х. Линнеманна). Математическое моделирование ситуации в 10-ти геоэкономических регионах для каждого года, вплоть до 2010 г., тогда показало, что Земля — даже при достигнутом в 1980-е гг. уровне технологии — в состоянии прокормить гораздо больше людей, чем предрекали самые смелые прогнозы, при условии, что имеющиеся продукты питания будут распределяться между людьми более справедливо. Однако моделирование для реальных условий привело к выводу, что масштабы голода в мире будут увеличиваться. К 2010 г. в мире ожидалось увеличение числа голодающих более чем в три раза.

«Неужели, — восклицает А. Печчеи, — вслед за вооружением и нефтью продовольствие тоже превратится в политическое оружие и средство политического давления, и нам из-за собствен-

---

¹⁰⁶ <<http://www.rosbalt.ru>>.

ного безрассудства суждено в конце концов стать свидетелями такого “решения” проблемы, как возрождение феодального монопольного права сортировать людей и целые народы и решать, кто получит пищу и, следовательно, будет жить»¹⁰⁷.

Этой ветви западной футурологии присущ радикальный *мондиализм* — отрицание суверенитета народов над их территорией и ресурсами. Это повело к важному сдвигу в представлениях о праве. Те силы, которые обладали экономическим и военным потенциалом для того, чтобы формулировать принципы «нового мирового порядка», по сути объявили свое право владения и распоряжения ресурсами всего мира (как выразился один дипломат, «следует избежать риска разбазаривания сырья по национальным квартирам»).

В 1977 г. А. Печчеи заявил, что новый экономический порядок, за который развернулась борьба с середины 1970-х гг., будет представлять лишь временную промежуточную стадию, ибо «в основе его лежит система из множества в значительной степени суверенных государств»¹⁰⁸. Уже в докладе М. Месаровича (США) прогнозируется «неуправляемость мира» и ставится вопрос о разработке глобального «генерального плана», реализовать который может лишь мировое правительство.

Шаги к демонтажу системы международного права, сложившейся в XX в. и основанной на принципе суверенитета национальных государств, делались под флагом права западных держав на «гуманитарную интервенцию» для защиты прав человека. В докладе А. Кинга и Б. Шнайдера¹⁰⁹ говорится: «Сама концепция суверенитета, провозглашенная всеми правительствами святыней, является проблематичной... Новая концепция “права на вмешательство” появилась на свет вследствие проведения искусственных государственных границ, разделяющих племена и народы. Она была предложена Францией, а затем, при одобрении ООН, реализована ею вместе с Великобританией и США в виде оказания гуманитарной помощи курдскому населению Ирака. Закрепление этой концепции, если оно произойдет в будущем, будет означать существенную эволюцию международного права, которое все в большей степени защищает гуманистические

---

¹⁰⁷ Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс. 1991.

принципы, а не конституционные права и националистический эгоцентризм»¹¹⁰.

Основной источник страха, который нагнетали эти доклады, — размножающееся с невероятной скоростью и столь же быстро нищающее большинство людей в странах третьего мира. У жителей Запада искусственно создавался «синдром осажденной крепости». Тезис о том, что Земля перенаселена, формулировался все более и более жестко. Вот заявления ученых из США. «Рост населения — главная причина бедности, и нынешний его темп есть планетарный экопатологический процесс»¹¹¹. «С нынешним населением Земли, превышающим 5 млрд, мы, вероятно, уже давно исчерпали возможность устойчивого развития»¹¹². Именно тогда стали разрабатываться и внедряться в мир неомальтузианские практики планирования семьи, сокращения рождаемости, т. е., если вещи называть своими именами — сокращение «низкосортного» населения за пределами «золотого миллиарда». В принципе, это именно то, что преследовал классический расизм и фашизм XX в. Поэтому неорасизм является вполне верифицируемой реальностью.

И вновь авторы подчеркивают, что некоторые научные концепты и теории иногда «вдруг» подхватывались влиятельными политиками, силами, поддерживались на уровне международных организаций, получали мощное финансирование и тиражировались по всему миру и по разным сегментам общества. Включая и научный, превращаясь в таком случае во что-то сродни догме или даже новой религии. Происходило это всегда, когда ставились цели глобальной манипуляции сознанием для управления миром.

Например, отрицался суверенитет народов над ресурсами: «Собственностью человечества является вся планета в целом, а не ресурсы, находящиеся в отдельных странах. Национальный суве-

---

¹¹⁰ Это утверждение противоречит реальности во всех его частях. Все границы проведены «искусственно» и проведены именно для того, чтобы разделять племена и народы. Потому и потребовалось международное право. ООН не могла одобрить «гуманитарную интервенцию» и никогда ее не одобряла, ее Устав допускает лишь «отпор агрессору». Что защищает «право на вмешательство», наглядно показали самые чистые случаи — агрессия НАТО в Югославии и США в Ираке.

¹¹¹ У. Херрн, 1990.

¹¹² Д. Пиментел, 1987.

ренитет не способен справиться с такими проблемами, как парниковый эффект, кислотные дожди или загрязнение океана»¹¹³.

Ряд утверждений носил тотальный характер. В докладе А. Кинга и Б. Шнайдера сказано, например: «Все проблемы большинства развивающихся стран в значительной степени связаны с быстрым ростом численности их населения»¹¹⁴. Это недопустимое искажение реальности. Проблема слаборазвитости — одна из хорошо изученных, и рост численности населения — скорее причина, чем следствие (точнее, имеет место порочный круг, созданный колониализмом). Французский биолог Ж. Леге так писал почти 40 лет назад: «Совершенно очевидно, что умышленное смешение проблем, связанных с энергетическим кризисом, демографическим развитием и загрязнением окружающей среды, есть не что иное, как попытка завуалировать общий кризис капитализма»¹¹⁵.

Стоит отметить, что в Докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», подготовленном в 1987 г. и явившимся основой концепции устойчивого развития 1992 г., сделан вывод, противоположный выводу докладов Римского клуба о «пределах роста». В докладе ООН сказано: «Мы способны согласовать деятельность человека с законами природы и добиться всеобщего процветания»¹¹⁶.

В том же докладе А. Кинга и Б. Шнайдера предсказывался следующий ход событий: «Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря... Приток мигрантов может вызвать резкое усиление “оборонительного” расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов»¹¹⁷. Как видим, краткие выводы полны пессимизма.

Технологический прогресс постиндустриализма, по мнению авторов доклада, вызовет лишь углубление пропасти, ибо ухудшает положение бедных стран: «Розовые перспективы стран Се-

---

¹¹³ Хейфиц, 1991.

¹¹⁴ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс, 1991.

¹¹⁵ Леге Ж. Экология и политика // Мир науки. 1976. № 2.

¹¹⁶ Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс, 1989.

¹¹⁷ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс, 1991.

вера не являются столь же радужными для стран Юга... Технологические нововведения дают преимущества передовым странам в ущерб тем, которые находятся на более ранней стадии экономического развития»¹¹⁸. И венец доклада звучит просто шокирующе: «Таким образом, нашим настоящим врагом является само человечество»¹¹⁹. В этом, конечно, видна склонность к гиперболам, но все же вывод приходится делать: явление это именуется человеконенавистничеством.

Таким образом, взгляд виднейших западных футурологов и философов на перспективы развития общества метрополии (которое и получило титул постиндустриального общества) отрицает универсализм Просвещения — вопреки оптимистическим утверждениям некоторых идеологов постиндустриальной глобализации. На это указывалось уже на первом «витке» обсуждения концепции будущего общества в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в.

Из документов, в которых закладывались основы концепции глобализации, доклады Римского клуба можно отнести к самым умеренным и гуманистическим. Но и они по своей методологии исходят из жесткого позитивизма — рассмотрение проблем общества ведется в них в отрыве от нравственных ценностей, норм и ограничений.

Второй доклад, как пишет его автор М. Месарович, «рассматривает мир не с незыблемых идеологических позиций, а основывается непредубежденно — насколько это по-человечески возможно — на данных и научной методике». В статье «Два типа мирового будущего» Э. Янч (являющийся членом Римского клуба) отмечает, что эти исследования основаны на практически полном отрицании значения «глубоких целей и задач в жизни человека и человечества». Необходимо, правда, отметить, что тут имеется в виду универсальная цель человечества как единой категории. Однако у меньшинства в виде «золотого миллиарда», богатого меньшинства, конечно, и цель, и задачи вполне определены.

Либеральный философ Дж. Грей, говоря о нынешнем кризисе индустриализма, указывает на эту сторону постиндустриального общества: «Наследие проекта Просвещения — также являющееся

---

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

и наследием вестернизации — это мир, управляемый расчетом и произволом, которые непонятны человеку и разрушительно бесцельны»¹²⁰.

Таким образом, новая волна технизации, ведущая к образованию в богатых странах постиндустриального общества, по мнению видных философов постиндустриализма, должна повести к следующим сдвигам в человеческой цивилизации:

- дальнейшей дегуманизации общества;
- использованию новой технологии как средства нового витка империализма (вестернизации);
- расширению масштабов изъятия ресурсов из бедных стран и абсолютному ухудшению качества жизни их народов;
- усилению военной конфронтации между Севером и Югом;
- сдвигу политического порядка в богатых странах от технократизма к тоталитаризму.

Можно ли по истечении 40 лет развития теории постиндустриализма, сравнивая ее с изменением мира, сделать вывод о достоверности прогноза, вытекающего из этой теории? Некоторые тенденции, из числа тех же самых, что зародились 40 лет назад, продолжают действовать. Но пропорции мира далеко не те, на которых настаивает теория и ее предсказания.

Во второй главе настоящей монографии станет понятно, насколько современный мир не подчинен экстраполяциям постиндустриализма. И дело здесь в том, что теория постиндустриализма в своем развитом образе является скорее не теорией в научном смысле слова, а проектом, который осуществляется Западом, но реализуется на практике не во всем согласно плану. Мир как-никак такому проекту пытается сопротивляться.

Это крайне важный вывод, следующий из ретроанализа футурологии постиндустриализма. Видны скорее не прогностические потенциалы теории, а ее проектные, управленческие потенциалы. А это уже не теория, а план действий, проект, в рамках которого преобладают интересы, манипуляции, информационное прикрытие, принуждение. Подобная фактология в прошедшее сорокалетие прослеживается достаточно последовательно.

---

¹²⁰ Грей Лж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003.

Глава II. Постиндустриализм: конфликт концепта и реалий

Общий анализ теории и феноменологии постиндустриализма должен быть дополнен прямыми статистическими представлениями динамики секторальной структуры выпуска и занятости. Причем это необходимо делать, как указывалось во Введении, не только в стадильном, т. е. временном представлении, но еще и в пространственном. Глава вторая посвящена именно этому вопросу.

2.1. Миф о «сервисном обществе»

Особого осмысления в анализе теории постиндустриального общества требует феномен сервиса. С его развитием постиндустриализм связывает перспективы грядущего мироустройства. Именно сервису отводится основная стадильно замещающая роль в утверждении секторальной модели постиндустриального общества. Тема постиндустриализма, а соответственно и сервисизации, активно выносятся и в российском общественном дискурсе. Достаточно обратиться к широко разрекламированному докладу Института современного развития **«Россия XXI века: образ желаемого завтра»**¹. В нем объявленная *модернизация* страны связывается напрямую с якобы универсальным для человечества ориентиром построения постиндустриального общества. Но так ли верен тезис об универсализме этого ориентира? С этим необходимо разобраться.

Изучение сервиса осуществлялось до настоящего времени в привязке к концепту о секторальной (отраслевой) дифференциации развития. Сообразно с этим подходом, он соотносился с третичным сектором экономики. Его генезис принадлежит, соответственно, к фазе перехода к постиндустриальной стадии развития человечества. В качестве эквивалента этой фазе было выдвинуто понятие «сервисное общество». Но, как выясняется, вполне обоснован критический взгляд на утвердившийся и ак-

---

¹ Россия XXI века: Образ желаемого завтра. М., 2010.

тивно внедряемый стереотип. На самом деле, возможна принципиально иная объяснительная модель развития сервиса в общемировом и российском цивилизационном контексте.

Несомненно, сервис представляет собой один из брендов постиндустриализма. Соответственно, как всякий бренд, он продуцирует различного рода мифологемы, которые в ряде случаев приобретают агрессивную форму манипуляции сознанием, в том числе политическим. Применительно к сервису, позиционируемому в качестве маркера будущего, мифологемы трансформируются в идеомифы. Они входят составной частью в новую глобальную идеологию «свободного мира» и его проектную деятельность.

Современные аналитики пишут о создании «глобального сервисного пространства», о тенденциях «сервисизации мировой и национальных экономик». Широкое распространение получили дефиниции «экономика услуг», «экономика сервисного типа». Более того, даже государство уже представляется как «сервисное» государство.

Участвуя в процессах конструирования реальных и виртуальных доминирующих мировых тенденций, один из заметных теоретиков «проекта» глобального мира Ж. Аттали использовал при описании модели будущего дефиниции «сервисная культура» и «сервисный человек»².

Однако если освободиться от психологически гипнотизирующей «авторитетности» и убедительности, «бесспорности» и всеобъемлемости обсуждаемого «проекта», если включить собственный аналитический потенциал, то картина может быть представлена, и вполне убедительно, как существенно иная.

Типичным признаком постмодерна является дефиниционная релятивизация, отсутствие общепринятых определений. Этакий воинствующий абсурдизм, отказ от смыслов и игра в формы. Проблема дефиниции сервиса — это классический пример постмодернистской рефлексии подобного рода. Сколько бы то ни было общепринятого определения сервиса до сих не выдвинуто. Нет его не только в России, но и в западной науке. Сомнительно, что ученые не могут элементарно договориться. Скорее, это не нужно и даже опасно, если речь действительно идет о манипулятивной технологии и интересах, связанных с ее использованием.

---

² Аттали Ж. Избранное. М., 2001.

Итак, ориентир постиндустриального развития — сервис, но что это такое — никто «не знает». При статистических расчетах его удельного веса по умолчанию используется апофатическая методика, согласно которой сервис — это не промышленность и не сельское хозяйство.

Уязвимость представлений о сервисе как третичном секторе в разделении труда

Каким образом исторически возник феномен сервиса? В распространенном объяснении его генезиса доминирует классический смитовский подход. Его основу составляет концепция разделения труда. Сфера услуг, согласно этому концепту, исторически могла возникнуть при появлении соответствующих продовольственных излишков. В исторической схеме она, соответственно, помещалась после сельского хозяйства и промышленности.

Сегодня смитовская версия преподносится в модифицированном виде в рамках теории секторальной дифференциации. За сервисом в ней прочно закреплено определение в качестве «третичного сектора» общественного производства. Английский историк Р.М. Хартуэлл апробировал в свое время в научной литературе понятие «революция услуг». С ней, а не только с промышленной революцией, связывалось стремительное экономическое развитие Нового времени³.

Согласно построенной на материалах английского модернизационного процесса классической схеме К. Кларка, изменение профессиональной структуры общества шло по линии переориентации кадров от первичного к вторичному и от вторичного к третичному секторам. Однако, как отмечал Ф. Бродель, историки и экономисты, к сожалению, при конструировании моделей истории экономики в целом пренебрегали важностью третичного сектора⁴.

---

³ Кеван К. Революция услуг в мировой экономике. М., 2007.

⁴ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И.С. Кона. М., 1977; Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993; Бродель Ф. «Что такое Франция?» Книга первая. Пространство и история. М., 1994; Бродель Ф. «Что такое Франция?» Книга вторая. Люди и вещи. Часть 1. М., 1995. Бродель Ф. «Что такое Франция?» Книга вторая. Люди и вещи. Часть 2. «Крестьянская экономика» до начала XX в. М., 1997.

Все, казалось бы, логично. Действительно, кто будет спорить с фактом разделения труда в генезисе новых профессиональных ниш деятельности? Однако более детальный исторический анализ позволяет увидеть значительную долю лиц, профессионально связанных с сервисной деятельностью уже в традиционных обществах. Концепт стадильности в отношении сервисизации как компонента постиндустриализма убедительной истиной не выглядит.

Не обнаруживается ни одного древнего и средневекового государства, где сервисная занятость отсутствовала бы в качестве важнейшей социальной структуры. В глубокой древности возник обмен, потом он трансформируется в торговлю, банкинг, финансовую деятельность, все более диверсифицирующуюся. Намечается существенная смысловая дихотомия. Производство физических благ, с одной стороны, и некая иная деятельность, безусловно необходимая в определенных пропорциях, но не выдающая в качестве результата физического или материального продукта — с другой. В древней Индии существовали соответствующие касты, в средневековой Европе — цеха. Следовательно, появление сервиса как общественного феномена состоялось задолго до номинируемой сторонниками смитовской линии третичной стадии разделения труда. Как, впрочем, и до вторичной — появления промышленности.

Сервис исторически формируется параллельно с древнейшими формами производящего хозяйства, а не следуя за ними стадильно. Фиксация параллелизма формирования сервиса позволяет выйти на понимание функционального назначения сервисной деятельности в обществе. Как самодостаточная система он не функционален. Создаваемая сторонниками секторальной дифференциации иллюзия о том, будто бы сервис приходит на смену промышленности и сельскому хозяйству, может иметь самые деструктивные последствия. Иногда эта идея представляется даже как некий инструментарий информационного манипулирования. В частности, в России эта идея ведет не к гармонизации диспропорциональной структуры экономики, а к деиндустриализации страны. Избыточная сервисизация делает национальную экономику несамодостаточной и в пределе ударяет по суверенитету страны.

Без сервиса ни одна из сфер общественного бытия — как экономического, так и социального — очевидно не состоятельна. Поэтому задача заключается не в упразднении в пользу сервиса других отраслей, а в укреплении посредством расширения их сервисного сопровождения.

Традиционное трехсекторальное деление экономики существенно редуцирует реальную хозяйственную инфраструктуру. Сервис как сфера услуг структурно неоднороден. В него как в третий сектор экономики включают такие функционально различные компоненты, как торговля и наука. Нельзя сказать, что в СССР третичная секторальная группа находилась в неразвитом состоянии. Удельный вес населения, занятого в непродуцирующей сфере, был сопоставим с пропорциями экономического распределения в ведущих государствах Запада. Диспаритет по отношению к ним обнаруживался только по одному индикатору — в сфере, включающей в себя торговлю, финансовую деятельность и весь спектр бытового обслуживания в его узкопрофессиональном значении⁵.

Иллюзия «сервисного общества»

Одной из наиболее раскручиваемых в рамках проекта глобализации мифологем является концепт «сервисного общества». В настоящее время эта идеологическая конструкция используется в одном ряду с понятиями «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество новых кочевников» и т. п. Государствам мировой периферии и полупериферии, к каковым сегодня относится и Россия, предлагается стратегический ориентир сервисизации. Посмотрите, говорят им консультанты с Запада, как живут высокоразвитые страны. Признаком их развитости является переориентация структуры производства от индустриального сектора к сервисному. Смотрите на государство — лидер современного мира — США: около 80% американского трудоспособного населения занято в сфере услуг.

Возникает иллюзия о целесообразности копирования этого опыта и возможности построения национальной экономи-

---

⁵ *Иоффе Я.А.* Мы и планета: Цифры и факты. М., 1988; Россия в цифрах. 2008. М., 2008.

ки с опорой исключительно на сервисную парадигму развития. Индустрия и сельское хозяйство подаются в этой модели как архаические структуры. Их предполагается заменить новыми сервисными отраслями. В принципе, все это не новая иллюстрация описанной еще в философии XIX столетия проблемы отчуждения сознания человека от непосредственных результатов труда. Эта отчужденность проявляется в забвении того очевидного факта, что без производства материальных благ — элементарно, без пищи — ни одно сверхсервисное общество не сможет существовать.

Структурная специфика занятости населения стран «золотого миллиарда» объясняется их геоэкономическим положением. Установившаяся в рамках капиталистической международной системы модель странового разделения труда предполагала преимущественное размещение финансово-сервисного сектора в метрополиях, а производственно-промышленного и аграрного — в третьем мире. В этом смысле ориентир «сервисного общества» в случае его абсолютизации является для России одной из стратегических ловушек. Возросшее значение сервиса сопровождается структурным свертыванием сфер промышленности и строительства, сельского и лесного хозяйства, транспорта и связи. О том, что произошедшая трансформация не имеет ничего общего с постиндустриальным переходом, свидетельствует сокращение доли в народном хозяйстве непроектной сферы, включающей управленческие, социальные и социокультурные направления деятельности. Состояние компонентов третичного сектора экономики оказалось, таким образом, в противоположной динамике развития. Из этого можно сделать вывод о некоей противоестественности российских трансформационных процессов⁶.

Об угрозах, содержащихся в провозглашенной перспективе построения общества «сервисного типа», обоснованно и открыто говорят сторонники ларушизма. Еще в 1971 г. Л. Ларуш предупредил, что попытки отказа от Бреттон-Вудской системы и отрыв валют от золотого эквивалента могут привести к неконтролируемому росту фиктивного капитала, который в конечном итоге способен похоронить под собой реальные экономические секторы («физическую экономику»). Показатели диспропорционального

---

⁶ *Иоффе Я.А.* Мы и планета: Цифры и факты. М., 1988.

развития в последние десятилетия сферы сервиса, охватившей в США около 80% экономически занятого населения, означают угрожающий рост спекулятивных непроизводственных ниш⁷.

При кажущейся экономической мощи современный Запад, в случае оказания ему серьезного геополитического противодействия, будет крайне уязвим. «Сервисная революция» явилась прямым следствием «деиндустриализации» западной экономики, перемещения товарного производства в страны третьего мира. При реализации сценария глобального политического потрясения, актуализации противоречий «постиндустриального общества» с реальными производителями материальных благ сложившаяся система международного разделения труда грозит для сервисного Запада, оставшегося без собственной промышленной базы, тотальным крахом. В силу этого он, естественно, будет стремиться поддерживать иллюзию модели виртуальной экономики. Только при ее сохранении сложившаяся де-факто модель неокOLONиальной эксплуатации Западом остального мира будет сохранена. Именно этой угрозой объясняются колоссальные военные расходы и военное строительство США и НАТО, США и геополитических союзников иных регионов (Япония и др.). Вопрос о манипулятивности категории постиндустриализма, таким образом, вновь сводится к вечным категориям конфликта лжи и правды. Интерес Запада сегодня — это сохранение неокOLONиализма, для чего ему и нужно репродуцирование глобального характера мифа постиндустриализма.

Ориентиром для России в этом отношении мог бы послужить современный опыт экономического развития Китайской Народной Республики. Прогнозируется, что китайская экономика обгонит в ближайшее десятилетие американскую. В действительности, по расчетам Института мировой экономики и международных отношений РАН, экономика Китая уже обогнала американскую. Более 80% в структуре валового продукта в США составляют услуги — сектор условного производства, финансовой деятельности. При обоюдном вычете ВВП, связанного со сферой сервиса, Китай окажется выше в мировой экономической иерархии, чем Соединенные Штаты⁸ (рис. 2.1.1).

---

⁷ Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997.

⁸ Мировая экономика: прогноз до 2020 года // Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007.

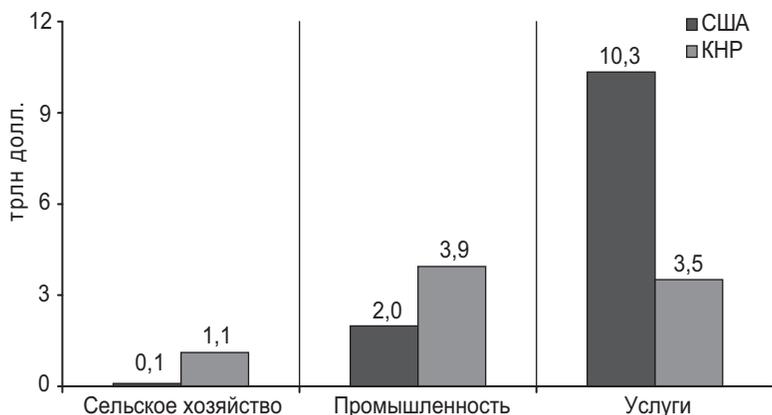

Рис. 2.1.1. Сравнение ВВП США и КНР по отраслям производства, в трлн долл. на 2005 г. (по данным Института мировой экономики и международных отношений РАН)

На сервисную деформацию структурных показателей ВВП неоднократно обращали внимание многие ведущие экономисты мира. Сфера услуг играет существенную роль в доминировании показателей валового внутреннего продукта и других стран Запада (включая Японию), демонстрируя тем самым определенную цивилизационную «прописку» (рис. 2.1.2).

Именно в сервисе, главным образом, проявляется российское «отставание» от «постиндустриального мира», которое в современной парадигме развития страны пытаются «компенсировать», что, собственно, и приводит к упомянутой выше деиндустриализации России. За счет сектора сервиса происходит также некоторое принижение экономического потенциала бурно развивающихся геоэкономических субъектов Азии и Латинской Америки.

Тренд возрастания доли услуг в секторальной дифференциации характерен для всего западного мира. В этом направлении структурно развивается и экономика России. С 34% в середине 1990-х гг. доля сервиса в российской экономике возросла к началу 2000-х гг. до 57%. Стремительность такой реструктуризации беспрецедентна. Для сравнения: за то самое время, когда доля сервиса в России увеличилась на 23%, в странах Запада — только на 2–4%. По уровню сервисизации РФ подошла вплотную к ниж-

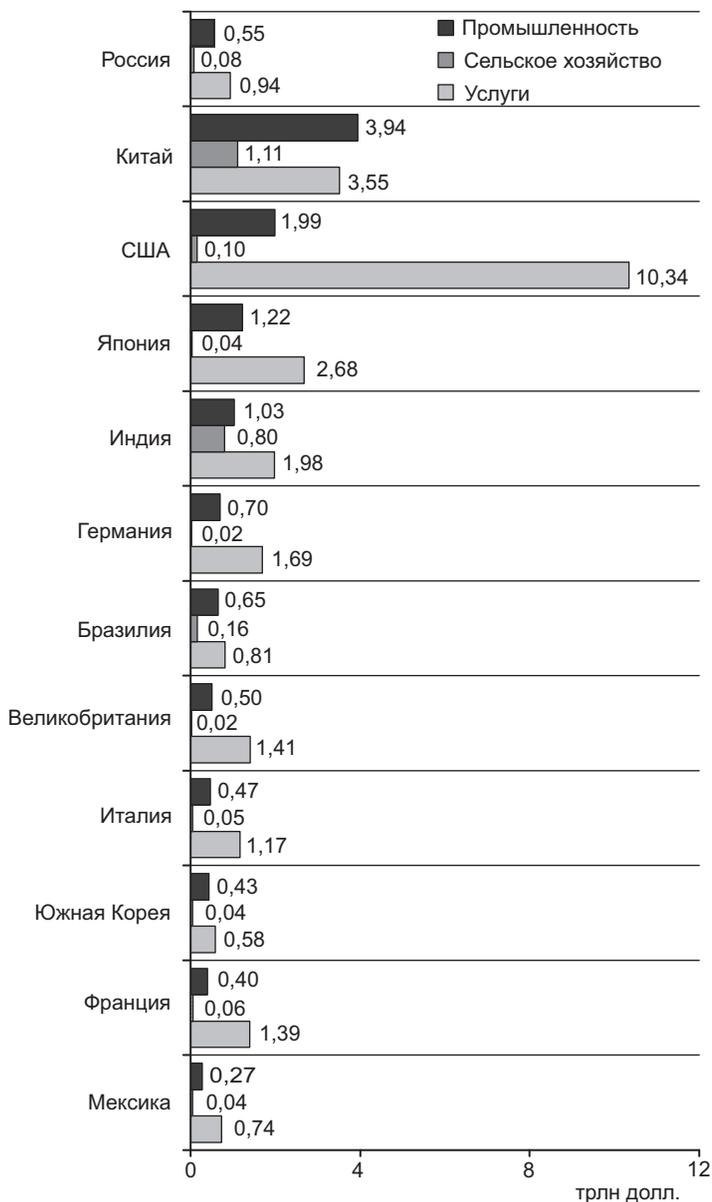

Рис. 2.1.2. ВВП ведущих стран мира по отраслям производства на 2005 г. (по данным ИМЭМО РАН)

ней границе западноевропейских стран (превзойдя, например, показатели доли услуг в экономике Португалии — 56%). Однако необоснованность избранного вектора реструктуризации за счет снижения доли традиционных для России хозяйственных отраслей вызывает тревогу. Дело в том, что, в отличие от Запада, Россия не в состоянии компенсировать свою деиндустриализацию по схеме вывода производящего капитала в третьи страны. Сервисизация ведет к утрате Россией самодостаточности экономики. А это уже вопрос утрачиваемого политического суверенитета. Причем надежно контролируемого геополитического альянса, в пределах которого возникает коллективный политический квазисуверенитет, у России нет, и в обозримом будущем, после ее активного самоухода из парадигмы геополитического доминирования, не предвидится.

Таким образом, феномен «сервисного общества» по своей природе не носит универсального стадийного и фронтального пространственного характера. Он географически локализован в рамках стран, принадлежащих к мировой «золотомиллиардной» элите. Спецификой современного развития международной экономики является перенос инфраструктур производящего хозяйства в третий мир. Существующий уровень заработной платы азиатских и латиноамериканских рабочих делает более выгодным размещение индустриального производства в Азии или Латинской Америке, чем в Северной Америке или Европе. Издержки, с учетом сэкономленной части оплаты труда, оказываются при таком перемещении существенно ниже. Дополнительный бонус еще и в том, что на иные континенты выводятся и промышленные нагрузки, приходящиеся на окружающую среду.

По очевидным причинам парадигма географической реструктуризации промышленности не распространяется на уникальные и оборонные технологии — как, например, по-прежнему производимую в США американскую аэрокосмическую продукцию. Стандартные же, не составляющие эксклюзив товары конвейерного производства более выгодно производить не в Нью-Йорке, а скажем, в Куала-Лумпуре (Малайзия), где в настоящее время и осуществляется выпуск едва ли не половины реализуемых на мировом рынке микросхем. Высвобождаемые из сферы товарного производства западные индустриальные рабочие переквали-

фицируются в работников непроеизводственных отраслей. Таким образом, бурное развитие на Западе сервисной инфраструктуры есть прямое следствие его неоиндустриализации. Вместо американца, переквалифицировавшегося в брокера, у конвейерного станка встал малаец. Поэтому простое механистическое апеллирование к западной системе сферы услуг применительно к обсуждению решений и стратегий России бесперспективно.

Предложенный сторонниками теории сервисного общества путь противопоставления индустрии и сервиса контрпродуктивен. В целях устойчивого развития они должны не противопоставляться, а взаимодополнять друг друга. Но это совсем другая стратегия развития, отличная от рецептов постиндустриализма.

Дефиниция сервиса нуждается в корректировке не только исторической стадияльной, но и национальной или пространственной. Для самоквалифицирующих себя постиндустриальных сообществ Запада сервис выступает в настоящее время в качестве экономической парадигмы. Для «новых индустриалов» третьего мира, для стран рывка, он по-прежнему сохраняет иное значение. А именно — услуг как деятельности, связанной и направленной на поддержание индустриального производства. Применительно к «странам-сырьевикам» — как аграрным, так и ресурсным — сервис является не более чем роскошью, обслуживанием прихотей ограниченной группы лиц, получающих дивиденды от экспортной деятельности. Остальное же население вынуждено обеспечивать бытовые потребности, прибегая к архаическим формам натурального хозяйствования.

Задача обеспечения национальной экономической безопасности России заставляет пересмотреть направленность происходящей сервисной реструктуризации, сделав ставку на производящие отрасли хозяйствования. Данный стратегический выбор позволил бы России уменьшить степень экономической зависимости от внешних факторов, а соответственно, создать суверенный фундамент устойчивого развития.

Восприятие сервиса не может основываться только на западном теоретическом понятийном аппарате ввиду принципиального различия задач, стоящих перед сервисной сферой на Западе и в России. Развитие направлений нетоварного производства не должно приводить к деиндустриализации российской экономи-

ки. Сервисная составляющая, напротив, должна быть интегрирована в индустриальное производство, а вовсе не противопоставлена ему. Именно в привнесении сервисного сопровождения в индустриальный сектор видится стратегия российского инновационного прорыва.

На пути уточнения дефиниций следует зафиксировать следующее.

Постиндустриальное общество (или экономика), как и сервисное общество (или экономика), — это общество (экономика) с доминирующей в структуре занятости и выпуска непродуцированной деятельностью, а именно — производством услуг. И это можно считать базовой дефиницией.

Однако есть два существенно различных вида постиндустриального общества и экономики, которые нельзя смешивать. Именно путем их отождествления формируется и используется упомянутое выше информационное оружие масштабных политических манипуляций и десоверенизации геополитических противников.

Первый тип постиндустриального общества (экономики) имеют страны, обладающие возможностью сохранять национально контролируемый индустриальный сектор в зарубежных странах. Они сохраняют и гарантируют себе экономическую самостоятельность, а значит и политический суверенитет и геополитическую субъектность. Это лидирующие страны Запада. Никакой фронтально-мировой стадийной универсальности их модель не имеет.

Второй тип постиндустриального общества (экономики) имеют страны, не обладающие возможностью сохранять национально контролируемый индустриальный сектор в зарубежных странах. Они несамодостаточны, имеют ограниченный политический суверенитет и нуждаются в геополитических альянсах, ядерных зонтиках — иными словами, становятся государствами-сателлитами с соответствующей утратой собственных гарантий развития и благополучия.

Именно в направлении такого типа государства преобразуется современная Россия. Ее убеждают, что стадия постиндустриализма ожидает все страны мира, что это признак современности, лидерства и цивилизованности; убеждают, манипулируя, в том числе, сознанием правящей элиты страны.

Важно понимать, что СССР был, а его преемница Россия остается страной особого типа. С одной стороны, она не может стать региональной державой, т. к. по геополитическим законам ее «региона» не существует. Россия — пока она простирается от Калининграда до Тихого океана и от Северного полюса до континентального ядра — является субъектом мирового уровня. И изменить таковую ее субъектность означает попросту ее расчлениить. Россия не может воспринять западную форму имперскости, колониальной и неоколониальной парадигмы государственности в силу своей цивилизационной принадлежности к принципиально иному типу государственности. Типу собирающей, интегрирующей империи или государства-цивилизации. Утрата или замена этого типа невозможна без геополитического разрушения страны.

У страны такого типа нет возможности идти путем западного неоколониализма и паразитирования на остальном мире. Войти на условиях сателлита в западный геополитический альянс Россия также не может, ее там не ждут. Ждут лишь геополитического исчезновения России. На обоих путях ее подстерегает историческая и геополитическая смерть.

Именно поэтому Россия может быть только самодостаточной в экономическом смысле⁹. Постиндустриальный концепт, под которым понимают опыт Запада, для России неприменим под угрозой геополитической смерти.

Миф о сервисном государстве

Сервисную парадигму «конструкторами» постиндустриального развития предлагается взять за основу программы государственного реформирования. Основная идея заключается в утверждении принципа услуги как главного ориентира деятельности чиновника¹⁰. Но применимо ли это к специфическим условиям России?

---

⁹ Неправомерно прочитывать этот императив как 100-процентную автаркизацию или новый железный занавес. Речь идет о базовых потенциалах, обеспечивающих суверенитет страны.

¹⁰ Проблемы современного государственного управления в России. Труды научного семинара. Вып. 3. Научный эксперт. М., 2006.

В качестве преамбулы к рассмотрению проблем реформы государственного управления через призму сервиса целесообразно привести иллюстрацию ментальных различий двух моделей образования. Так, в рамках американской образовательной системы связка преподаватель–студент трактуется в качестве взаимоотношений агента и клиента. Идеология их коммуникационной зависимости по существу определяется условиями найма. На этой основе выстраивается концепция образовательного сервиса.

Восточная (в том числе традиционно российская) модель образования предполагает принципиально иной характер взаимоотношений субъектов процесса обучения. Преподаватель и студент в ней позиционируются в качестве учителя и ученика. При такой модели на первый план выходят идейно-духовные основы обучения. Не студент нанимает преподавателя, а преподаватель выбирает себе достойного ученика. Какая модель лучше? — Это вопрос аксиологических предпочтений, цивилизационной целесообразности и в итоге — успешности страны. Рецепты успешности для разных стран разные. В том числе и в отношении типа государственности, государственно-управленческих механизмов.

Для современных западных сообществ характерна идеология сервисной модели государства. Институты государственной власти выступают в данном случае в качестве агентов, а граждане — клиентов. Однако такая модель противоречит традиции развития государственности в России. Неудача административной реформы государственного управления 2003–2004 гг. во многом объясняется экстраполяцией применительно к специфическим российским условиям элементов чужеродной управленческой системы.

Для России сервисная модель государственности функционально не подходит. Государство в ней не может ограничиваться функцией обслуживания граждан. На него исторически возлагается, в частности, задача безопасности, устойчивости развития, развития промышленного и аграрного производства, которое на Западе переложено на плечи третьего мира.

Идентификация государства в качестве агента соотносится с идеологическим полем теории общественного договора. Однако она, как известно, не исчерпывает существующее многообразие версий генезиса и самого типа государственности (рис. 2.1.3)¹¹.

---

¹¹ Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998.

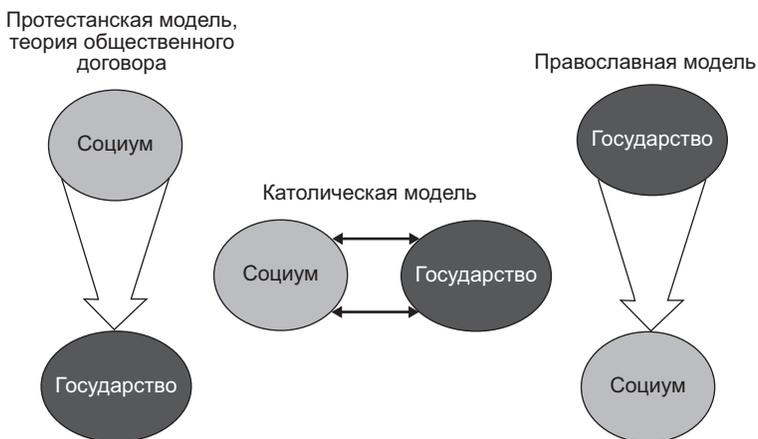

Рис. 2.1.3. Фундаментальные парадигмы моделей государственности. Сервисное государство как проекция протестантского религиозного типа

Теория общественного договора относится к вполне определенному социокультурному контексту развития западной цивилизации. Исторически она выстраивалась на основе протестантского и пантеистического мировоззренческих компонентов.

Православное понимание государственности с теорией общественного договора принципиально не сочетается. В соответствии с традициями православия праведное государство строится не снизу вверх, а сверху вниз. Оно есть земная проекция Царствия Небесного. Божественная харизма доводится через высшие институты государственной власти до низовых общин верующих. Православный государь (вообще — христианский правитель) в принципе не может быть агентом. Это поразительно, как гениальный иконописец Андрей Рублев отразил принципиальную русскую особенность сочетания истока и построения в образе обратной перспективы. У Запада — прямая перспектива. У русской цивилизации — она противоположна (рис. 2.1.4). Основания русской успешности государственности противоположны основаниям западной успешности.

Идеологеме сервисного государства противоречит и органическое российское понимание государства в качестве «большой

Рис. 2.1.4. В русской цивилизации исток сущего не в обществе индивидов, как на Западе, а наоборот

семьи». Агент-клиентские отношения для выстраивания семейных связей, естественно, неприменимы.

Идеология сервисного государства находится в резком диссонансе со всем историческим опытом развития государственности в России. Не социальные и технологические сдвиги вызывали в ней к жизни управленческие реформы, а сами реформы определяли вектор социальных и технологических инноваций. Государство являлось главным катализатором происходящих в обществе перемен. Поэтому функциональное назначение государственной власти в России существенно отличается от западной версии.

Принципы построения государства сервисного типа противоречат также социальной структуре российского общества. Об-

щественная система в России сохраняет де-факто иерархическую природу, что не позволяет применить к ней идеологию построения сервисной государственности. Для иерархических сообществ модель государства-агента попросту лишена смысла.

В России государственный чиновник есть начальник, но никак не агент. Отношения начальник–подчиненный составляют базовый принцип российского управленческого функционирования, имеющий под собой глубокие ментальные основы. Для того чтобы хоть гипотетически рассчитывать на успех реализации реформ, направленных на формирование в России государства сервисного типа, надо первоначально произвести инверсию на уровне массового менталитета. Не отсюда ли императивы, наблюдаемые у спичрайтеров самого высокого в России уровня: «Мы будем строить новую молодую нацию»? Но для этого нужен другой народ. А куда в таком случае денется русский народ, все исторически сложившееся российское сообщество? Очевидны масштабные риски, которые возникают при попытках «созидания» нового человека на примере хоть бухаринского, хоть гитлеровского проекта, а теперь и проекта потребительского общества.

Моральная привлекательность сервисной государственности также весьма сомнительна. Статус агента определяется вступлением его в отношения найма. Соответственно, и государство-агент также нанимаемо. Оно служит тому, кто платит. Такой подход таит в себе потенциальную угрозу для национальной безопасности. Феномен государственного компрдорства в данном случае весьма вероятен. Извне могут заплатить больше, причем вовсе не за служение собственному народу. Стоит задуматься относительно современного высказывания З. Бжезинского: «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы разберитесь: это ваша элита или уже наша».

Сервисный концепт неприменим в полной мере и к модели государственного управления, сложившейся в странах Запада. Функции государства далеко не ограничиваются задачами оказания услуг населению. Оно не только реализует интересы социума, но и само ставит перед ним стратегические ориентиры, мобилизует на свершения. Государство ведет народ, а не только обслу-

живает его потребности. При необходимости оно даже прибегает к насилию. Понятно, что государственное принуждение или мобилизация рывка под категорию государственных услуг никак не подпадают.

Сервис является весьма важной сферой общественного бытия. Однако он не распространяется на все бытие. Должны существовать естественные ограничители сервисизации, и, в частности, к такого рода несервисизируемым нишам относится институт государства.

Роль государства в современной системе рыночной экономики не может быть ограничена только сервисными компетенциями. Предполагается не просто эксцессное вмешательство в экономику при чрезвычайных ситуациях, а активное, пусть и опосредованное, управление экономическими процессами. Хотя бы путем эксклюзивных хозяйственных функций (оружие, психотропы и т. п.) и естественных монополий, мотиваций частного капитала.

С позиции экономической теории традиционно функции современного государства определяются следующим образом:

- 1) правовое обеспечение;
- 2) организация денежного обращения;
- 3) производство общественных благ;
- 4) минимизация транзакционных издержек эксплуатации экономической системы в целом;
- 5) антимонопольное регулирование и содействие развитию добросовестной конкуренции;
- 6) оптимизация влияний внешних факторов — снижение негативного эффекта и усиление позитивного воздействия согласно национальным политико-экономическим интересам;
- 7) перераспределение доходов в обществе;
- 8) поддержание оптимального уровня занятости;
- 9) проведение региональной политики выравнивания уровней жизни территорий;
- 10) реализация национальных интересов на международной арене¹².

Наличие регулирующей управленческой миссии государственной власти по отношению к рыночной экономике признается ныне даже на уровне ведущих монетарных структур мира.

---

¹² Перская В.В. Глобализация и государство. М., 2005.

К ним, например, относится Всемирный банк, который в Отчете о мировом развитии 1997 года представил список непереносимых функций государства в современных условиях экономического развития. В противоречии с концептом саморегулирующегося рынка определены сферы, неподвластные рыночным механизмам. Говорится даже о видах противодействия стихийности рынка. И это далеко не исчерпывается понятием «государственные услуги» (табл. 2.1.1)¹³.

Таблица 2.1.1

Функции государства в условиях рыночной экономики

Функциональная степень сложности	Сферы неэффективности рыночной саморегуляции	Функции государства
I. Минимальные функции	Обеспечение общественной пользы	Оборона, законность и правопорядок
		Макроэкономическое управление. Общественное здравоохранение
	Защита беднейших слоев населения	Программы по борьбе с нищетой. Помощь пострадавшим от различных бедствий
II. Промежуточные функции средней степени сложности	Преодоление внешних эффектов	Начальное образование. Защита окружающей среды
	Регулирование монополий	Коммунальная сфера. Антимонопольная политика. Регулирование полезности
	Преодоление издержек несовершенной информации	Страхование от неопределенности (здоровья, жизни, пенсионного обеспечения). Финансовое регулирование, защита прав потребителей
	Обеспечение социального страхования	Перераспределение пенсий. Семейные пособия. Пособия по безработице

¹³ Государство в меняющемся мире. Отчет о мировом развитии. 1997. Всемирный банк. М., 1997; Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

Функциональная степень сложности	Сферы неэффективности рыночной саморегуляции	Функции государства
III. Функции активного вмешательства	Координирование частного сектора	Развитие рынка. Координация инициатив
	Перераспределение	Перераспределение активов

Миф о невозможности государственной политики управления сервисом

Взятая неолиберальной доктриной на щит концепция саморегулирующейся экономики продуцирует миф о сервисе как полигоне частного предпринимательства. Сегодня, с трудом преодолевая стереотипы неолиберализма, на уровне высшей государственной власти все чаще говорят о промышленной политике, молодежной политике и даже политике ценового регулирования. Еще совсем недавно сама постановка вопроса о такого рода функциях государства была невозможна. Но вот о сервисной государственной политике по-прежнему ни слова. Сервис де-факто выведен в сферу нерегулируемого государством частного предпринимательства. Являясь в теории постиндустриального общества маркером будущего, он взят на щит и в рамках неолиберальной концепции как содержательный элемент тренда экономической дерегуляции. Через концепт нерегулируемости сервиса происходит идеологическое соединение постиндустриалов с неолибералами. Если услуги есть ориентир грядущей трансформации мира, а сфера лежит вне государственного регулирования, то образ «желаемого завтра» будет соотноситься с неолиберальной моделью устройства.

Но верен ли на самом деле базовый тезис выдвинутого силлогизма о невозможности государственной политики управления сервисом?

Говорят, что сервисная деятельность находится преимущественно в поле интересов малого бизнеса. Именно мобильность предпринимателя обуславливает, согласно этой точке зрения,

высокое сервисное насыщение. Когда-то в XIX столетии все было в точном соответствии с данной моделью. Обслуживание, в отличие от промышленных предприятий, предполагало гораздо меньшую концентрацию рабочей силы. Но XIX в. уже прошел. Сегодня сервисная деятельность составляет сферу специализации многих крупных корпораций. Что касается транснациональных корпораций, то общей тенденцией для них является соединение сервиса и индустриального производства. Корпорации-гиганты, как правило, сами реализуют производимый ими товар, сами же обслуживают через создание соответствующих инфраструктур бытового профиля кадровый персонал, производят инженерно-технические услуги. Например, проводят НИР и НИОКР¹⁴.

Исторический опыт России демонстрирует принципиальную возможность государственного управления в сфере сервиса. На составленном посредством экспертной оцифровки графике (усредненные данные по опросу 15-ти экспертов) прослеживается динамика качественных показателей реализации управленческих функций государства в области бытового обслуживания населения (рис. 2.1.5).

Определенные составляющие государственной политики обнаруживаются уже применительно к XVIII в. Управление со стороны государства в этой сфере не только возможно, но и функционально естественно. Другое дело, что эта политика не всегда была институционально формализована. Курировали сервис чаще всего местные органы государственной власти. Это снижало уровень стратегичности и сбалансированности в развитии сервисной сферы.

В советский период потребность в институционализации управления сервисом была удовлетворена посредством создания в 1960-е гг. республиканских министерств бытового обслуживания населения (Министерство бытового обслуживания населения РСФСР было учреждено в 1960 г.). Данное изменение не замедлило сказаться на развитии сервисной сферы. На графике (рис. 2.1.5) с очевидностью прослеживается корреляция между институциональным обустройством системы управления и результатом реализации государственной политики — улучшением показателей бытового обслуживания населения страны. К зака-

---

¹⁴ *Кара-Мурза С.Г.* В поисках потерянного разума, или Антимиф–2. М., 2007.

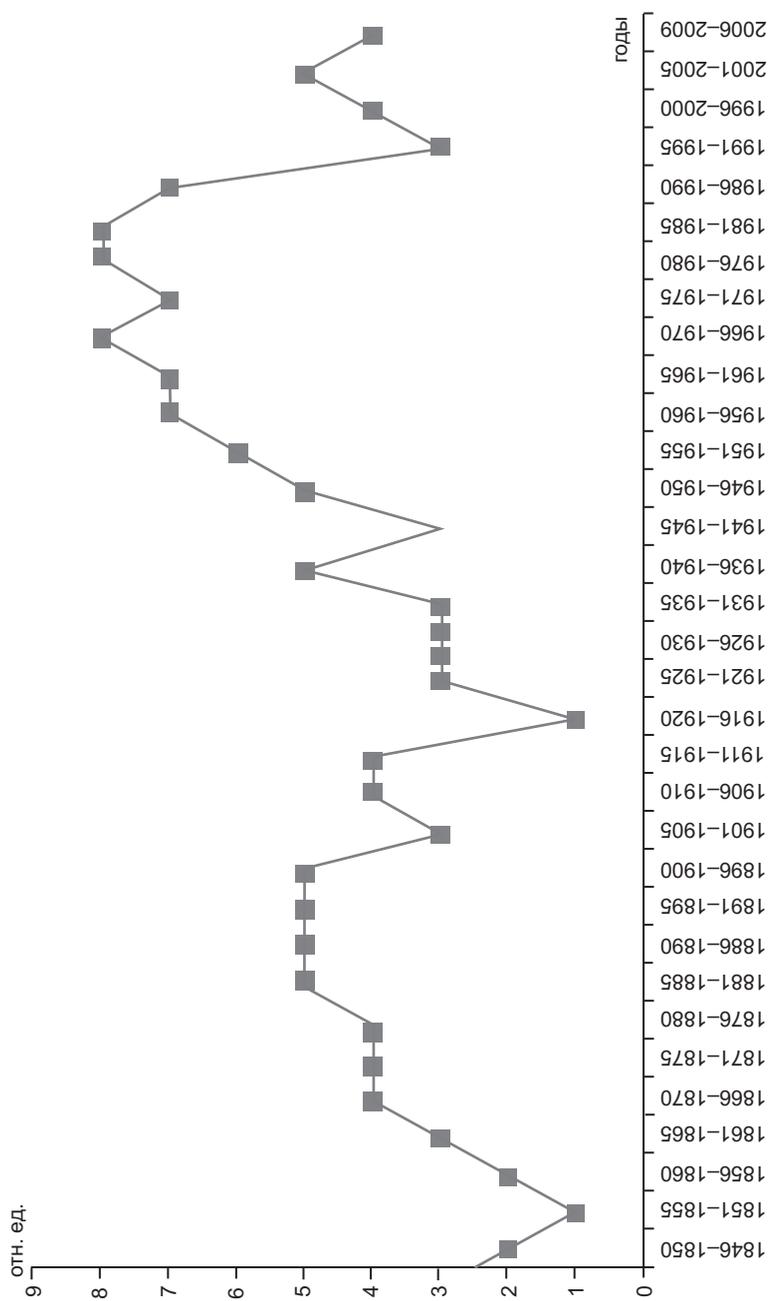

Рис. 2.1.5. Качество государственной политики в сфере бытового обслуживания населения (экспертная оценка)

ту существования СССР был достигнут исторический максимум в развитии сервисных потенциалов страны (именно страны, а не только столицы).

Конечно, «советский сервис» был специфичен. Он далеко не удовлетворял рост индивидуальных запросов граждан. Но в трендовом отношении был четко выражен вектор развития. Произошедший в 1990-е гг. отказ государства от управления сферой сервиса обернулся в регионах буквально распадом систем повседневного жизнеобеспечения.

Миф о сервисном человеке

Еще одна ассоциативная линия связывает сервис с парадигмой общества потребления. Сегодня концепт об утверждении «общества потребления» преподносится в качестве мейнстрима формирования новой сервисной реальности. Произошло его своеобразное переоткрытие и в России. Между тем, в мировой философской мысли данная тема воспринимается как что-то вроде «нафталина». Еще в 1970 г. вышла книга Ж. Бодрийяра «Общество потребления. Его мифы и структуры». Речь уже тогда, почти столетия назад, велась не о дееспособности феномена потребительства, а о мифологизации данного конструкта¹⁵.

Потребительская мораль рассматривается как главное условие процесса сервисизации. Конструируется образ «сервисного человека»¹⁶. Это не категориальный человек в его оразумленном и духовном измерении, а потребитель услуг. Все рассуждения такого рода выстраиваются вокруг следующего силлогизма. Если сервис направлен на удовлетворение потребностей человека, а акцентировка на потребностях есть потребительство, то именно сервисная деятельность и выступает основным инструментом имплементации потребительской морали.

Неверна в данном случае исходная посылка. Посредством сервиса не только удовлетворяются, но и формируются потребности человека. Традиционная формула «спрос определяет предложение» нуждается сегодня в корректировке. Эта корректировка состоит в решении проблемы определения источников формирова-

¹⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

¹⁶ Аттали Ж. Избранное. М., 2001.

ния спроса. И здесь с неизбежностью возникает игнорируемый неолиберализмом вопрос о ценностях. Потребности человека определяются на уровне ментальной ценностной матрицы общества. Они могут иметь как сугубо гедонистический, так и духовнообразующий характер.

Существует иерархия ценностного структурирования личности. Свое определенное место в ней занимают и материальные потребности. Но они не исчерпывают собой всей ценностной пирамиды (рис. 2.1.6).

Рис. 2.1.6. Иерархия ценностного структурирования потребностей личности

Важна иерархия ценностей. Об этом рассуждали еще неоплатоники¹⁷. Правильная иерархия, согласно им, выстраивается от духовного уровня бытия к плотскому. При таком структурировании акцентируется одухотворение личности. Но возможна и обратная проекция. При перевернутой пирамиде ценностей доминирует плотская природа. В результате человек уподобляется животному. Но ведь именно эту антропологическую модель и навязывает в качестве универсалия современного потребительского мира концепция «сервисного человека» (рис. 2.1.7).

¹⁷ The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. Ed. by A.N. Armstrong, Cambridge, 1991; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1980; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 1–2. М., 1988.

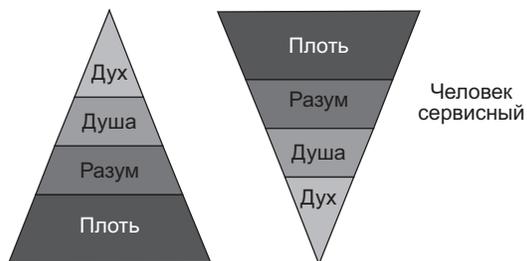

Рис. 2.1.7. Неоплатоническая модель ценностных иерархий в случае человека сервисного

Сервис может служить и инструментом развития духовных потенциалов, и средством морального разложения человека. Полученный вывод опять-таки актуализирует вопрос о целенаправленном государственном управлении сервисом.

«Сервисный человек» является современной модификацией неоднократно опровергнутой модели «экономического человека». Ее истоки следует искать в общественной доктрине Дж. Локка. Общество, согласно локковскому пониманию, представляет собой механистическое сцепление атомизированных индивидуумов. Их поведение редуцируется до трех основополагающих импульсов: «оставаться в живых» (импульс жизни), «стремиться к чувственному удовольствию» (импульс свободы), «удовлетворять жадность» (импульс собственности). Экономическая деятельность человека низводится, таким образом, до уровня животных инстинктов.

Локковско-смитовской модели экономики противостоит традиция, идущая от Г. Лейбница. Альтернатива биологизации экономической деятельности виделась в ее обожествлении. Через труд, в понимании Лейбница, происходило уподобление человека Творцу. Саморегуляции рынка противопоставлялось сотрудничество с Богом в вечном антиэнтропийном «подкручивании мировых часов»¹⁸. Следует признать, что альтернативность локковской и лейбницеvской моделей экономики отражает разли-

¹⁸ Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997; Ларуш Л. Место России в мировой истории // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 8. М., 1998; Ларуш Л. О сущности стратегического метода // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 9. М., 2000; Ларуш Л. О духе российской науки // Экология — XXI век. 2003. Т. 3, № 1/2; Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // www.zavtra.ru.

чие двух теологических подходов Нового времени. Деистический концепт воплощается через принцип креационистского управления экономическими процессами, пантеистический — через их естественную саморегуляцию¹⁹.

Положенная в основу классической либеральной теории модель «экономического человека», трактуемого А. Смитом как лица, наделенного эгоизмом и стремящегося ко все большему накоплению богатств, давно служит мишенью всесторонней критики²⁰. Еще в 90-х гг. XIX в. основоположник институционализма в экономике Т. Веблен указывал, что смитовская экономическая антропология безнадежно устарела. Поведение человека в сфере экономики, пояснял он, не сводится к мотивам материальной выгоды. Оно имеет гетерогенную природу, конструируемую еще и из таких компонентов, как традиции, поведенческие нормы, инстинкты самосохранения и сохранения рода, подсознательные склонности к соперничеству, подражанию, любопытство и т. п.²¹

С развернутой критикой смитовско-бентамовской модели «экономического человека» выступил в свое время с позиции теории построения экономики духовного типа С.Н. Булгаков. Единого, универсального, данного на все времена «economic man», замечал философ, никогда не существовало. Каждая мирохозяйственная эпоха и каждая культура создавали свой доминирующий образ экономического человека. Такого рода духовный тип был сформулирован и в рамках христианской этической традиции. Смитовско-бентамовская модель «экономического человека» есть продукт исторически определенного мировоззренческого контекста. С.Н. Булгаков прочно связывал его возникновение с просветительской идеологией XVIII в., проявляющейся в классической политической экономии, с одной стороны — через веру в предустановленную естественную гармонию, а с другой — через взгляд на общество как совокупность атомизированных, взаимно отталкивающихся представителей различных интересов.

---

¹⁹ *Лейбниц Г.В.* Соч. в 4 т. М., 1982–1984; *Локк Дж.* Избр. филос. произв. М., 1960. Т. 1–2.

²⁰ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962; *Антонов В.С.* Модель человека в буржуазной политической экономии от Смита до Маршалла // *Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли.* М., 1989. Вып. 1.

²¹ *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1994.

Таким образом, резюмировал философ, сложилось доминирующее в классической политической экономии представление о человеке, «который не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками»²².

Любая хозяйственная система есть механизм. Но, оговаривается С.Н. Булгаков, она «не есть и никогда не может быть только механизмом, как и личность не есть только счетная линейка интересов, а живое творческое начало. Хозяйство ведет хозяин»²³. Булгаковская оговорка существенно опережала экономическую теорию своего времени. По существу она закладывала основания для формирования новой методологии, совмещающей феномены законов и ценностей в сфере экономики²⁴.

Современный израильский психолог Д. Канеман опроверг базовое для экономического дискурса смитовской модели представление о рациональности поведения человека. Для большинства людей поведенческие мотивы формируются не только расчетом собственной выгоды, но и эмоциями, различными фобиями, воспоминаниями, предрассудками и стереотипами. Расчетной логике абстрактного экономического человека противостоит эвристическая модель принятия решений. Значимость выводов Д. Канемана подчеркивает присуждение ему Нобелевской премии по экономике, что, вместе с тем, означает признание на высшем научном уровне несостоятельности модели «экономического человека»²⁵. Однако для ортодоксальной теории, на позициях которой стоят сейчас главным образом сторонники неолиберального направления, сохраняют свою актуальность положения экономической детерминированности. Так, лауреат Нобелевской премии Г. Беккер пишет о возможности сведения психологических факторов к измерению и оценкам через призму материальной выгоды человека («экономический бихевиоризм»)²⁶.

---

²² Русское хозяйство. М., 2006.

²³ Там же.

²⁴ Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. СПб., 1900; Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990; Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997.

²⁵ Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков, 2005.

²⁶ Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход (избранные труды по экономической теории). М., 2003.

Сконструированный А. Смитом, и особенно И. Бентамом, образ «экономического человека» как «потребителя-гедониста» прямо противоречит логике развития экономики²⁷. Максимизация потребления не обеспечивает развитости. Она достигается как раз прямо противоположным способом. Предприниматель ориентирован не на потребление, а на капиталовложения, инвестирование будущего. Неслучайно возмущенный утилитаризмом И. Бентама К. Маркс охарактеризовал английского философа как «гения буржуазной глупости»²⁸.

В мировом экономическом развитии прослеживается зависимость темпов роста экономики от доли в ВВП личного потребления. Для иллюстрации этой связи целесообразно взять экономически и культурно сопоставимые страны. Так, наивысшие темпы роста среди государств Европейского союза с большим отрывом демонстрировали в 1990-е гг. Ирландия и Люксембург. Но именно эти две страны занимали последние места в ЕС по доле расходов в ВВП, идущих на цели личного потребления. Обратная зависимость указанных показателей прослеживается в целом и по другим европейским экономикам²⁹.

Именно так, за счет приоритетности вложений в будущее, развивается Китай. Высокие темпы роста китайского ВВП находят свое логическое объяснение при сопоставлении показателя личного потребления граждан в процентах от внутреннего валового продукта. В КНР удельный вес личного потребления составляет лишь 38%. Остальные средства вкладываются в дальнейшее развитие. Для сравнения: в США удельный вес личного потребления от ВВП почти вдвое больше — 64%. Если американцы предпочитают потреблять в настоящем, то китайцы ориентируются на инвестирование будущего.

Кластерный анализ позволяет установить связь динамики экономического роста с минимизацией индивидуального потребления (рис. 2.1.8)³⁰.

---

²⁷ Jeremy Bentham's economic writings. L., 1952. Vol. 1.

²⁸ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 23.

²⁹ Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. М., 2004.

³⁰ <<http://www.stainfo.biz>>.

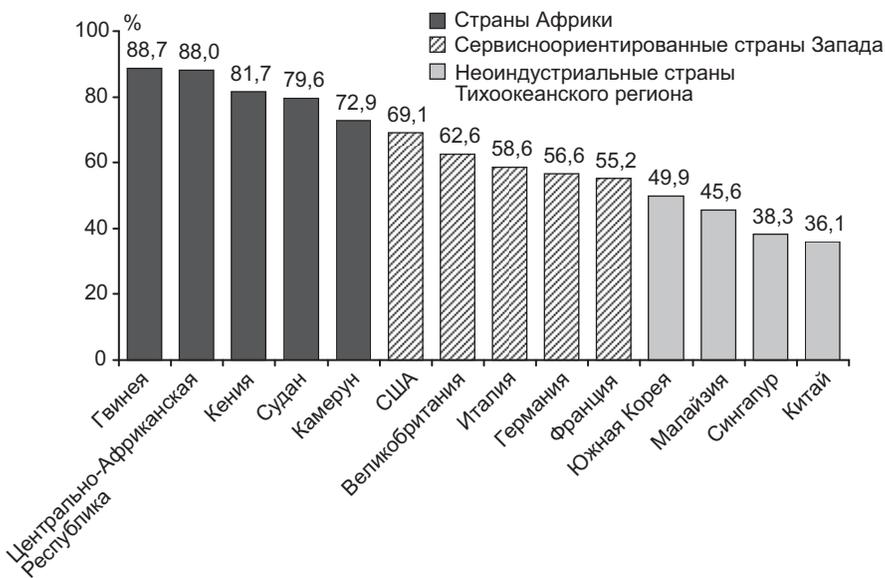

Рис. 2.1.8. Отношение расходов на конечное потребление (домашних хозяйств) к ВВП (2007 г.)

Для сравнения были взяты три группы стран: тихоокеанские неоиндустриалы (высокие темпы роста), сервисный Запад (сравнительно невысокая динамика, фактически стагнация), республики Экваториальной и Тропической Африки (инфраструктурная деградация). Наименьший удельный вес личного потребления — в развивающихся неоиндустриальных государствах Восточно-Тихоокеанского региона — «новых азиатских тиграх». Страны «золотого миллиарда» потребляют в процентном отношении к ВВП значительно больше. Но они уступают по основным показателям азиатским экономикам. Восток сокращает свое отставание от Запада. Еще 60 лет назад все было иначе. Запад уходил в казавшийся непреодолимым отрыв от Востока.

В чем причины произошедшей инверсии? Не заключаются ли они в ценностной переориентации западного человека от инвестирования будущего к неограниченному потреблению в настоящем?

О том, что культ потребительства является сегодня не катализатором развития, а сдерживающим его фактором, свидетельствует

кластер африканских государств. В большинстве стран Экваториальной и Тропической Африки удельный вес личного потребления в ВВП еще выше, чем на Западе. Что же до темпов экономического роста, то они худшие среди трех рассматриваемых групп государств. Имеющиеся материальные ресурсы тривиально «проедаются». Стратегии завтрашнего дня фактически не существует.

Модель максимизации потребительства оказывается неэффективной. Этот вывод противоречит логике, связывающей перспективы развития исключительно с перманентным разогревом потребностей. Максима «хочу потреблять» действительно может поначалу быть катализатором производственной активности. Однако уже в среднесрочной перспективе она обречена на провал. Потребление в настоящем крадет ресурсы у будущего. С позиций долгосрочности для обеспечения развития актуализируется иная максима — ограничения потребностей. Интересно отметить, как на своем языке, но абсолютно прозорливо, говорили об этом русские предки, акцентируя в своих культурно-религиозных кодах нестяжательство.

Концепт о предопределенности установления и универсальности модели потребительского общества обнаруживает, таким образом, свою несостоятельность. Не проходит он верификации и при выборе динамики потребительских запросов в относительном выражении к объемам внутреннего валового продукта. За последние 10 лет подавляющее большинство стран «Большой двадцатки» снизили показатели удельного веса личного потребления.

В прямо противоположном направлении к остальному миру развивается американское общество. Потребительский бум, приведший к экономическому обвалу — кризису, есть прежде всего характеристика США. Мир оказался заложником американского образа жизни (рис. 2.1.9)³¹.

Сервисный человек есть, таким образом, антропологическая утопия. Утопия, не возвышающая образ человека, а примитивизирующая его в качестве банального потребителя благ. «Человек экономический», «человек социальный», «человек политический», «человек религиозный», наконец, «человек сервисный» — все эти искусственные конструкты не имеют достаточно адекватного отношения к действительности. Человек внутренне един в своих мотивах и помыслах (рис. 2.1.10).

---

³¹ <<http://www.stainfo.biz>>.

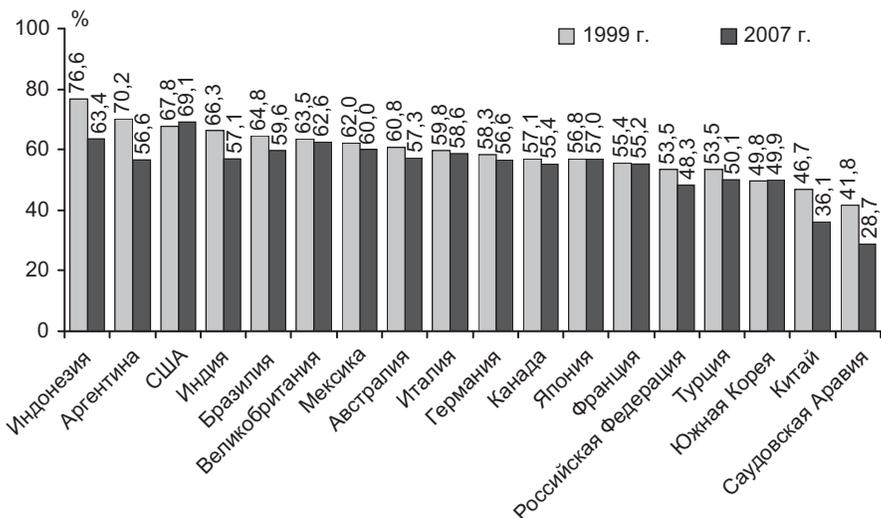

Рис. 2.1.9. Динамика отношения расходов на конечное потребление (домашних хозяйств) к ВВП

Рис. 2.1.10. Дезинтеграционные антропологические модели.
Но человек сложен и един

Нет также и особой «сервисной реальности» как некоего продукта постмодерна³². Деструкции человека следует противопоставить сегодня новую сборку человеческой личности.

³² Шелудько Г.В. Сервисная реальность: онтология, отражение в социальном сознании, сервелогия праздничности и повседневности. Ростов-на-Дону, 2007; Шелудько Г.В. Специфика сервисной реальности. М., 2006.

Феномен потребительства и аксиологические основания кризиса

Каждая культура в своем генезисе начинается с манифестации — что есть человек. Отсюда исторически формировались различные культурно-антропологические типы. Одним из важнейших является вопрос о соотношении между полюсами материального потребительства и нестяжательства. Теория постиндустриализма как «сервисного общества» основывается на постулате о предопределенности роста материальных потребностей. Мотив потребительства действительно, казалось бы, охватил почти весь мир. Вопрос в другом — в степени универсальности доминанты потребительского роста. Уже античные времена представляют наглядную иллюстрацию вариативности выбора. Если в Афинах была реализована модель стимулирования индивидуализации потребностей, то в Спарте — их жесткого ограничения. Основным принцип законов Ликурга состоял в недопущении роскоши³³.

Пелопонесская война стала своеобразным историческим экспериментом противоборства потребительно ориентированных Афин и нестяжательно ориентированной Спарты. Все преимущества, как поначалу казалось, были на афинской стороне — инфраструктурно развитая экономика, значительные финансовые ресурсы, высокий уровень доходов населения. Все, кроме одного обстоятельства, — неготовности граждан ради общего полисного дела ограничить свои потребности. Итог противостояния общеизвестен — победа бедных спартанцев над богатыми афинянами³⁴. Такого рода примеры не единичны.

Нежелание ограничить потребительские запросы в чрезвычайной ситуации кризиса, войны не единожды приводило к государственной катастрофе — вплоть до утраты национального суверенитета. Напротив, при наличии механизмов сдерживания и ограничения индивидуальных потребностей народ находил в себе силы не только для преодоления кризисной ситуации, но и для организации исторического прорыва. Точка оптимума управленческого парадигмального и, одновременно, конкретного выбора на оптимизационной шкале, простирающейся от полюса

³³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1961.

³⁴ Фукидид. История. М., 1993.

неограниченного потребительства до полюса абсолютной аскезы, может быть, таким образом, выбрана различной. Нестяжательский ориентир исторически выступал как важный цивилизационно образующий принцип. Без идеи христианской аскезы европейская цивилизация не могла бы состояться. Аскетизм для монашествующих и умеренность потребления («золотая середина», чувство меры) для остального населения — на этой, освященной традиционными религиями, этической парадигме формировались исторически все цивилизационные модели. Все... за единственным исключением.

Это исключение представляет современная, структурируемая вокруг атлантистского Запада глоболизируемая цивилизация. Предложенная ею модель — путь устойчивого экономического роста. Любой сбой повышательной динамики для нее есть кризис. Соответственно, для того чтобы рост экономики был непрерывным, должны опережающими темпами расти и потребности. Для этого они искусственно разогреваются посредством рекламы, СМИ, потребительского кредитования. Тип человека-потребителя является, таким образом, результатом целенаправленного пропагандистского манипулирования.

Соответственно, при утверждении иной (нравственной, а не потребительской) модели экономики этот антропологический образ может быть изменен. Современный экономический кризис есть в мировоззренческо-ценностном отношении провал доктрины неограниченного потребительства. Провалилась прежде всего модель «сервисного человека». Декларируемый сторонниками постиндустриализма тренд роста и индивидуализации потребностей сменил знак с плюса на минус. Из оптимистической версии универсального прогресса он превратился едва ли не в тупиковый путь.

Но все это уже было. Анализ исторического опыта гибели мировых цивилизаций позволяет обнаружить достаточно устойчивую, повторяющуюся модель цивилизационных катастроф. Всякий раз им предшествовал процесс аксиологической эрозии, одним из неперенных проявлений которого оказывалась девальвация ценности нестяжательства, приоритета духовных ценностей над материальными. Общество охватывал синдром безудержного потребительства. В итоге, социальные связи распались и цивилизация гибла.

Расширение спектра потребностей и их индивидуализация — характерные черты Древнего Рима периода упадка. Потребление росло и росло, продуцируя череду социальных, политических и экономических кризисов. В итоге, римская государственность рухнула. Выстраиваемая на обломках империи христианская цивилизация возвращалась к ценностям аскезы и нестяжательства. Не повторяет ли сегодня человечество, прежде всего западный мир, сценарий римского саморазложения? Многие признаки такого рода аналогии — налицо³⁵.

Сервисизация связывается в теории постиндустриального общества с возрастанием роли человеческого фактора и информационных технологий, что в общем случае прогрессивно и стабильно. (В последующем будет проверена справедливость данного утверждения применительно к экономическим процессам.) В отношении же мировоззренческо-аксиологических оснований речь должна скорее идти не о возрастании роли человеческого фактора, а о девальвации традиционных ценностей и прежде всего ценности труда.

В первую очередь эта девальвация ценности труда коснулась стран «золотого миллиарда». Современный Запад пережил цивилизационную инверсию. Протестантская трудовая этика в менталитете западного человека в значительной степени выхолостилась. Этический императив труда вытеснила мораль потребительства. Такого рода инверсионные трансформации трудовой этики выступали в мировой истории индикатором заката цивилизаций.

Цивилизационный надлом Запада пришелся на 1960-е гг. Именно тогда протестантская аксиология каждодневного стоического труда замещается культом развлечений, кальвинистская бережливость — парадигмой жизни сегодняшним днем. Произошедшие изменения не замедлили сказаться на мировых макроэкономических показателях. Если ранее динамика развития экономики Запада была значительно выше, чем в любых других (за исключением СССР) хозяйственно-культурных сообществах и этот разрыв устойчиво в течение длительного периода возрастал, то теперь дистанция стала стремительно сокращаться.

---

³⁵ *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2 т. М., 2001.

Точное хронологическое совпадение ментальной трансформации со сменой мирового тренда геоэкономического распределения сил не могло быть случайным. Оно доказывает существование прямой факторной зависимости между сохранением национальной ценностной традиции и экономическим динамизмом. До тех пор, пока Запад существовал в соответствии с парадигмой христианской цивилизации (в ее протестантской модификации), для него были характерны опережающие в мировом отношении темпы развития экономики. Но как только произошел разрыв с базовыми цивилизационными ценностями, наметилась тенденция относительного упадка³⁶. Новая модель сервисного развития как формы неограниченного, неэквивалентного трудовым затратам потребления есть симптом надвигающейся глобальной катастрофы. Современный кризис есть только первое предупреждение (рис. 2.1.11).

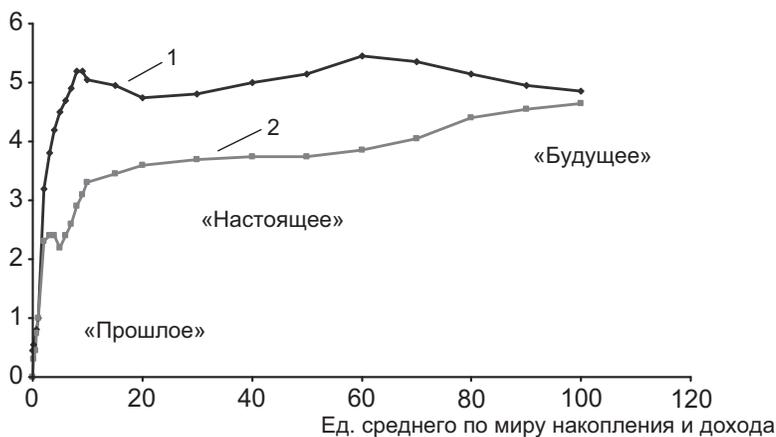

Рис. 2.1.11. Соотношение усредненной по миру функции спроса в зависимости от накоплений (1) и от дохода (2)³⁷

На рис. 2.1.11 можно видеть, как потребление отрывается от доходов. Причем нестяжание как норма поведения присутствует и при низких уровнях доходов, и при существенно высоких. Если соотнести средние уровни доходов с динамикой их возрастания на временной исторической оси для мира в целом, то это

³⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

³⁷ Авторские данные.

означает, что в историческом прошлом и в историческом будущем потребительская культура и поведенческие мотивации отличались и будут отличаться от навязываемых в современности. Сегодняшняя западная потребительская парадигма исторически обречена. Цивилизационное осмысление феноменов глобального исторического развития позволяет выявить глубинные истоки современного кризиса, находящиеся за рамками абстрактной модели homo economicus. Традиционные религии исторически вырабатывали мудрые и эффективные оптимизационные механизмы самосохранения народов. Они выражались в виде заповедей и предписаний, адресуемых различным сферам человеческого бытия, включая и экономическую деятельность. Одним из такого рода традиционалистских нормативов являлся запрет ростовщичества. Спекуляция трактовалась как нравственная аномалия. Существовало понимание деструктивных последствий развития ростовщических отношений. Современная цивилизация легализовала считавшиеся прежде греховными виды рентной финансовой деятельности.

Сформировавшаяся на этой основе виртуальная экономика отражает тенденцию нравственной деградации. Постмодерн попытался упразднить заповедь о труде. На почве виртуализации экономики формируется феномен трудовой имитации. Причем именно страны-имитаторы оказались в современном мире наиболее преуспевающими в социально-материальном плане. Нет сомнения в том, что это явление имеет временные ограничители. Жить в долг бесконечно продолжительное время невозможно. Рано или поздно по долгам приходится платить. Долговая экономика живет настоящим за счет будущего³⁸. В этом отношении она бесперспективна. Ровно так же, как если принимать на веру концепт стадияльной универсальности постиндустриализма, легко попасть в логическую ловушку.

Вот она: предположим, что все страны мира доводят, по образцу США, долю сервиса до 80–90%. Все торгуют на биржах, спекулируют и живут на ренту. Тогда откуда будут братья материальные блага? Логический тупик доказывает: концепт постиндустриализма во вненаучном своем воплощении и эксплуатации

---

³⁸ Подробнее см. раздел 3.1. Идеология постиндустриализма как политическая легализация неокOLONИализма.

есть скорее всего информационная операция прикрытия существующего паразитизма части мира на остальном мире. Это есть форма неокOLONиализма, если говорить о странах-субъектах.

Спасение человечества как воспроизводящейся сущности заключается в смене цивилизационной парадигмы, возвращении к определенным элементам традиции как выражению установки на самосохранение. И надежда — именно на это прозрение. По существу, человечество, войдя в фазу кризиса, оказалось на развилке. Один путь — неограниченного потребительского роста — ведет к обрыву, второй путь — ценностной регуляции — оставляет шанс на спасение.

Таким образом выясняется, что описываемая в рамках «теории» постиндустриального общества модель социума идеомифологична и целенаправленно манипулятивна. Она в определенной части своей когнитивной функции выступает как инструмент информационного воздействия. Используя его, формулируются ложные стратегемы развития, оказывающиеся на деле «стратегическими ловушками» для стран незападного ареала.

2.2. Реалии индустриализма: выпуск и занятость в промышленности и сельском хозяйстве

Как было предложено в вводной главе, ответ на вопрос «индустриальное или постиндустриальное конкретное общество или экономика?» можно искать, анализируя выпуск и занятость в производственных и непроизводственных секторах.

Новая геоэкономическая реальность

Характерная для XX столетия мировая конфигурация «промышленный Север — сельскохозяйственный Юг» ушла в прошлое. Наметилась тенденция перемещения основных индустриальных центров в страны Азии и Латинской Америки. Произошедшая трансформация была обусловлена рядом исторических факторов. Во-первых, в связи с экономической катастрофой на советском пространстве разрушилось единое технологическое пространство Севера. К началу 1990-х гг. РСФСР занимала первое место в мире по доле промышленного производства в валовом

мировом промышленном производстве (СССР был вторым после Германии). К 2011 г. Россия находилась по этому показателю уже на 14-м месте³⁹. Во-вторых, была создана соответствующая инфраструктура и накоплен квалификационный потенциал для запуска индустриальных технологий в ряде развивающихся стран. Успехи на международных научных олимпиадах азиатских школьников (где первые места занимают представители Китая, Индии, Южной Кореи) демонстрируют как минимум кадровую готовность соответствующих государств к развитию промышленного производства. В-третьих, получает развитие политика вывода производственных структур западных промышленных корпораций с территории своих стран. Дешевизна рабочей силы в Азии и Латинской Америке в сравнении со странами Запада определила реальные выгоды такого перемещения. В-четвертых, распространение потребительской морали привело к выхолащиванию трудовой этики западного человека, формированию представлений о непрестижности труда рабочего в сравнении с «офисными» видами профессиональной деятельности. Возникла ментальная установка — переложить функции индустриального производства на плечи «цветного» населения либо внутри страны (мигранты), либо за ее пределами.

Эпоха однозначного хозяйственного доминирования Запада фактически завершилась. Современный Запад пережил цивилизационную инверсию. Протестантская трудовая этика в ментальности западного человека в значительной степени выхолостилась. Этический императив труда вытеснила мораль потребительства. Характерно, что некоторая динамизация западной экономики в 1980-е гг. («рейганомика», «тэтчеризм») совпала с умеренно консервативной коррекцией культа потребления, реабилитацией традиционных добродетелей протестантской культуры. Запад во главе с США еще остается безусловным экономическим лидером. Но шансы его на сохранение существующей роли при девальвации национальных ценностных традиций труда в долгосрочной перспективе представляются довольно призрачными. Особенно с учетом паразитического характера источника американского

---

³⁹ Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Мир в цифрах — 2009 / Пер. с англ. Н. Кононовой. М., 2009.

преуспеяния в виде деятельности ФРС. На снижение значения западной цивилизации в мировом объеме валового производства обращал внимание еще С. Хантингтон (рис. 2.2.1)⁴⁰.

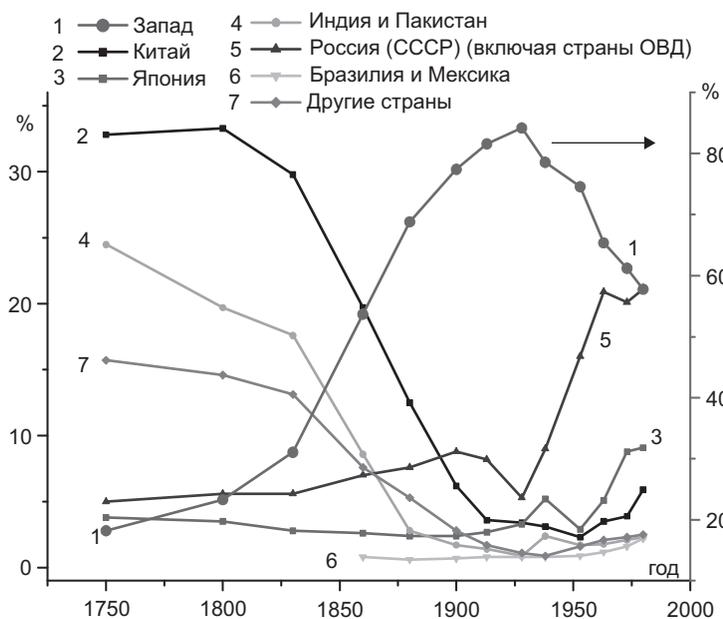

Рис. 2.2.1. Доля цивилизаций или стран в выпуске продукции обрабатывающей промышленности, 1750–1980 гг. (по С. Хантингтону)

Особенно наглядно происходящий экономический надлом Запада выглядит на фоне развития экономики Азии (рис. 2.2.2)⁴¹.

В 1820 г. на долю мир-экономики западного сообщества (США, Европа, Австралия, Канада) приходилось 25% мирового национального продукта, тогда как на Азию — 58%. К середине XX в. пропорции статистической конъюнктуры в мире стали прямо противоположны. Запад давал 56% мирового дохода, в то время

⁴⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

⁴¹ Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст // Восток — Запад — Россия. М., 2002; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995; Radelet S., Sachs J. Asia's Reemergence // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 6.

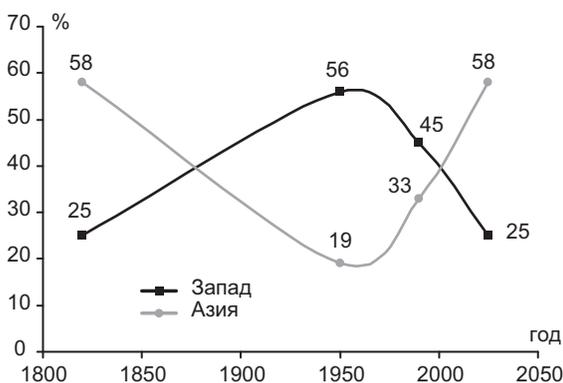

Рис. 2.2.2. Доля западного и азиатского миров в общем объеме мирового производства

как Азия — только 19%. Однако после этого распределение производства в мире изменилось.

Начало процесса субъектного перераспределения в геоэкономике было связано с бурным технологическим развитием Японии, фактически догнавшей США по показателю душевого дохода. На следующем этапе утраты Западом экономической гегемонии сформировалась группа стран азиатских неоиндустриалов. Очередной вехой процесса стало существенное повышение душевого дохода населения среди арабских нефтеэкспортеров, достигших данного роста посредством перераспределения нефтяной ренты. К началу 1990-х гг. доля Азии в мировом национальном доходе составляла уже 33%, а Запада — 45%.

Согласно сделанным в 1997 г., уже после начала «азиатского кризиса», прогнозам Института международного развития Гарвардского университета, по истечении первой четверти XXI в. на Азию будет приходиться 55–60% общемирового валового национального продукта, тогда как на Запад — 20–30%⁴².

Особая роль в геоэкономике будущего отводится Китаю и Индии (рис. 2.2.3). Судя по динамике роста ВВП, это уже было впол-

⁴² Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст // Восток — Запад — Россия. М., 2002; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995; Radelet S., Sachs J. Asia's Reemergence // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 6.

не очевидно в 1990-е гг., т. е. в то самое время, когда российские реформаторы перенимали менее эффективную в современных условиях модель экономического управления Запада. Причем темпы роста обеих азиатских экономик с начала предпринятого ими рывка с течением времени не снижаются, что говорит о стратегической долгосрочности их модернизационного прорыва.

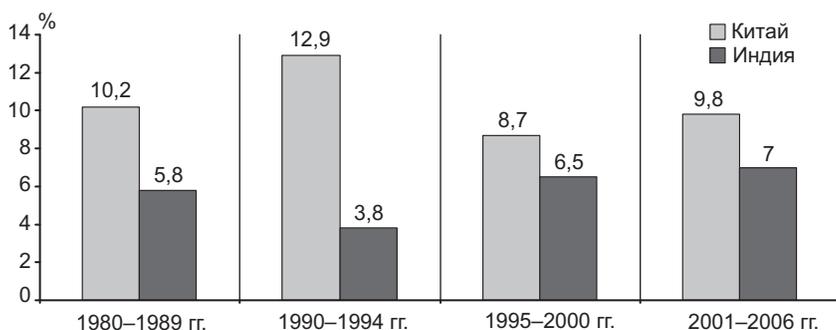

Рис. 2.2.3. Динамика среднего ежегодного роста ВВП в Китае и Индии за последние 20 лет XX века

По оценке многих исследователей, уже в ближайшее десятилетие Китай по абсолютным показателям ВВП сравняется с Соединенными Штатами. Индия за тот же временной интервал фактически догонит Японию. Согласно экспертному заключению специалистов ЦРУ, Китай, достигнув к 2020 г. размера ВВП в 20 трлн долл., превзойдет совокупный объем доходов США (13,5 трлн долл.) и Японии (5,1 трлн долл.)⁴³.

⁴³ Гельбрас В., Кузнецова В. КНР: год суровых испытаний // Мировая экономика и международные отношения. М., 2000. № 8; Богомолов О., Кондрашова Л. Секреты китайской экономической кухни // НГ — Политэкономия. М., 1999. № 1; Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст // Восток — Запад — Россия. М., 2002; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995; Radelet S., Sachs J. Asia's Reemergence // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 6; Lommen Y.E.,

Могут возразить, что азиатский экономический прорыв имеет под собой исключительно демографические основания — сохраняющуюся на Востоке высокую репродуктивность на фоне депопуляции западных сообществ. В действительности, доля Азии в распределении рабочей силы в мире хотя и возросла, но не настолько, чтобы быть решающим фактором обозначенного тренда. Ее рост, составивший 3,8%, явно отставал от роста азиатских объемов производства в мировой экономике. Следовательно, экономический прорыв Азии имеет в своей основе не увеличение численности рабочей силы, а интенсификацию труда⁴⁴. Об этом свидетельствуют пропорции развитости ведущих азиатских геосубъектов — Китая и Индии, взятые по отношению к экономике США не в абсолютных величинах, а в среднелюдовых показателях (рис. 2.2.4)⁴⁵.

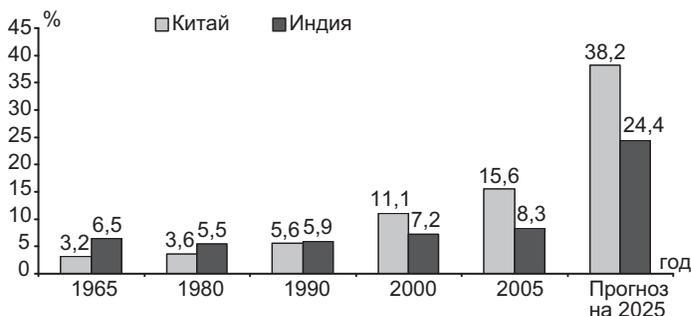

Рис. 2.2.4. ВВП на душу населения в Китае и Индии по отношению к ВВП на душу в США

Апелляция при выработке в России стратегий реформ к экономической системе Запада, таким образом, не соответствует существующим историческим тенденциям. За эталон берется исторически отживающаяся модель, уступающая место новому подходу в экономике. Специфика этого подхода определяется со-

Tonchev P. China in East Asia: From Isolation to a Regional Superpower Status. Athens, 1998; Россия и страны мира. 2008. М., 2008.

⁴⁴ Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003.

⁴⁵ Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2007.

четанием инновационных технологий с фактором национальной идентичности. Хозяйственная система новых геоэкономических субъектов базируется на принципиально иной, по отношению к неолиберальной платформе, основе. Характерными чертами выдвинутой Востоком экономической альтернативы являются госпатернализм, национальные традиции, общинный корпоративизм, мобилизующая роль государства.

Успехи современного Китая есть яркое свидетельство в пользу эффективности экономических моделей, коррелирующих с цивилизационной парадигмой мир-экономик. Маоистский левый радикализм являлся отступлением от традиционного китайского пути. Таким же спорадическим отклонением от конфуцианско-даосского пути развития Китая была эпоха легистских императоров (именно к наследию Цинь Ши Хуана, как известно, часто апеллировал Мао). Реформы 1980-х гг. ознаменовали возвращение Китая, отвергнувшего как левый радикализм, так и копирование западных экономических моделей, к собственной цивилизационной традиции.

Традиционно экономикам стран Востока были присущи доминирующие позиции государства. Вопреки современному либеральному идеомифу о кардинальной экономической реформе в КНР, принципиального разгосударствления там не произошло. В 1994 г. в китайском государственном секторе было занято 18% населения страны, но к концу жизни Мао Цзе Дуна этот показатель находился на том же уровне — 19%. Сравнительно невысокое цифры объясняются численным преобладанием в республике сельскохозяйственного населения. Между тем, на государственных предприятиях Китая трудятся в настоящее время более 2/3 городских рабочих. Доля государственной и различных форм коллективной собственности составляла (по данным на 1997 г.) в общем объеме промышленной продукции 67%. Современный Китай по-прежнему придерживается принципа монополии внешней торговли. В исключительном ведении государства находится торговля сырьевыми и топливными ресурсами. В настоящее время 65–70% внешнеторгового оборота страны приходится на долю госсектора. Оставшаяся часть баланса связана, главным образом, с совместными предприятиями. На частные организации в 1997 г. приходилось лишь 0,3% внешнеторгового оборота

страны. Если уж китайская экономика основывается на этатистских принципах, то применительно к России, явно уступающей своему южному соседу по природно-климатическому благоприятствованию хозяйственной деятельности, проблема этатизации еще более актуальна.

Интегрированность Китая в мировой экономический обмен сильно преувеличена. Несмотря на большие абсолютные цифры внешнего товарооборота, относительно ВВП он не рекордный среди стран мира. Китай не входит даже в двадцатку стран с наибольшим относительным внешнеторговым оборотом. В 2000 г. он составлял 47%, в 2010 г. — 50%. Показательна в этом отношении неудачная попытка ряда западных стран по ограничению китайского импорта в 1989 г. Поток инвестиций в экономику КНР структурирован таким образом, что исключает зависимость от Запада. В 1990-е гг. 72% всех прямых иностранных инвестиций в Китай приходилось на долю «новых индустриалов» (Гонконга, Тайваня и Сингапура), соотносимых с ареалом так называемого «Большого Китая». Доля развитых стран Запада в прямых иностранных инвестициях составляла менее 20% (по сравнению с 1980-ми гг. она сократилась более чем на 10%). Известно, что значительная часть инвестиций из-за рубежа направляется в КНР китайской диаспорой. Таким образом, не имеет оснований полагать, что, начав в 1978 г. экономические реформы, Китай расстался с идеей опоры на собственные силы⁴⁶.

Экономическая модель Индии выглядит как срединный путь развития, исключая крайности индивидуалистского и эгалитаристского полюсов. Такая амбивалентность давала основания советским пропагандистам характеризовать Индию в качестве «страны социалистической ориентации», а американским президентам — говорить о ней как о «самой большой демократии в мире». Стратегия среднего пути соотносится с традиционными индийскими ценностными представлениями и, в частности, с традициями общинного самоуправления «панчайт». К базовым

---

⁴⁶ Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских ученых. СПб, 2000; *Илларионов А.* Секрет китайского экономического «чуда» // Вопросы экономики. М., 1998. № 34; *Самицкий А.* Китайская экономика как субъект глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001; *Лунев С.И.* Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: цивилизационный контекст.

основаниям экономической стратегии Индии относится провозглашенный еще в период борьбы с британскими колонизаторами М. Ганди принцип «свадеши» — опоры на собственные силы. Современный индийский экономический подъем корреспондирует с возрастанием управляющей роли государства. Если в начале 1970-х гг. доля государственных расходов составляла 26% от ВВП страны, то к концу 1980-х гг. — уже 38%. Сообразно с курсом «свадеши» доля Индии в мировом торговом обмене была лишь около 0,6%. В дальнейшем этот показатель даже понизился, антикоррелируя с процессом увеличения индийской составляющей в мировой экономике.

Еще более диссонирует с либеральными стереотипами тот факт, что стремительный экономический подъем Индии осуществлялся фактически при нулевом уровне иностранного инвестирования. Еще в начале 1990-х гг. зарубежные капиталовложения в экономику Индии фактически отсутствовали⁴⁷. Как индийский парадокс может быть оценена ситуация, когда «слабо интегрированная в мировую экономику полузакрытая и непривлекательная для иностранных инвесторов Индия в 1990-е гг. показывала ... высокие и довольно стабильные темпы экономического роста»⁴⁸.

Даже в считающемся наиболее либерализованной страной восточноазиатского региона Тайване западные механизмы организации экономики были отвергнуты. Именно государство явилось основным актором тайваньского экономического чуда, обеспечившего возрастание душевых доходов за полстолетия более чем в 120 раз. Примером государственной регуляции на Тайване может служить опыт директивного поддержания минимальных цен на продажу риса, являющегося основным продуктом потребления местного населения⁴⁹.

Вопреки презентации Японии как страны, доказывающей своим опытом универсализм либерального рынка, в действительности механизмы организации экономики в ней функционируют совершенно в ином управленческом формате. Японское эконо-

---

⁴⁷ Liberalizing India, Progress and Problems. New Delhi, 1996.

⁴⁸ Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: цивилизационный контекст.

⁴⁹ Чанг П.К. Краткое изложение опыта экономического развития Китайской республики на о. Тайвань. М., 1999.

мическое чудо тесно связано с корпоративной моделью хозяйствования, уходящей корнями в феодальную древность. Традиционалистская парадигма модернизации Японии особенно ярко проявляется в системе организации труда концерна, организованного королем электротехнической электронной промышленности страны Рюносукэ Мацусита. Им была разработана идея хозяйствования, ведущими принципами которой провозглашались «сотрудничество, взаимосвязь, радость совместного творчества, оптимизм созидания, социальные гарантии для каждого работника фирмы, сопричастность к производству общественного богатства»⁵⁰. На всех работающих на предприятии распространялось понятие единой семьи — «кадзоку», чья идентичность действовала не только в производственных отношениях, но и в приватной жизни.

Инфраструктура концерна включала не только производственные и административные корпуса, но и жилые здания для персонала, школы, детские сады, больницы, дворцы бракосочетаний (вступающим в брак представителям фирмы выплачивались особые пособия). Именно компания Мацуситы явилась инициатором распространившейся на всю Японию практики исполнения перед началом рабочего дня гимна предприятия, произнесения хором клятвы на верность фирме и т. п.

В диссонансе с западными представлениями о рыночном праве одним из столпов японской хозяйственной системы выступает феномен пожизненного найма. Он основывается на негласном правиле, гарантирующем продвижение по службе и трудовую занятость до наступления пенсионного возраста. Заработная плата в Японии не выполняет функции экономического стимула, она устанавливается как некая усредненная по возрастным группам величина. Изменение заработка по возрастам осуществляется по следующей сетке возрастов: 25–30 лет — некоторый рост зарплаты, с 50 лет — уменьшение. Не принято выплачивать крупные премиальные суммы. Применяются, главным образом, механизмы нематериального стимулирования: благодарность, чествование, публичная похвала и т. п.⁵¹

---

⁵⁰ Хорос В. Японские секреты // Знание — сила. 1991. № 10.

⁵¹ Там же.

Показательно, что Япония вовсе не копировала западные системы мотивации труда. На рис. 2.2.5 видно, как отличается психологическая мотивационная характеристика работников Запада, Японии и России.

Нематериальная мотивация труда в России потенциально самая сильнодействующая, но, в отличие от Японии, престижность труда последовательно и активно снижается. Причем такое ощущение, что на этот тренд работают все российские СМИ и политические ораторы.

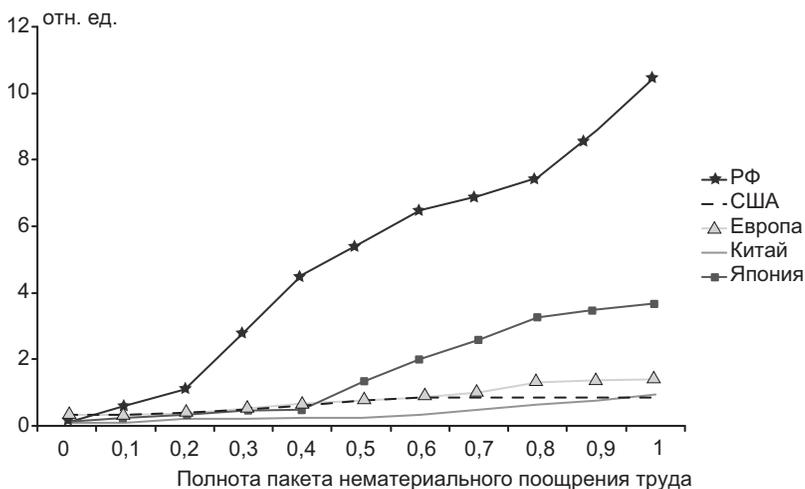

Рис. 2.2.5. Зависимость индивидуальной мотивации на производительный труд в странах мира от уровня развитости пакета нематериального мотивирования

Верификацию концепта о зависимости успешности экономики от фактора цивилизационной идентичности могут предоставить страны, сменившие в краткосрочный период парадигму хозяйственной организации. Если при переходе от одного типа модернизации к другому наблюдается принципиальное изменение экономических показателей, то это может рассматриваться как указание на предпочтительность той или иной модели. Наиболее кардинальным переходом такого рода за последнюю треть прошедшего столетия явилась иранская исламская революция.

Несмотря на то, что при шахском режиме Реза Пехлеви Иран позиционировался как «витрина» успехов западной модернизации и действительно имел неплохую статистику по макроэкономическим показателям, он предстал к 1979 г. государством экономически и социально разбалансированным. Напротив, вернувшаяся на путь цивилизационной традиции Исламская республика вопреки войне и экономической блокаде сумела добиться всестороннего комплексного развития по показателям как экономики, так и социального обеспечения⁵². После завершения военного противостояния с Ираком иранская экономика предстает самой динамично развивающейся в плане роста показателей ВВП хозяйственной системой мира. Динамика развития Ирана оказалась даже более значительной, чем у «тихоокеанских тигров». Но об иранском «экономическом чуде» в современных либеральных СМИ не принято распространяться. Иранские успехи иллюстрирует рис. 2.2.6, на котором показатели валового внутреннего продукта Ирана сравниваются с показателями наиболее динамично развивающихся стран, представляющих различные регионы мира⁵³.

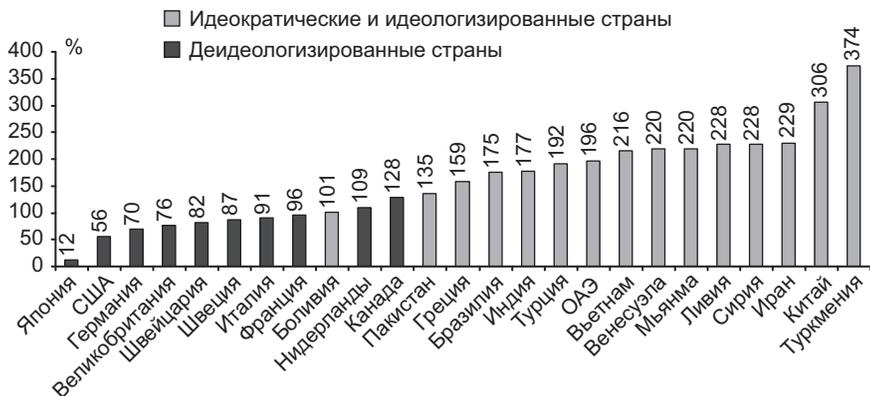

Рис. 2.2.6. Динамика роста ВВП в государствах мира, в% к 1999 г.

⁵² Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: цивилизационный контекст // Восток — Запад — Россия. М., 2002.

⁵³ Мир в цифрах. Статистический сборник. 1992. М., 1992.

Обнародованный в 1996 г. доклад ООН о развитии человеческого потенциала в мире зафиксировал резонансные для западного либерального восприятия успехи теократического Ирана в социально-гуманитарной сфере. В сравнении с шахским периодом, в исламской республике ожидаемая продолжительность жизни возросла с 50 до 67,7 лет, коэффициент младенческой смертности сократился с 169 до 34 смертей (на 1 тыс.), численность населения, обеспеченного доброкачественной водой, увеличилась с 51 до 84%, доля детей с пониженной массой тела снизилась с 43 до 16%, степень грамотности повысилась с 29 до 66%, численный контингент учащихся различных ступеней обучения расширился (по отношению к возрастной группе от 6 до 23 лет) с 45 до 61%. На нужды образования в Иране, преподносимом иногда в качестве страны средневекового мракобесия, расходуется 4,6% от ВВП. Это столько же, сколько в Японии, и больше, чем в России и ряде благополучных стран Запада — таких как Чехия или Люксембург.

Показательно выглядит сравнение динамики экономического развития России с другими крупными в пространственном отношении странами, не относящимися к западной цивилизации. В настоящее время в литературе выделяется «шестерка» такого рода государств, сопоставимых по условиям экономического развития и характеризующихся в качестве «полупериферийных» — Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Пакистан. Обладающая значительными людскими ресурсами Нигерия включается в иную категорию — периферийных стран⁵⁴. В отличие от России, все перечисленные государства «шестерки» с той или иной долей успешности и целенаправленности пытаются соотнести стратегию экономического развития с национальной идентичностью. В табл. 2.2.1⁵⁵ раскрывается динамика функционирования экономик указанной группы государств.

---

⁵⁴ Эльянов А.Я. Мировое интегрирующее развитие и крупные полупериферийные страны // Восток — Запад — Россия. М., 2002.

⁵⁵ Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8; Эльянов А.Я. Мировое интегрирующее развитие и крупные полупериферийные страны // Восток — Запад — Россия. М., 2002.

**Динамика экономического развития крупных
полупериферийных государств за вторую половину XX века**

Страна	Рост ВВП (в размах)	Рост объемов с/х производства (в размах)	Рост иностранных инвестиций (в размах)
Бразилия	10	4,4	9,4
Индия	9,5	3,2	14
Индонезия	10,1	3,5	6,3
Китай	17,9	6,6	49
Мексика	11	4,2	34
Пакистан	9,9	6	14

За соответствующий временной интервал ВВП в России, несмотря на его устойчивый рост в советский период, увеличился только в 2,4 раза. Соотношение статистики по росту ВВП и росту объемов сельскохозяйственного производства указывает на преимущественно индустриальное развитие рассматриваемой группы государств. Однако, в отличие от России (где аграрное производство возросло всего в 1,3 раза), им удалось добиться и существенной интенсификации аграрного сектора экономики, выразившейся хотя и в отстающем от промышленной сферы, но все же стремительном росте валового продукта.

Дефицит иностранных инвестиций в экономику РФ является еще одним ее разительным отличием от рассматриваемой группы государств. На фоне преобладающего (за исключением Бразилии) процесса повышения доли национальных экономик «шестерки» в мировом экспорте доля России в нем за последнее двадцатилетие XX в. снизилась в 2,6 раза. Российская экспортная система, начиная с 1970-х гг., устойчиво реструктурировалась в сырьевой тип. В противовес данному тренду экспортная структура в национально ориентированных государствах «шестерки» трансформировалась в прямо противоположном направлении. И это несмотря на то, что сырьевые возможности каждого из них, так же как и России, довольно высоки⁵⁶.

⁵⁶ Эльянов А.Я. Мировое интегрирующее развитие и крупные полупериферийные страны // Восток — Запад — Россия. М., 2002.

Кластерный анализ позволяет утверждать, что наивысшие темпы экономического роста демонстрируют сегодня государства идеократического типа (см. рис. 2.2.6)⁵⁷. Это прямо противоречит стереотипу неолиберальной теории об имманентной экономической неуспешности идеологизированных стран. Идеология дает целевой ориентир и выступает деятельностным трудовым мотиватором. В то время, когда Запад выступал носителем цивилизационно-идентичного идеологического проекта (проектов), темпы роста экономик западных стран были устойчиво высокие. Деидеологизация Запада (не в последнюю очередь связанная со снятием социалистической альтернативы) обернулась утратой им экономической динамики.

Проведенный сопоставительный анализ делает неизбежным вывод об исторической бесперспективности складывающейся в РФ экономической системы и об отсутствии выдвигаемой теорией постиндустриализма универсальности сервисизации. Каждая из крупных периферийных стран есть в хозяйственном отношении особая мир-экономика. Данная характеристика не может быть отнесена к более мелким геэкономическим субъектам, успех которых связан с вхождением в некое уже существующее мир-экономическое цивилизационное поле, а не с обретением собственной экономической парадигмы.

России по самой своей природе нельзя инкорпорироваться (если не рассматривать сценарий ее территориального раздробления) в какую-либо из мировых экономических систем. Ее путь, как и путь других крупных геэкономических субъектов незападного мира, заключается в построении собственной цивилизационно адаптированной модели экономики. Места постиндустриальной структуре экономики в таком концепте не находится.

Тренды промышленного развития: незамеченная неоиндустриализация

Концепция постиндустриализма достаточно часто, во всяком случае в российском общественном дискурсе, используется как теоретическая основа обоснования мировых трендов⁵⁸. Она

---

⁵⁷ Россия и страны мира. 2008. М., 2008.

⁵⁸ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология под ред. В. Инземцева. М., 1999; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004; Красиль-

послужила, в частности, базовым положением в доказательстве необходимости либеральной модернизации России в получившем широкий резонанс докладе либеральных экспертов, близких к руководству страны⁵⁹.

Анализ длинных статистических рядов развития мира по показателям структуры занятости и структуры ВВП позволяет утверждать, что декларируемых трендов постиндустриального развития мира в действительности не существует. Более того, человечество в XXI в., судя по структурной динамике роста в развивающихся наиболее стремительными темпами странах — Китае, Индии, Бразилии, — вступило в фазу неоиндустриализации. Технологический мейнстрим связан прежде всего с расширением ассортимента товаров, а это в свою очередь ведет к повышению динамизма промышленного сектора. Мобильные телефоны, всеобщая компьютеризация, перманентное обновление автомобильного парка, производство бытовой техники — какая уж тут деиндустриализация?

Для иллюстрации постиндустриальных тенденций используется достаточно узкая доказательная база, ограниченная в статистическом отношении, как правило, иллюстрацией динамики занятости в сфере услуг. И действительно, за XX столетие произошла реструктуризация профессионально занятого населения в мире в направлении увеличения доли сервиса. На первый взгляд, теория постиндустриализма подтверждается (рис. 2.2.7)⁶⁰.

Но представление о тренде постиндустриализма складывается в значительной степени из изолированного рассмотрения сектора услуг, вне связи с другими отраслями. Между тем, важно выяснить, за счет чего происходило соответствующее увеличение. Изучение показывает, что никакой деиндустриализации не происходит. Удельный вес занятости в сферах промышленности

щиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2; *Иноземцев В.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000; *Хорос В.Г.* Постиндустриальный мир — ожидания и реальность. М., 2001; *Уэбстер Ф.* Теория информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Варталовой. М., 2004.

⁵⁹ Россия XXI века: образ желаемого завтра. М., 2010.

⁶⁰ *Кузык В.Н., Яковец Ю.В.* Становление интегрального экономического строя — глобальная трансформация XXI века. М., 2008; *Мировая экономика. Глобальные тенденции.* М., 2003.

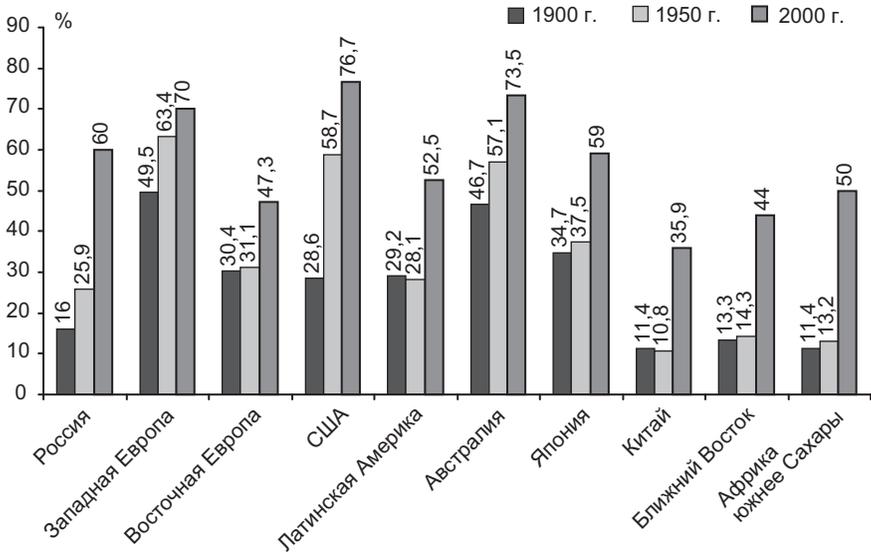

Рис. 2.2.7. Динамика занятости в сфере услуг по цивилизациям

и строительства в мире не только не сокращался, но, напротив, последовательно возрастал. Устойчиво снижалась ввиду действия урбанизационных процессов занятость в сельском хозяйстве. Но это явление иной природы, и, во всяком случае, оно не описывается понятием постиндустриальности (рис. 2.2.8–2.2.9)⁶¹.

Правда, при сужении спектра рассматриваемых стран исключительно ареалом западных государств, постиндустриалистский концепт находит определенные подтверждения. Действительно, занятость в промышленности в странах Запада, в диссонанс с мировой тенденцией, снижалась. Но было ли это деиндустриализацией? Западное промышленное производство не демонтируется, заводы не закрываются, как это случилось при сценарии постсоветского «деиндустриального перехода». Все происходит иначе. Индустриальные инфраструктуры перемещаются в страны второго и третьего эшелонов развитости. Реализуется очевидная неокOLONиальная схема разделения труда. Взамен перешедшего в офис западного человека у станка, как мы уже отмечали, встал малаец или индус. Отсюда падение занятости в промышленно-

⁶¹ Там же.

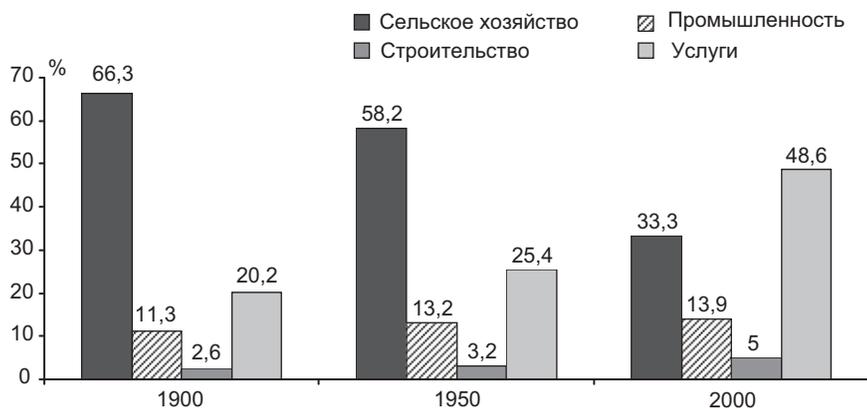

Рис. 2.2.8. Динамика отраслевой структуры занятости в мире

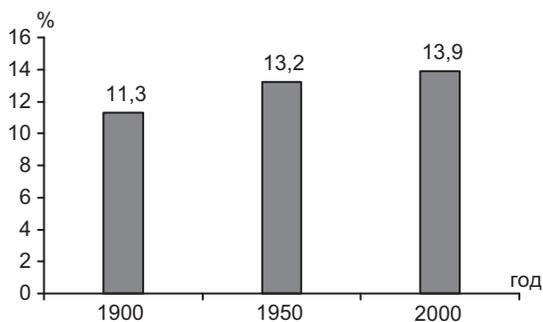

Рис. 2.2.9. Занятость в промышленности (весь мир)

сти на Западе коррелирует с ее подъемом во всем остальном мире (рис. 2.2.10)⁶².

Устойчивый рост удельного веса занятости в промышленном секторе фиксируется в XX столетии по всем не относящимся к Западу цивилизационным ареалам. С повышением доли занятых в индустрии развивались в том числе не включенные в западные неокOLONиальные схемы Япония и Восточная Европа. Единственное исключение на этом фоне представляет территория бывшего

⁶² Кузык В.Н., Яковец Ю.В. Становление интегрального экономического строя — глобальная трансформация XXI века. М., 2008; Мировая экономика. Глобальные тенденции. М., 2003.

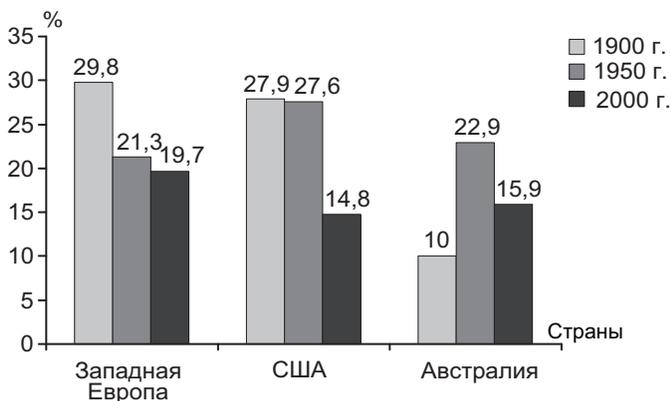

Рис. 2.2.10. Занятость в промышленности (в странах Запада)

СССР, где удельный вес занятости населения в промышленности в постсоветский период изменил динамику в сторону снижения. Данный исключительный пример фактом своей инцидентности указывает скорее на ошибочность политики постсоветских государств, чем на наличие объективных оснований произошедших изменений (рис. 2.2.11)⁶³.

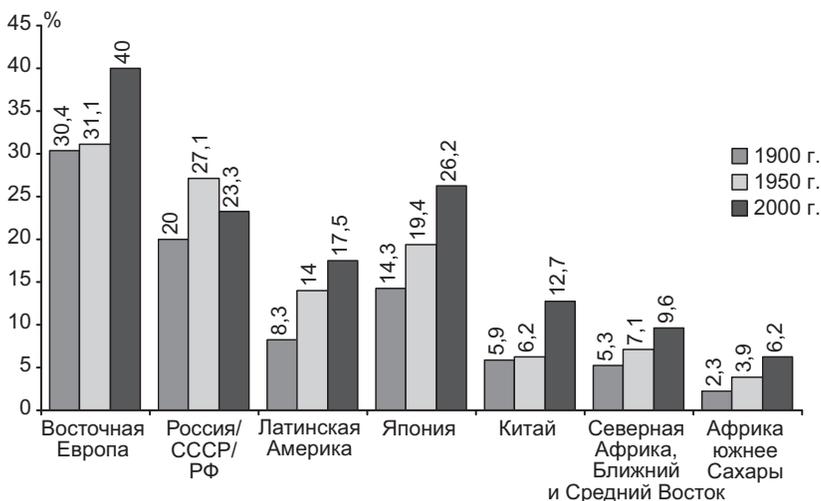

Рис. 2.2.11. Занятость в промышленности (в незападных странах)

⁶³ Там же.

Об аномальности постсоветского этапа развития в истории России свидетельствует рис. 2.2.12.

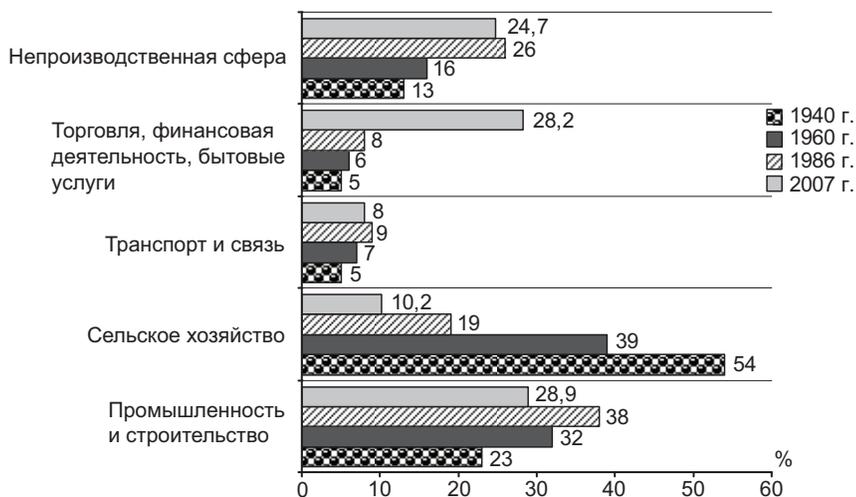

Рис. 2.2.12. Распределение населения по отраслям народного хозяйства

Развитие СССР сопровождалось устойчивым ростом в структуре профессиональной занятости всех, за исключением аграрного сектора, отраслей народного хозяйства. С распадом Советского Союза направленность развития принципиально изменилась. Удельный вес ранее растущих отраслей — промышленности и строительства, транспорта и связи — пошел вниз. За счет них возросла сфера, объединяющая торговлю, финансовую деятельность и бытовые услуги. Стремительность ее превращения в ведущую отраслевую нишу не имеет аналогов в мировой практике. Постсоветская Россия явилась в этом отношении своеобразным экспериментальным полигоном реализации постиндустриальной модели (см. рис. 2.2.12)⁶⁴.

При анализе трендов промышленного производства по доле промышленности в ВВП в мировом и страновом выражении сталкиваются различные системы статистики. Так, статистика Всемирного банка жестко встраивается в схему постиндустриального кон-

⁶⁴ Иоффе Я.А. Мы и планета: Цифры и факты. М., 1988.

цепта⁶⁵. Правда, ее историческая продолжительность недостаточно велика. Иные тренды обнаруживаются при оперировании цифровыми выкладками историков мировой экономики. Поскольку для анализа необходимы длинные и сопоставимые (неразрывные) исторические ряды, для расчетов была взята статистика, почерпнутая в ходе историографии вопроса экономической динамики мира⁶⁶.

Что получилось в результате предпринятой реконструкции? За исключением периода Великой депрессии удельный вес промышленности в валовом внутреннем продукте мира с начала XX в. неуклонно возрастал. На современном этапе этот показатель возрастает еще быстрее.

Таким образом, вопреки прогнозам постиндустриалистов, мир вступает не в постиндустриальную, а в неоиндустриальную фазу развития.

Ответственное государственное управление, очевидно, должно выстраиваться в соответствии с объективным трендом — приоритетностью промышленного производства (рис. 2.2.13)⁶⁷.

Показательно соотношение на длинной временной шкале доли промышленности в валовом внутреннем продукте и в секторальной структуре занятости. Данное соотношение может рассматриваться как индикатор эффективности соответствующей отрасли. Чем больше разрыв между первым и вторым показателями, тем эффективность выше. Для промышленности, в отличие от сферы услуг, этот разрыв последовательно возрастал. Сегодня, в противоречии с постиндустриалистским концептом, именно промышленное производство является наиболее эффективной отраслью экономики (рис. 2.2.14).

---

⁶⁵ Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2009.

⁶⁶ *Maddison A. The World Economy in the 20 Century. Paris, 1989; Mitchell B.R. International Historical Statistics: Europe, 1750–2000. New York, 2003; Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9.*

⁶⁷ *Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Мир в цифрах — 2009 / Пер. с англ. Н. Кононовой. М., 2009; Maddison A. The World Economy in the 20 Century. Paris, 1989; Mitchell B.R. International Historical Statistics: Europe, 1750–2000. New York, 2003; The World. Economy in 1820–1992. Paris, 1995; Kuznets S. Modern Economic Growth. Yale University Press, 1969; Maizels A. Industrial Growth and World Trade. Cambridge University Press, 1963.*

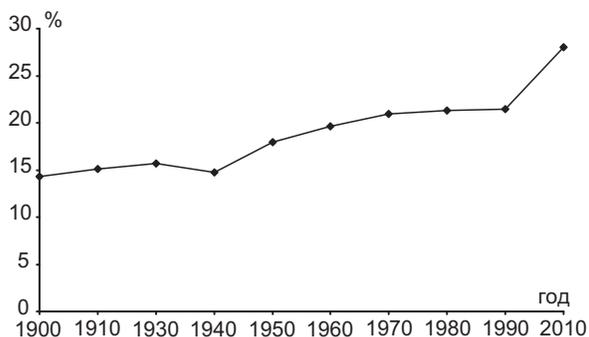

Рис. 2.2.13. Доля промышленности в ВВП мира

Рис. 2.2.14. Сравнение доли промышленности в валовом внутреннем продукте и в секторальной структуре занятости в мире

Известно, какую роль в статистике, особенно при историческом сопоставлении, играет используемая методика расчетов. Зачастую наблюдается кардинальное расхождение количественных показателей, взятых из разных источников. Такие несоответствия, обнаруживаемые, в частности, при сопоставлении данных А. Мэддисона и Всемирного банка, сами служат предметом научного анализа. Чем глубже проникновение в историю, тем выше дисперсия. Авторский выбор в пользу мэддисоновских данных был продиктован безусловной авторитетностью А. Мэддисона

в расчете длинных историко-статистических рядов⁶⁸. Проверить их на предмет достоверности возможно путем соотнесения с аналогичной по временной развертке статистической базой. Такого рода сопоставимый в ретроспективной проекции и широте странового спектра расчет представляет труд Б. Митчелла⁶⁹.

Митчелловские данные дотягиваются в опубликованной литературе до 1990-х гг. Динамика удельного веса промышленности в ВВП у Б. Митчелла совпадает в целом с мэддисоновской кривой. По ряду западных стран на современном этапе действительно фиксируется снижение доли индустриального производства в экономике. Однако это снижение не имело характера парадигмальной трансформации. Доля промышленности снизилась на Западе (причем не во всех странах) приблизительно до уровня 1930-х гг. Диапазон колебаний удельного веса промышленности в ВВП составил несколько процентов (рис. 2.2.15–2.2.19).

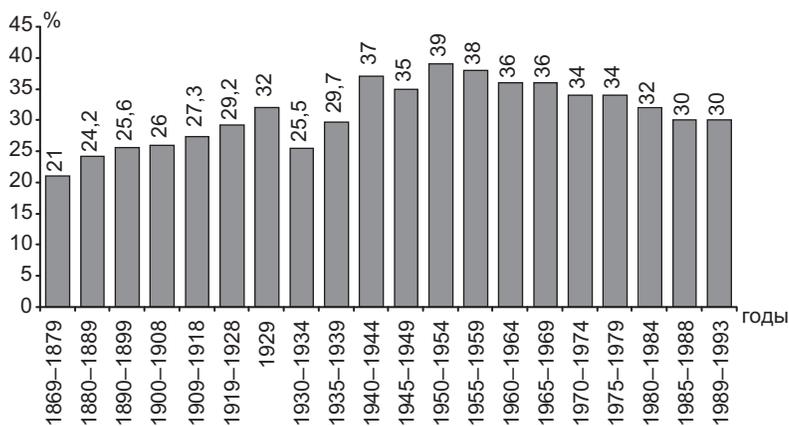

Рис. 2.2.15. Доля промышленного производства в экономике США

⁶⁸ Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development), 2006; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD. 2003; Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Oxford University Press. 2007.

⁶⁹ Mitchell B.R. International historical statistics: Europe, 1750–2000. Basingstoke, England, 2003; Mitchell B.R. International historical statistics: Africa, Asia & Oceania, 1750–2000. Basingstoke, England, 2003; Mitchell B.R. International historical statistics: the Americas, 1750–2000. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, New York, 2003.

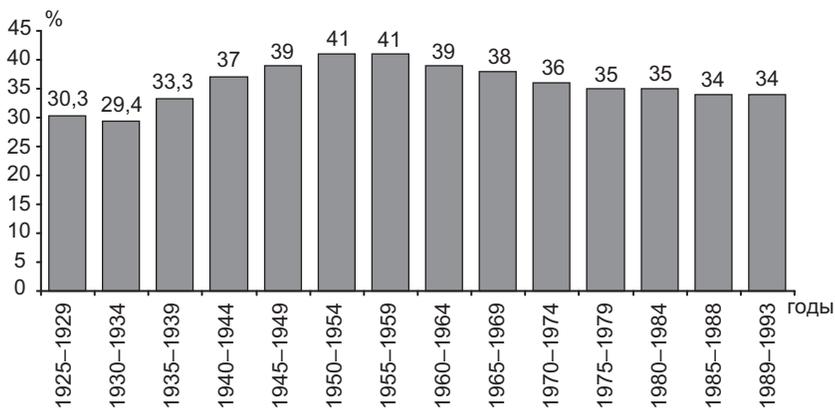

Рис. 2.2.16. Доля промышленного производства в экономике Канады

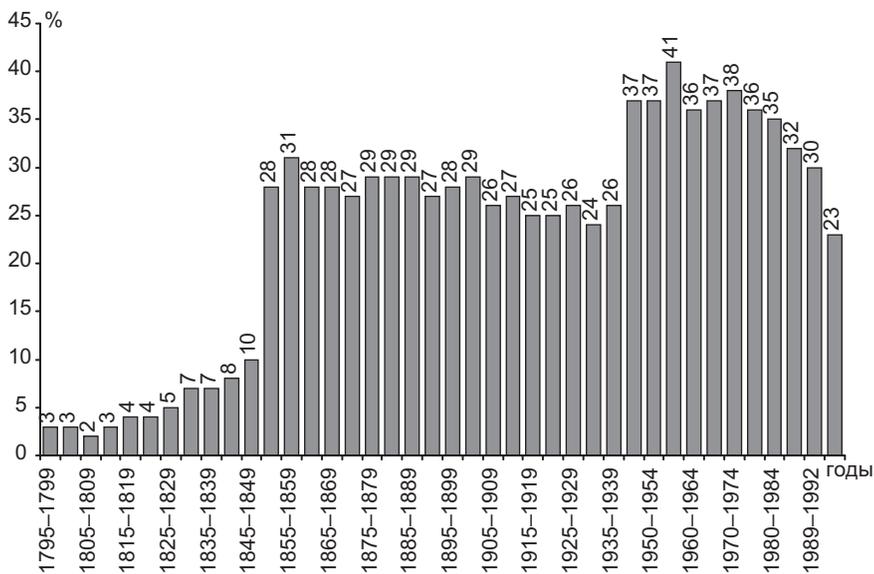

Рис. 2.2.17. Доля промышленного производства в экономике Австралии

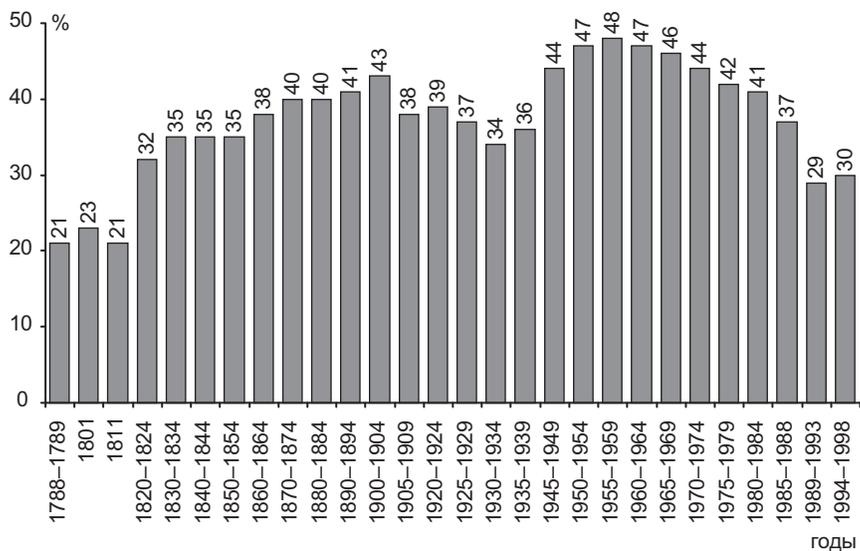

Рис. 2.2.18. Доля промышленного производства в экономике Великобритании

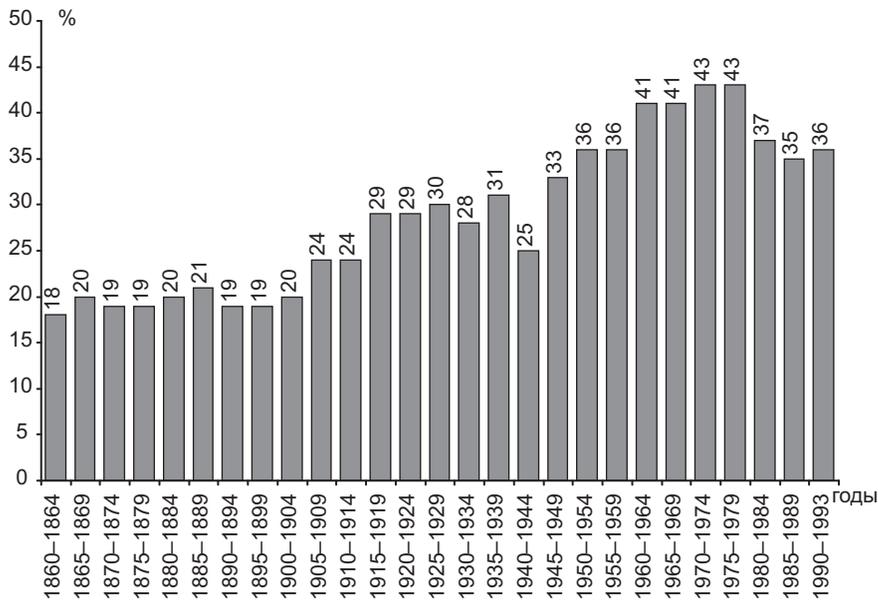

Рис. 2.2.19. Доля промышленного производства в экономике Италии

Что касается иных государств, выходящих за рамки геоэкономического пространства Запада, то в них какого-либо принципиального снижения доли промышленности в валовом внутреннем продукте не наблюдается. В большинстве этих стран, напротив, продолжался рост доли индустриального производства. В некоторых других странах показатели удельного веса промышленности в ВВП стабилизировались. Тезис о деиндустриализации мира не подтверждается (рис. 2.2.20–2.2.33).

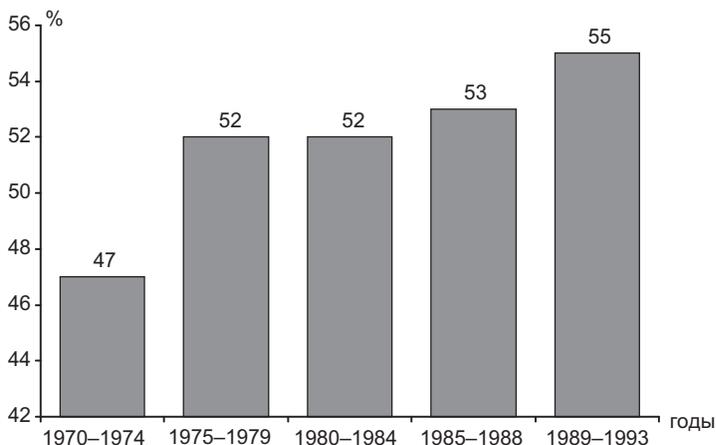

Рис. 2.2.20. Доля промышленного производства в экономике Китая

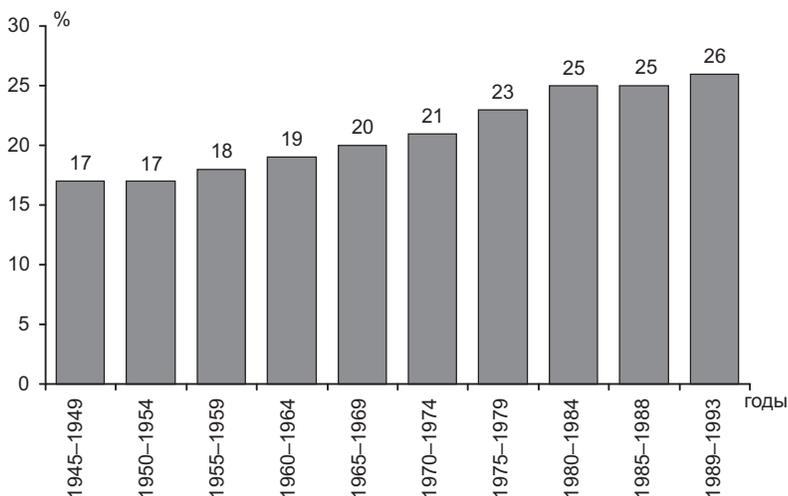

Рис. 2.2.21. Доля промышленного производства в экономике Индии

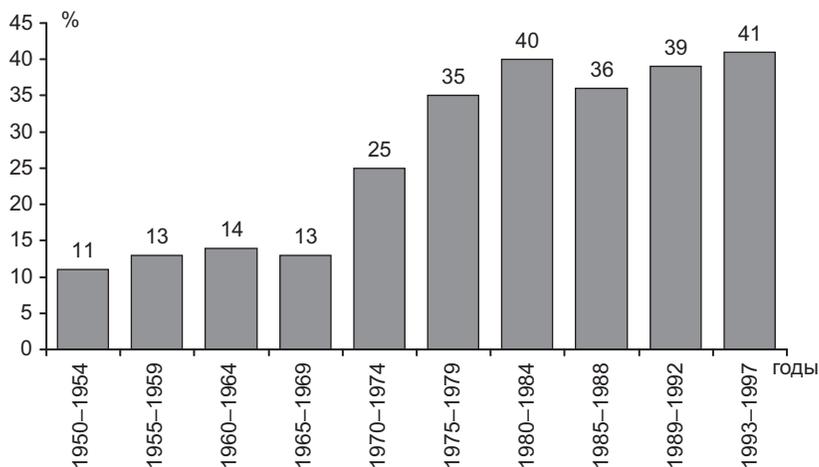

Рис. 2.2.22. Доля промышленного производства в экономике Индонезии

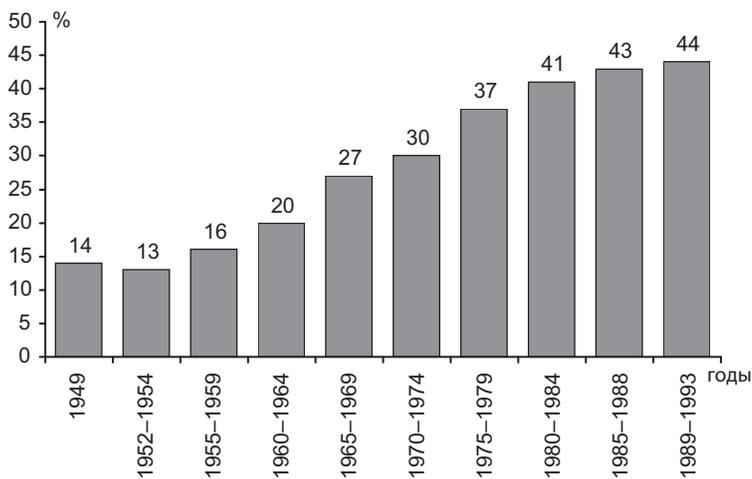

Рис. 2.2.23. Доля промышленного производства в экономике Южной Кореи

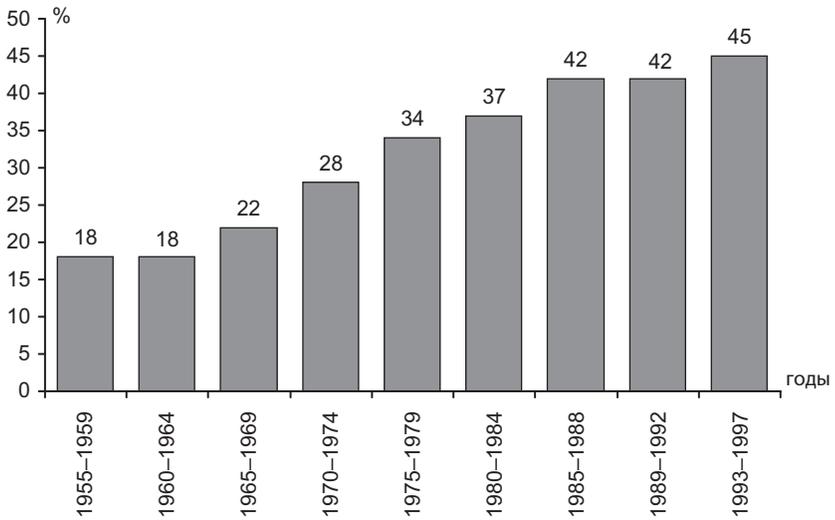

Рис. 2.2.24. Доля промышленного производства в экономике Малайзии

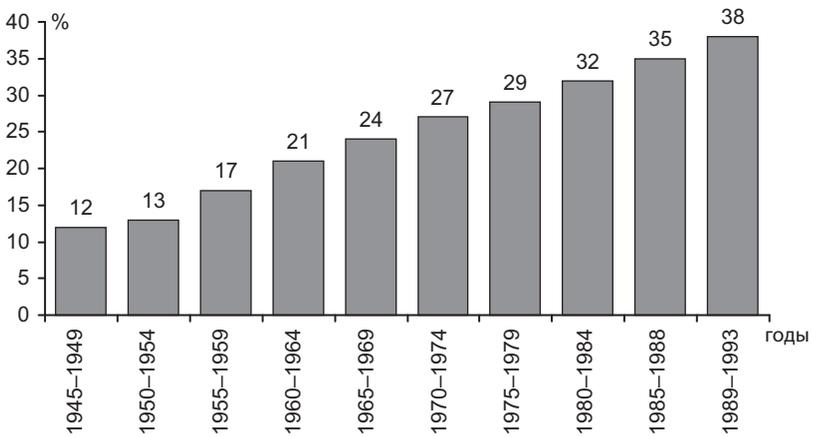

Рис. 2.2.25. Доля промышленного производства в экономике Таиланда

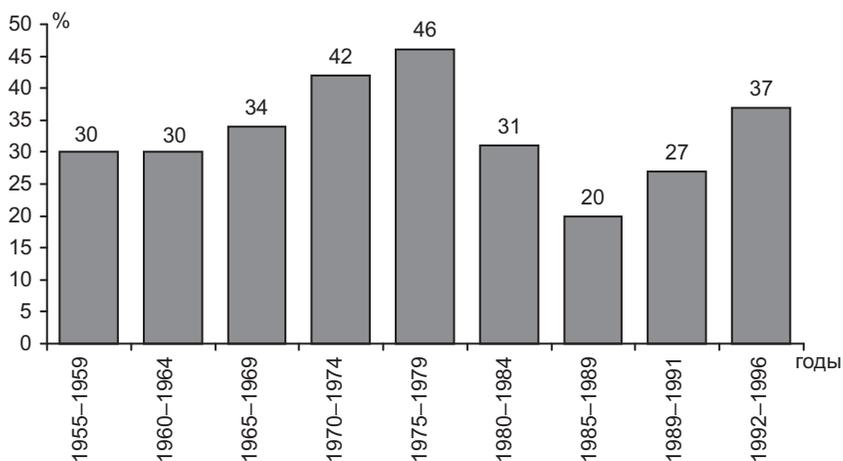

Рис. 2.2.26. Доля промышленного производства в экономике Ирана

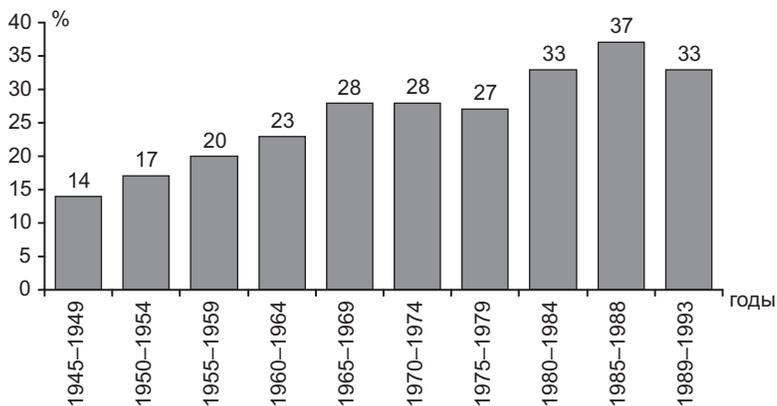

Рис. 2.2.27. Доля промышленного производства в экономике Турции

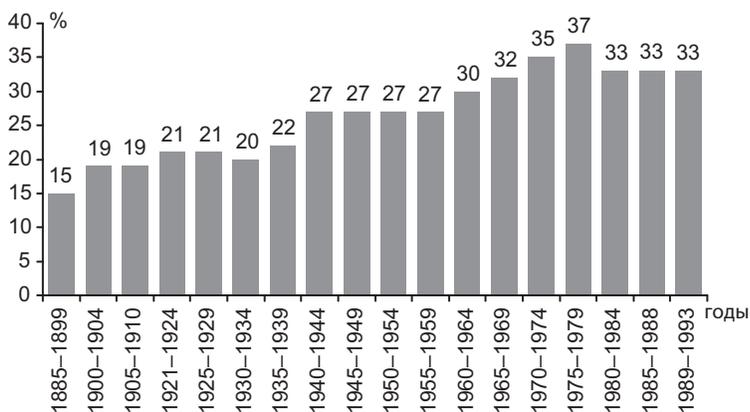

Рис. 2.2.28. Доля промышленного производства в экономике Мексики

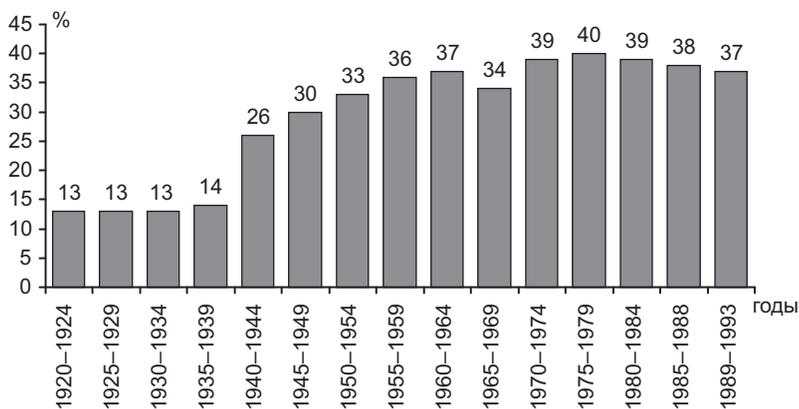

Рис. 2.2.29. Доля промышленного производства в экономике Бразилии

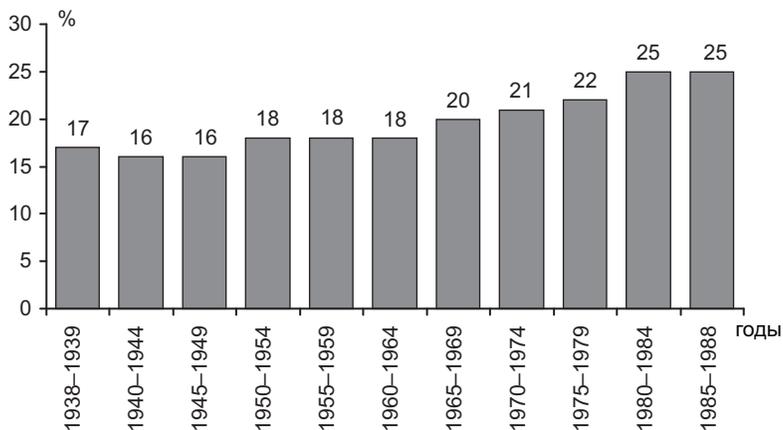

Рис. 2.2.30. Доля промышленного производства в экономике Парагвая

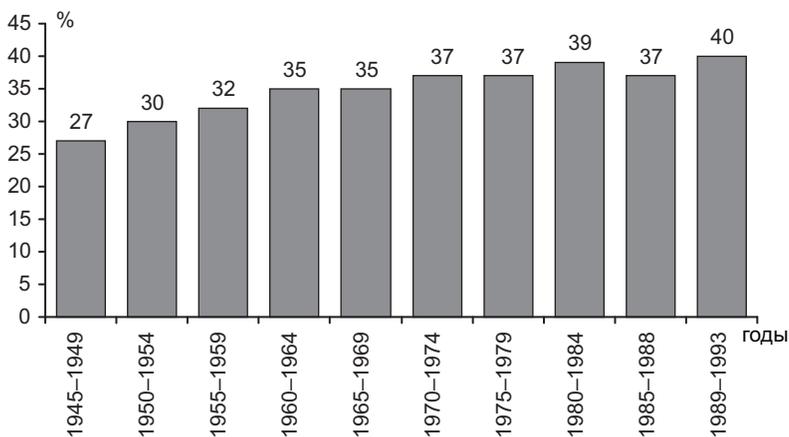

Рис. 2.2.31. Доля промышленного производства в экономике Перу

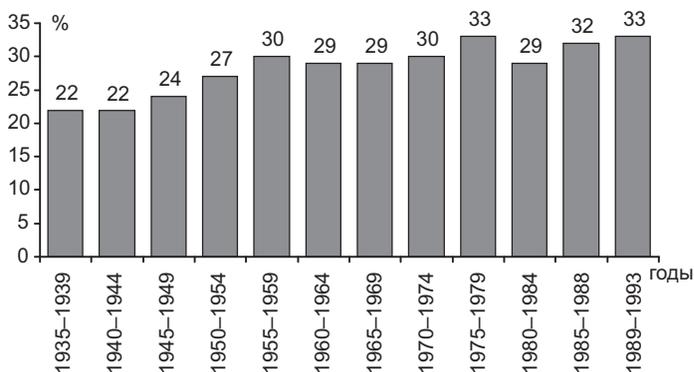

Рис. 2.2.32. Доля промышленного производства в экономике Уругвая

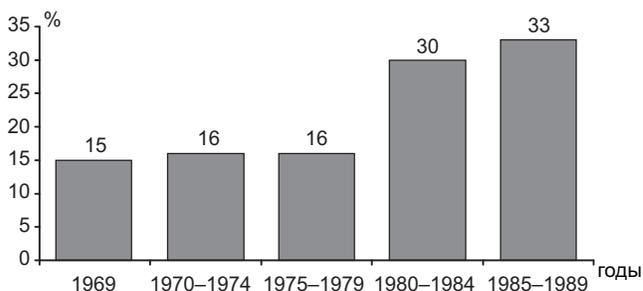

Рис. 2.2.33. Доля промышленного производства в экономике Камеруна

Единственным исключением являются Россия и группа постсоветских государств (рис. 2.2.34). Произошедшее в 1990-е гг. снижение доли промышленности в ВВП по масштабности деиндустриализационной трансформации исторически беспрецедентно. Создается впечатление, что теория постиндустриализации в России принята в качестве государственной управленческой идеологии.

Неоиндустриальный же прорыв ряда стран Азии и Южной Америки принципиально изменяет геоэкономическую карту мира. Запад по-прежнему промышленно доминирует, но его гегемонии брошен вызов. Еще в первую половину XX столетия он наступал. Надлом приходится на третью четверть XX в. На рубеже тысячелетий эта тенденция выражалась уже фронтальным промышленным наступлением Востока (рис. 2.2.35)⁷⁰.

⁷⁰ Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Мир в цифрах — 2009 / Пер. с англ. Н. Ко-

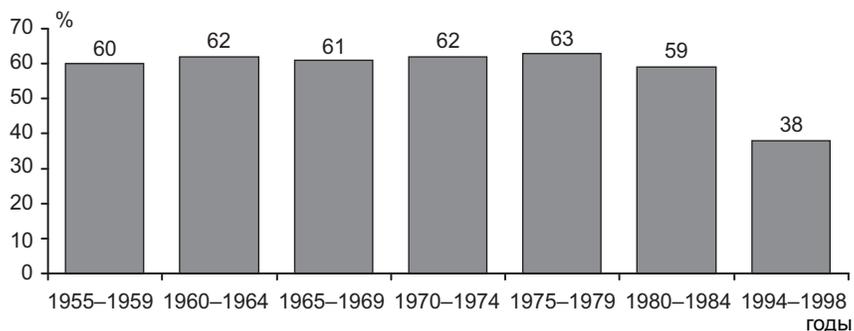

Рис. 2.2.34. Доля промышленного производства в экономике России

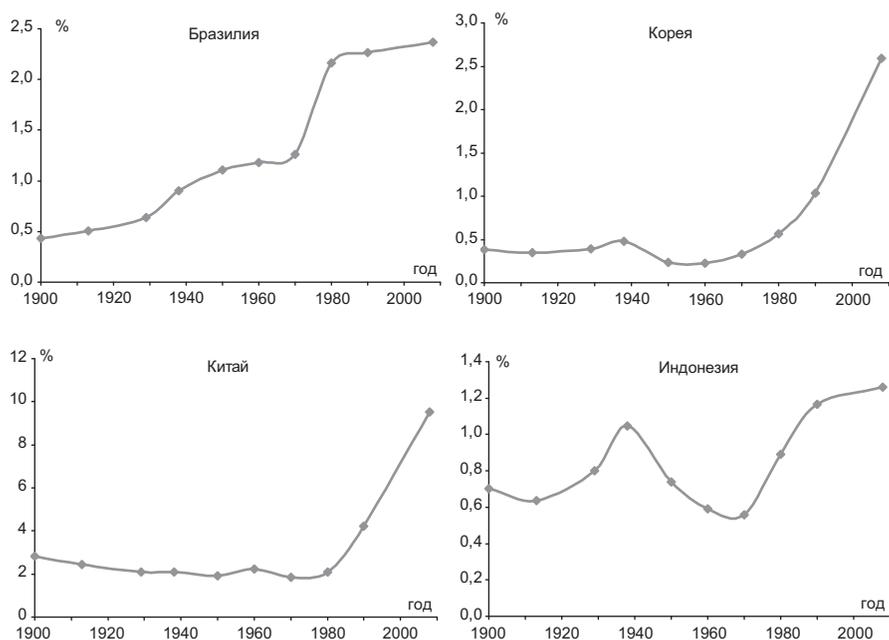

Рис. 2.2.35. Доля промышленности незападных стран мира в мировом промышленном производстве

ноновой. М., 2009; Maddison A. The World Economy in the 20 Century. Paris, 1989; Mitchell B.R. International Historical Statistics: Europe, 1750–2000. New York, 2003; The World Economy in 1820–1992. Paris, 1995; Kuznets S. Modern Economic Growth. Yale University Press, 1969; Maizels A. Industrial Growth and World Trade. Cambridge University Press, 1963.

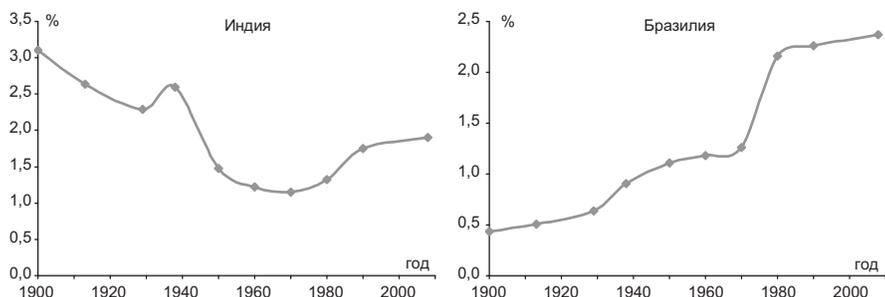

Рис. 2.2.35 (окончание). Доля промышленности незападных стран мира в мировом промышленном производстве

Геоэкономическая специфика деаграризации

Удельный вес второго производящего материальные блага сектора — сельского хозяйства, — как в отраслевой структуре занятости, так и в валовом внутреннем продукте мира, на протяжении XX в. последовательно сокращался. Помимо экономических изменений это приводило к разрушению традиционного, выстраиваемого вокруг деревни, социокультурного мира. В этой трансформации состоял, по-видимому, один из важнейших факторов современной ценностной инверсии.

Сельское хозяйство выглядит как наименее рентабельная отрасль экономики. В ней, в отличие от секторов промышленности и услуг, доля занятых выше доли, занимаемой сельским хозяйством в ВВП мира (рис. 2.2.36)⁷¹.

Понимая нерентабельность аграрной сферы, правительства многих стран проводят целенаправленную политику ее дотационного поддержания, поскольку частный капитал в такой ситуации немотивирован. Причины исторического «свертывания» значения сельского хозяйства связаны не только с его механизацией, повысившей производительность труда и высвободившей значительную часть людских ресурсов. Как раз производитель-

⁷¹ Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Мир в цифрах — 2009 / Пер. с англ. Н. Кононовой. М., 2009; Maddison A. The World Economy in the 20 Century. Paris, 1989; The World Economy in 1820–1992. Paris, 1995; Kuznets S. Modern Economic Growth. Yale University Press, 1969; Maizels A. Industrial Growth and World Trade. Cambridge University Press, 1963.

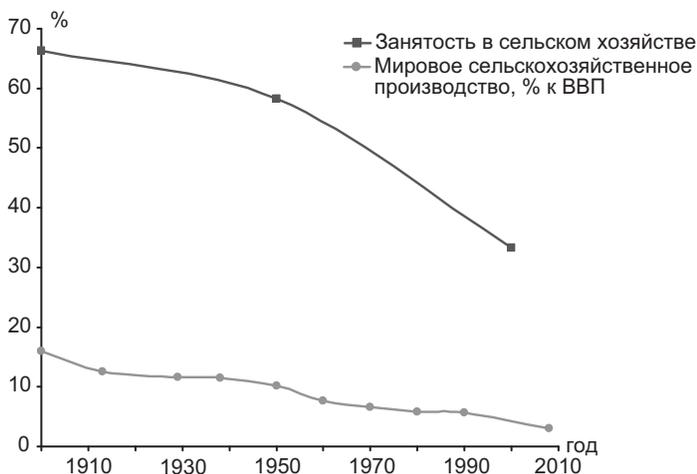

Рис. 2.2.36. Сравнение доли занятости и доли ВВП в сфере сельского хозяйства в мире

ность сельского хозяйства остается сравнительно невысокой. Объяснять исключительно этим произошедшую в XX столетии отраслевую трансформацию было бы не совсем корректно.

Другим важным обстоятельством снижения удельного веса сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте стало развитие сферы промышленного производства пищевой продукции. В РФ ее объемы в финансовом эквиваленте выше совокупных объемов производства в аграрном секторе. Для западных стран это соотношение в пользу пищевой промышленности еще более очевидно. Издержками данного развития является фактически исчезновение натуральных, немодифицированных генетически, пищевых продуктов.

Однако цифры о сокращении доли занятых в сельском хозяйстве — лукавые. Вывод о наличии тренда свертывания удельного веса аграрного производства проистекает из жесткой, не имеющей отношения к реальности, дифференциации трех секторов экономики. Однако современный производственный процесс имеет многоэтапную технологическую структуру.

Крестьян, непосредственно работающих на земле, не так много. Но, в то же время, с аграрной сферой связан широкий спектр

причастных отраслей. К какому сектору экономики их относить, если конечный целевой ориентир в данном случае — сельхозпроизводство? Как правило, современная статистика относит содействующие отрасли к промышленности или сервису. Но верна ли такая дифференциация?

В Западной Европе одно создаваемое рабочее место в сфере сельского хозяйства приводит по цепочке к созданию 36-ти рабочих мест в иных сопутствующих отраслях экономики. Ни промышленные, ни, тем более, сервисные направления такого рода мультиплицирующим эффектом не обладают. Объективный процесс удлинения технологической цепочки, межсекторальной кооперации выдается в постиндустриальной теории за секторальную трансформацию, замену отраслей. А это очень спорно.

Бурное промышленное развитие «новых индустриалов», представляющих регионы Азии и Латинской Америки, должно, казалось бы, по логике отраслевой реструктуризации, привести к снижению их роли в мировом сельскохозяйственном производстве. Смена экономической специализации данных стран предполагала, в силу этого объяснения, изменение потоков продукции аграрного сектора. Действительно, сельское хозяйство утратило в них значение основной ниши развития экономики. Однако при этом абсолютные показатели состояния аграрного сектора рассматриваемых стран приобрели высокую динамику роста.

Бурное развитие промышленности потянуло за собой и сельское хозяйство (рис. 2.2.37).

Техническое оснащение азиатского и латиноамериканского села не могло не сказаться положительным образом на производительности крестьянского труда в соответствующих регионах. Бывшая периферия третьего мира атакует Запад, не только осваивая промышленные технологии, но и по традиционному для себя сельскохозяйственному направлению. Еще в 1980-е гг. основным центром аграрного производства мира являлась Западная Европа. Сегодня ситуация принципиально иная — первые две строчки уверенно занимают Китай и Индия (рис. 2.2.38)⁷².

---

⁷² Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Мир в цифрах — 2009 / Пер. с англ. Н. Кононовой. М., 2009.

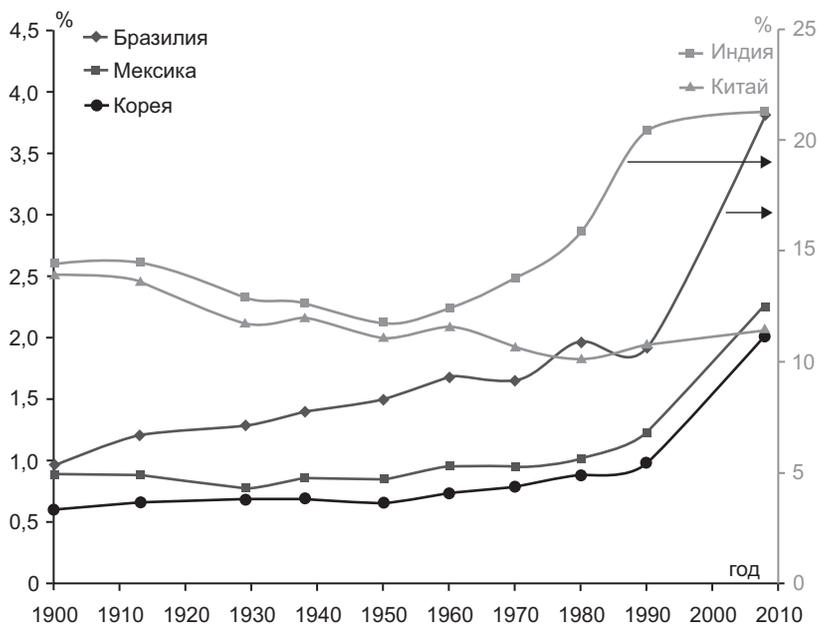

Рис. 2.2.37. Доля в мировом производстве сельского хозяйства ряда незападных стран

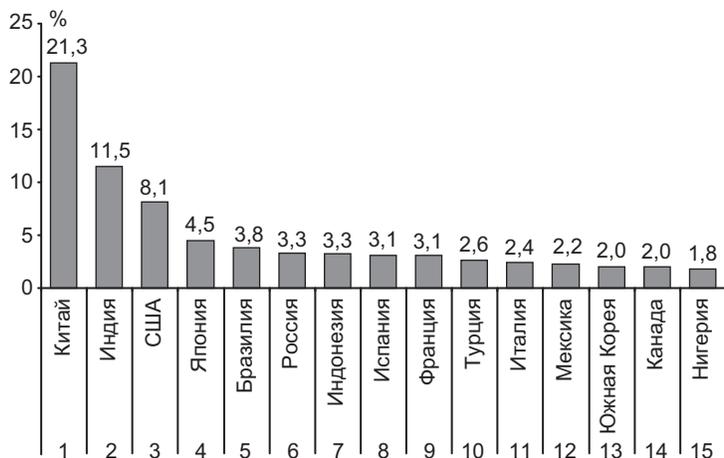

Рис. 2.2.38. Страны-лидеры в мировом сельскохозяйственном производстве

Процесс развития аграрного сектора мира состоит не только в его техническом переоснащении, но и в освоении новых земель. Данное направление государственной политики в сельскохозяйственной сфере служило в свое время предметом жесткой критики руководства СССР (а ранее — Российской империи). Говорилось об имманентно экстенсивном пути развития России. Но точно в таком же направлении максимизации сельскохозяйственной обработки имеющихся земельных ресурсов развивались все страны мира.

В ходе реформ ситуация в Российской Федерации изменилась. Доля находящихся в сельскохозяйственном обороте земель сокращается. Сходные тенденции, впрочем, можно обнаружить в США и Западной Европе. Но там эти земли составляют около 45% территории, тогда как в России — всего 13%. Между тем, Восток активно колонизирует в сельскохозяйственных целях все новые и новые пространства. По этой логике недалек тот день, когда соответствующая аграрная колонизационная волна перекинется через границы Российской Федерации (рис. 2.2.39)⁷³.

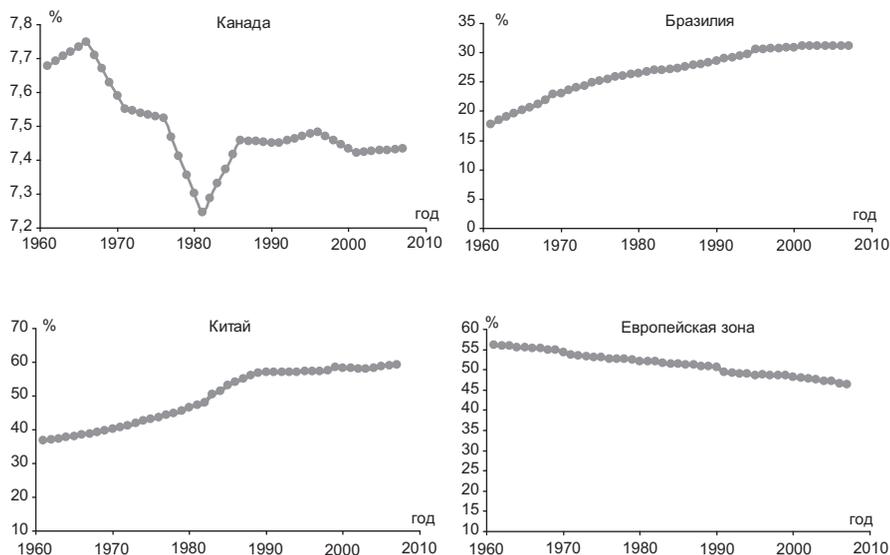

Рис. 2.2.39. Обрабатываемые сельскохозяйственные земли, в % к общей площади в странах мира

⁷³ <<http://web.worldbank.org>>.

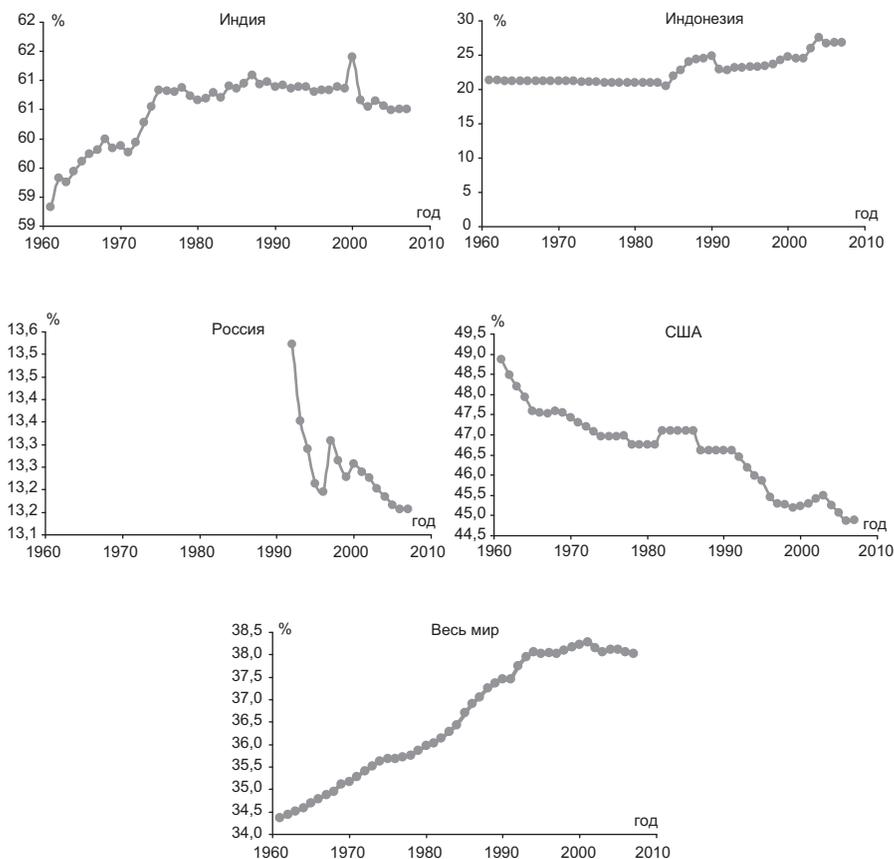

Рис. 2.2.39 (продолжение). Обрабатываемые сельскохозяйственные земли, в % к общей площади в странах мира

Из анализа приведенных соотношений может возникнуть впечатление, что Запад игнорирует значимость сельскохозяйственной сферы. Неужели там нет понимания связанности национальной безопасности и продовольственного обеспечения страны? Складывающееся впечатление легко опровергается при анализе трендов производства сельскохозяйственной продукции в подушевом выражении. Здесь позиции Запада по-прежнему доминирующие. Более того, разрыв в обеспеченности отдельно взятого человека западных стран и большинства регионов осталь-

ного мира в течение XX столетия только возрастал (рис. 2.2.40)⁷⁴. Таким образом, существующая на сегодня модель мирового продовольственного распределения подтверждает ее характеристику в качестве неокOLONиальной системы.

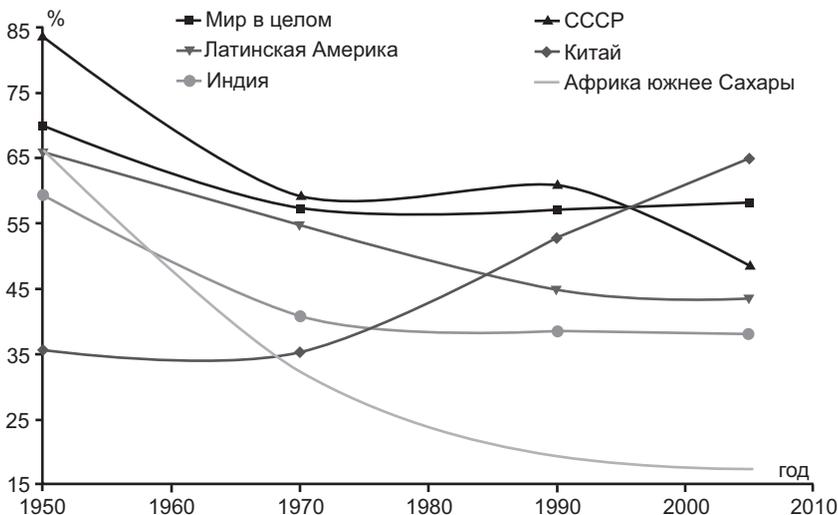

Рис. 2.2.40. Сельскохозяйственная продукция на душу населения по странам мира в отношении к странам Запада

Получается, что основополагающий тезис концепции постиндустриального общества о свертывании секторов товарного производства не проходит проверку при его статистической верификации в масштабах всего современного мира. Причем, ни во временном, ни в географическом пространствах. По отношению к сфере индустриального производства это прямая дезинформация, в сфере аграрного производства — подмена абсолютных показателей роста относительными величинами. За тренд постиндустриализма выдается новая геоэкономическая модель мирового разделения труда, которая воспроизводит мировой паразитизм, но в более изящной и камуфлированной упаковке современного неокOLONиализма.

⁷⁴ Кузык В.Н., Яковец Ю.В. Становление интегрального экономического строя — глобальная трансформация XXI века. М., 2008; Мировая экономика. Глобальные тенденции. М., 2003.

Сервис, ввиду своей нематериальности и нетоварности, идентифицируется именно с новой выделяемой областью в общественной производственной дифференциации.

Насколько удовлетворительно, с позиции современных исторических знаний, такое схематическое построение? На самом деле его нестыковки с эмпирическим материалом достаточно очевидны.

Сервис в архаической модели хозяйствования

Принятая в качестве классической модель трехстадиальной секторальной дифференциации существенно редуцирует исторический процесс. В основе этой модели лежит популярная в просветительской среде логика «робинзонаиды». Общественное развитие, согласно ей, моделируется как изолированный от всего внешнего мира процесс. Именно так выстраивал свои рассуждения о стадиях разделения труда А. Смит. Определяющим фактором секторальной дифференциации в смитовской теории считалось появление излишков.

В реальности такого саморазвивающегося общества никогда не существовало. Натуральное хозяйство, как чистая модель, является абстрактным конструктом. Проторазделение труда на самом деле имеется еще в первобытную эпоху на уровне межплеменного и межродового обмена. Различия природной среды обитания обуславливали различия в хозяйственной деятельности. Один род собирал ягоды и грибы, второй — охотился на зверя, тогда как третий добывал рыбу. Продукты добычи и сбора служили предметом первичного товарообмена. Разделение труда и его продуктов, что необходимо для обменов, определялось естественным различием природно-ресурсной базы.

Конечно, степень товарной ориентированности архаического хозяйства не следует преувеличивать. Но важно, что она имела и ненулевое значение. Следовательно, еще в первобытную эпоху в определенной степени речь уже шла об экономической специализированности. Тот же вопрос по отношению к национальным экономикам формулируется и сегодня.

Таким образом, уже в исторически исходной точке теория стадиальной секторальной дифференциации обнаруживает свою

ограниченность. Главное — дает сбой сам подход универалистского моделирования. Вариативность развития человеческих обществ проявляется с самого момента их возникновения. Следовательно и вопрос о сервисной специализированности разных стран должен решаться в контексте цивилизационно-вариативных объяснений.

Революционное воздействие на развитие исторической науки оказало в свое время формирование научной школы историков, группирующихся вокруг журнала «Анналы» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель). Сформулированный ими мейнстрим был связан с переоткрытием направления микроистории. Дело в том, что за доминирующим способом производства и общественными отношениями зачастую не замечались подчиненные формы. К таким, в частности, относилась, применительно к древнему и средневековому миру, сфера оказания услуг. На игнорирование таких направлений общественного бытия, как сервис, в традиционной историографии указывал один из классиков школы «Анналов» Ф. Бродель. Безусловно, крестьяне составляли основной класс феодального общества. Но наряду с ним существовали и иные социальные страты. Перечень средневековых цехов включал многие виды сервисной деятельности⁷⁵. Недооценка их роли в жизни европейского города периода Средневековья существенно деформирует его подлинный социальный и хозяйственно-инфраструктурный облик.

Сохраняемая по сей день в Индии кастовая система также свидетельствует о широкой представленности сервисных видов

---

⁷⁵ Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984; Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. М.-Л. 1926. Т. 1; Кулишер М.И. Цехи у нас и в Европе // Русская мысль. 1887. № 11, 12; Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в родах Западной Европы. М., 1952; Регистры ремесел и торговли города Парижа / Под ред. и с предисл. А.Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. X. М., 1958. Вып. XI; Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М., 1967; Стоклицкая-Терешкович В.В. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // Средние века. М., 1951. Вып. III; Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. М., 1982; Харитонович Д.Э. В единоборстве с василиском: опыт историко-культурной интеграции средневековых ремесленных рецептов // Одиссей. 1989. Человек в истории. М., 1989.

деятельности в структуре традиционных сообществ. Профессиональный профиль большинства из существующих с древних времен индийских каст мог бы быть отнесен именно к сфере услуг (табл. 2.3.1)⁷⁶. Но как тогда быть с теорией секторальной дифференциации, согласно которой никакого сервиса в древнем и средневековом мире не могло существовать? Очевидно, что эта теория, как противоречащая фактам, должна быть уточнена. Соответственно, должны пересматриваться и основания опирающейся на ее постулаты концепции постиндустриального общества.

Таблица 2.3.1

Профессиональная специализация индийских каст

Название касты	Специализация	Принадлежность к сфере сервиса
Аван	Земледельцы	—
Агарвал	Торговцы	+
Агхорипантхи	Нищие	—
Араин	Садовники	+
Арора	Торговцы	+
Ахар	Скотоводы и пастухи	—
Бавури	Корзинщики	+
Багди	Лодочники	+
Байраги	Нищенствующие монахи	—
Банспхор	Изготовители поделок из бамбука	+
Бант	Крестьяне	—
Бархай	Плотники	+
Беллара	Корзинщики	+
Бханги	Мусорщики	+
Бхой	Рыбаки	—
Бхиспи	Водоносы	+
Бхуинхары (бахханы)	Землевладельцы	—
Ваддар	Каменщики и землекопы	+
Вани	Торговцы	+

⁷⁶ Куценков А.А. Эволюция индийских каст. М., 1983.

Продолжение таблицы 2.3.1

Название касты	Специализация	Принадлежность к сфере сервиса
Веллал	Крестьяне	—
Гадария	Овцеводы	—
Гадди	Скотоводы	—
Гамалла	Виноделы	+
Гоала	Пастухи и скотоводы	—
Госаин	Нищенствующие монахи	—
Гудала	Корзинщики	+
Гуджар	Землевладельцы	—
Дарзи	Портные	+
Джалия	Рыбаки и лодочники	+
Джангам	Священники	—
Джат	Землевладельцы	—
Джоги	Нищенствующие монахи	—
Джути	Ткачи	+
Джулаха	Ткачи	+
Джхинвар	Водоносы	+
Дхангар	Овцеводы	—
Дхимар	Водоносы	—
Дхоби	Стиральщики белья	+
Дхор	Кожевники	+
Идига	Виноделы	+
Изхаван	Виноделы	+
Кайбартха	Рыбаки и лодочники	+
Каллар	Воры	—
Камар	Кузнецы	+
Кахар	Водоносы	+
Каястха (каяштха)	Писари	+
Коли	Землевладельцы	—

Продолжение таблицы 2.3.1

Название касты	Специализация	Принадлежность к сфере сервиса
Кори	Ткачи	+
Кошти	Ткачи	+
Кумбхар	Гончары	+
Кумор	Гончары	+
Кунби	Землевладельцы	—
Курми	Землевладельцы	—
Куруккал	Священники	—
Кхати	Плотники	+
Кхатри	Торговцы	+
Кходжа	Торговцы	+
Лодха	Землевладельцы	—
Лохар	Кузнецы	+
Мали	Садовники	+
Маллахи	Рыбаки	—
Маратхи	Землевладельцы	—
Маравар	Воры	—
Марвари	Торговцы	+
Най	Парикмахеры	+
Надувар	Земледельцы	—
Намбудири	Брахманы	—
Од	Расчистщики каналов	+
Одде	Каменщики и землекопы	+
Оджха	Лекари	+
Оккалига	Земледельцы	—
Пандарам	Священники	—
Парит	Стиральщики белья, прачки	+
Патидары	Землевладельцы	—
Прабху	Писцы	+
Раджбанси	Землевладельцы	—

Продолжение таблицы 2.3.1

Название касты	Специализация	Принадлежность к сфере сервиса
Раджпуты	Землевладельцы	—
Сонар	Ювелиры	+
Сутар	Плотники	+
Тели	Маслоделы	+
Факир	Нищенствующие монахи	—
Хаджджам	Цирюльники	+
Чамар	Кожевники	+
Чандал	Цирюльники	+
Чурха	Мусорщики	+
Шанан	Виноделы	+
Шимпи	Портные	+
Эрула	Корзинщики	+

«+» означает принадлежность представителей касты традиционного индийского общества к сфере услуг.

Сервисноориентированное сообщество как цивилизационный тип

Современное обществоведение опирается в основном на эмпирический материал нового и новейшего времени. Практика глубоких временных обобщений и длинных исторических рядов развита недостаточно. А между тем многие тенденции и тренды современности воспроизводят определенные фазы истории древних цивилизаций. Категориальное или сущностное бытие человечества объединяет всю его историю.

«Историческая aberrация близости» стала одной из главных причин продуцирования мифа о современном происхождении сервиса и начале процесса глобальной сервисизации. При выходе вглубь веков за хронологические рамки новой глобальной цивилизации обнаруживается существование государств, большинство населения которых было занято в сфере услуг. Получается, что современный ориентир сервисизированных США и других стран За-

пада не отражает горизонт универсального для всего человечества прогресса, а является всего лишь выражением характерной социальной стратификации одного из цивилизационных типов.

Между сервисизированными сообществами Древнего мира и современности прослеживается определенная типологическая связь⁷⁷. Особое функциональное значение в их существовании играло свою роль в мировой торговле. Во всех сервисизированных сообществах древности особо значимые позиции занимал финансовый капитал. Представляемые им группы олигархии реализовывали различные силовые и несиловые схемы эксплуатации внешнего мира. Прямое рабовладение сменялось латентным, в форме экономического рабства. Во всех случаях бурное развитие сервиса оказывалось возможным, когда соответствующее сервисизированное государство обеспечивалось извне продовольственными и иными товарами первой необходимости. Экспорт предоставлял ему возможность экономически перекалибрироваться на производство услуг.

Сервисноориентированные сообщества античной эпохи

Пример сервисизированных сообществ в античную эпоху представляли греческие и финикийские рабовладельческие государства. Работы по профилю услуг составляли, как известно, преимущественное содержание рабского труда. Отношение численности рабов к свободным гражданам в Греции было 3:1. Это, учитывая сервисный профиль рабского труда, означает, что в сфере услуг в античном полисе было занято около 75% экономически активного населения. А имея в виду, что и свободные граждане не чуждались определенных видов сервисной деятельности, указанное представительство было, очевидно, еще больше. Удельный вес занятых в сфере услуг в рабовладельческих городах Древней Греции находился, таким образом, на том же уровне, как и в современных странах Запада. За 2,5 тысячи лет социально-профессиональные пропорции в этом отношении принципиально не изменились⁷⁸.

---

⁷⁷ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения: (почему скифы и гунны должны быть интересны для русско-го?). Прага, 1928.

⁷⁸ Андреев Ю.В. Древнегреческий полис. Л., 1976; Блаватский В.Д. Античная цивилизация. М., 1973; Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941;

Таковыми же «сервисными обществами» являлись древние Рим и Карфаген. Голландский исследователь XVII в. Помпа насчитывал 146 профессиональных функций рабского труда в древнеримском обществе⁷⁹. Это был своеобразный спектр видов сервисной деятельности. Современная наука его существенно расширила. На службе у богатого римлянина состояли: домоправитель, касир, бухгалтер, управляющие домами, покупщики припасов, привратник, сторожа, придворники, хранители мебели, хранители серебра, гардеробщики, рабы, вводившие посетителей, повара, пекари хлеба, разносчики блюд, виночерпии, дегустаторы, шуты, танцовщики, камердинеры, купальщики, домашние хирурги, брадобреи. В богатых домах имелись чтецы, секретари, библиотекари, переписчики, выделыватели пергамента, педагоги, счетчики, агенты по торговым делам, носильщики, курьеры, евнухи при госпоже, акушеры, кормилица, баюкальщицы, пряжи, ткачихи, швеи и т. д.⁸⁰

Значимость участия в международной торговле в древнем Карфагене соотносима с уровнем в наиболее торговозависимых государствах современного мира. Характерное для традиционного общества мелкоземельное производство по этой причине там не сложилось⁸¹.

Сервисноориентированные сообщества Средневековья

Европейское Средневековье было, безусловно, временем доминирования крестьянского земледельческого труда. Однако эта констатация применима далеко не ко всем странам Европы. Она справедлива по отношению к так называемым «территориальным государствам» типа Франции, Польши или России. Иная картина наблюдалась в ориентированных на международную торговлю европейских городах-государствах. Таких зональных анклавов

Кузицин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990; Паневин К.В. История Древней Греции. СПб, 1999.

⁷⁹ «Titi Pompaе. Phrysiі de operis servorum liber», 1672.

⁸⁰ Авдиев В.И. История Древнего Рима. М., 1971; Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973; Штаерман Е.М. Рассвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

⁸¹ Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002; Волков А. Карфаген. «Белая» империя «черной» Африки. М., 2004.

было два — италийско-левантийский, связанный с торговлей на Средиземном море, и германо-ганзейский — на Балтике. Земледелец в их социальной инфраструктуре уже не играл сколь-либо значимой роли. На первое место выходят профессии, относящиеся к профилю услуг⁸².

Главным сервисным центром средневекового мира являлась Венеция. Откуда такая предрасположенность? Сколотившая несметный капитал на посреднической торговле и финансовых махинациях Венецианская республика имела крупнейший бюджет среди всех европейских государств. По расчетам Ф. Броделя, на начало XV в. он составлял примерно 1,6 млн дукатов. В то же время бюджет Французского королевства оценивался в 1 млн дукатов. При этом население Франции составляло приблизительно 15 млн человек, а Венеции — максимум 1,5 млн. Таким образом, средний венецианец был в 16 раз богаче среднего француза. Имея такое состояние, венецианские граждане предпочитали традиционному крестьянскому труду сервисную сферу⁸³.

Венецианское государство рассматривалось К. Шмиттом как типологический пример, выражающий «номос» морского существования. «Почти половину тысячелетия, — свидетельствовал немецкий философ, — республика Венеция считалась символом морского господства и богатства, выросшего на морской торговле. Она достигла блестящих результатов на поприще большой политики, ее называли “самым диковинным созданием в истории экономики всех времен”. Все, что побуждало фанатичных англоманов восхищаться Англией в XVIII–XX веках, прежде уже было причиной восхищения Венецией. Огромные богатства, преимущество в дипломатическом искусстве, с помощью которого морская держава умеет вызывать осложнения во взаимоотношениях континентальных держав и вести свои войны чужими руками, основной аристократический закон, дававший видимость решения проблемы внутривнутриполитического порядка, толерантность в отношениях религиозных и философских взглядов, прибежище свободолюбивых идей и политической эмиграции»⁸⁴.

---

⁸² Вебер М. Избранное: Образ будущего. М., 1994.

⁸³ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. Т. 3.

⁸⁴ Шмитт К. Земля и море: Созерцание всемирной истории // <<http://resist.gothic.ru>>.

К. Шмитт обнаружил общие типологические черты, объединяющие средневековую Венецию и Великобританию Нового времени. В этот же ряд аналогий из античной эпохи может быть перемещен Карфаген, а из современности — Соединенные Штаты Америки. К перечню шмитовских индикаторов следует также добавить преимущественное развитие сферы услуг. Сервис исторически находился в корреляционной зависимости с торговой ориентированностью перечисленных государств. И эта связь не случайна. Чем более была представлена страна в мировой торгово-финансовой деятельности, тем значительнее оказывался в ней сектор сервисной занятости населения.

Именно в Средиземноморье в связи с развитием международной торговли учреждаются первые публичные банки — в Барселоне (1401 г.) и Генуе (1407 г.). Семейные же банковские товарищества существовали в итальянских торговых городах и того раньше. Так, в одной лишь Флоренции в середине XIII в. насчитывалось 80 банков. Обеспеченность банковскими услугами по отношению к численности населения находилась на недостижимом на современном этапе развития уровне⁸⁵.

Сервисноориентированные сообщества Нового времени

Далее, в XVI–XVII столетиях, роль мирового торгово-финансового центра перемещается в Голландию. И вновь такой перенос соотносится с преимущественным развитием сферы услуг. Достигалось это, прежде всего, за счет включенности голландского населения в деятельность различных торговых компаний, таких как Ост-Индская (1602 г.) и Вест-Индская (1621 г.). Голландцы, писал К. Шмитт, стали «извозчиками» всех европейских стран. Численность торгового флота Голландии, крупнейшего в Европе, составляла 15 тыс. судов, свидетельствуя о специфике экономического развития Соединенных Провинций. Широкое распространение (прямо как на современном Западе) получили различного рода страховые фирмы. Развивается система кредитования. Одновременно к Голландии переходит первенство от Венеции в мировой работорговле. Историческую ситуацию реконструировал Л. Февр, один из видных представителей школы «Анналов».

---

⁸⁵ Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М., 2007.

«Безудержная жажда денег, первейшая и непреодолимая движущая сила капиталистического индивидуализма, не ведающего ни узды, ни совести, овладевает тысячами людей. На берегах Шельды, подавив своим великолепием поверженный Брюгге и свергнув с трона Венецию, высокомерный город торговцев и банкиров первым воздвигает свою Биржу как символ новых времен. К причалам Антверпена швартуются корабли со всего света. На антверпенских набережных сложено все, что производится в мире. По набережным Антверпена проходят авантюристы со всего света, обуреваемые безудержным стремлением к наживе. Нет более ни нравственных правил, которые бы их обуздывали, ни страха, который бы их сдерживал, ни традиций, которые бы их стесняли. Эти макиавелли торговли и банковского дела всякий день на деле “воплощают” “Государя”, каждый своего. Их цель не земля, не владение землей, приобщающее человека к благородному сословию. Им нужно золото, подвижное и компактное, дающее всю полноту власти. Завладеть им, накопить его в сундуках, насладиться им...»⁸⁶.

От Антверпена роль мирового торгово-финансового центра переходит, на фоне его борьбы с обретшей второе дыхание Генуей, к Амстердаму⁸⁷. За ним в период расцвета закрепилась репутация товарного склада мира. Даже к концу XVIII в. голландцы продолжали выполнять функции основных перевозчиков товаров в торговле европейских стран. Однако уже к этому времени положение мирового торгово-финансового гегемона все прочнее занимала Великобритания. Ф. Бродель обращал внимание на удивительный в истории финансов феномен продолжающегося несколько веков бесперебойного линейного усиления курса фунта стерлингов⁸⁸.

И опять-таки центр мировых финансов становится передовым центром развития сферы сервиса в мире. Преобладающим видом экономической деятельности в Великобритании XIX в., как отмечал Ф. Бродель, являлись не земледельцы и не промышленные рабочие, а домашние слуги. Сервисная модель отраслевой занятости оказывалась, таким образом, реализована еще задолго до наступления стадии постиндустриализма.

---

⁸⁶ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

⁸⁷ *Бродель Ф.* Время мира. М., 1992. Т. 3.

⁸⁸ Там же.

Ф. Бродель противопоставлял в своем исследовании французский и английский типы экономики. Франция в XVIII в. — начале XIX в. значительно превосходила Англию в общем объеме физической продукции. Но общие объемы накопленного капитала были выше в Великобритании. Это преимущество достигалось англичанами именно за счет сферы сервиса. «В подсчете физической продукции, — отмечал Ф. Бродель некорректность статистических сравнений, ограниченных промышленностью и сельским хозяйством, — оставляют в стороне услуги, а ведь в этом секторе Англия наверняка намного превосходила Францию»⁸⁹.

Кроме профессиональных домашних слуг, в Великобритании XVIII в. — начала XIX в. в услужении богатых англичан трудилась значительная армия вывезенных из колоний рабов. Рабы не считались людьми, а потому в расчеты профессиональной занятости они не включались. Тем не менее, функционально их деятельность также в заметной степени была связана с сектором услуг.

Сервисизация Англии сочеталась с ростом различных финансовых инфраструктур. Уже в 1720 г. Д. Дефо сожалел о тех безвозвратно ушедших временах, когда «не было ни дутых предприятий, ни спекуляций на акциях... ни лотерей, ни капиталов, ни аннуитетов, ни покупки корабельных обязательств и государственных облигаций, ни находящихся в обращении билетов казначейства»⁹⁰.

Как сегодня весь мир говорит о «мыльном пузыре» американского доллара и деривативов, так в XVIII в. — начале XIX в. говорили о грядущем крахе раздутого английского кредита. Политика неограниченных займов составляла один из главных факторов британского экономического прорыва. По расчетам на 1824 г., из 38–40 млрд франков совокупного государственного долга европейских стран более 75% приходилось на Великобританию⁹¹. «Не нужно быть волшебником, — предрекал Д. Юм в середине XVIII столетия, — чтобы угадать, каким будет продолжение. В самом деле, им может быть лишь одна из двух катастроф: либо нация уничтожит государственный кредит, либо государственный кредит уничтожит нацию»⁹². Предсказываемой катастрофы, как

---

⁸⁹ Бродель Ф. *Время мира*. М., 1992. Т. 3.

⁹⁰ Defoe D. *The Complete English Tradesman*. L., 1745. II.

⁹¹ Бродель Ф. *Время мира*. М., 1992.

⁹² Цит. по: Бродель Ф. *Время мира*. М., 1992. Т. 3.

известно, так и не произошло. Избежать ее удалось выстраиванием соответствующего курса английской политики, включающей эксплуатацию колоний и провоцирование военных конфликтов.

Преемником Великобритании в ее особой роли в мир-экономике выступили Соединенные Штаты Америки. И именно США стали эталоном постиндустриалистской сервисизации. Более 80% экономической занятости американского населения приходится сегодня на сферу услуг. Секторная стадильная эволюция США повлияла в значительной мере на формирование концепта секторального эволюционизма. Американский опыт стал позиционироваться в качестве универсальной фронтальной исторической схемы без всяких на то оснований. Более правильно было бы вести речь об особости США, чем об их типичности.

Первоначально Америка, и прежде всего южноамериканские штаты, развивались с ориентацией на сельское хозяйство. Фермерский путь американского развития стал в свое время нарицательной моделью. Рабский труд использовался в США, в отличие от Европы, не столько в сфере услуг (хотя и в ней тоже), сколько в рамках материального аграрного производства. За период с 1661 г. по 1774 г. из Африки в Североамериканские Соединенные Штаты было доставлено более 1 млн черных рабов, тогда как еще 9 млн пленников погибли в дороге⁹³. Работоторговля дала американцам прибыль в 2 млрд долл. — астрономическую в ценах XVIII в. сумму. Владельцами рабовладельческих плантаций являлись отцы-основатели США — президенты Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон. Автор американской Конституции Д. Мэдисон с радостью сообщал в одном из писем другу, что каждый раб приносит ему прибыль 257 долл. в год, тогда как тратит он на содержание каждого из них только 12–13 долл.⁹⁴

После Гражданской войны, закончившейся победой северных промышленных штатов, США переориентируются на индустриальные рельсы развития. Основной фигурой в отраслевой структуре занятости становится уже не фермер, а промышленный рабочий. Превращение США в результате двух мировых войн в крупнейшего кредитора и инвестора мира создало возможность принципиально изменить конъюнктуру отраслевого распределе-

---

⁹³ Who brought the Slaves to America, Sons of Liberty. Metairie, 1958.

⁹⁴ Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М., 2007.

ния. Выстраивается новая модель международного разделения труда, при которой промышленное производство выносится за пределы США и связанных с американской гегемонией стран «золотого миллиарда». Высвобожденное из сектора индустрии население переориентируется на более социально престижные сервисные виды деятельности.

Основным механизмом поддержания новой модели мироустройства стала эмиссия необеспеченной валюты — вначале доллара, а потом и евро. Установленная с 1978 г. Кингстонская (Ямайская) валютная система плавающих курсов валют окончательно ее закрепила на уровне международного консенсуса. Сложившаяся практика мирового обмена гербовой бумаги США на реальные товары периферийных стран и составляет парадигму современного неокOLONиализма.

Выдвигаемая в теории постиндустриализма за образец прогресса пропорция в структуре занятости Запада есть всего лишь следствие, отражение существующих механизмов неокOLONиальной эксплуатации мира. Для таких же стран, как, например, Россия или Китай, не обладающих эксплуатируемыми ими колониями (неокOLONиями), ориентир в 80% занятых в сфере сервиса есть неосуществимая утопия, попытки реализации которой неизбежно оборачиваются экономической деструкцией.

Таким образом, стадийная модель универсальной секторальной эволюции на эмпирическом материале не подтверждается. Сервис, рассматриваемый традиционно как индикатор постиндустриализма, имел преимущественное развитие в странах, находящихся на разных стадиях исторического существования. Их объединяли в большей степени не технологический уклад, а особая посредническая роль в международном разделении труда. Речь поэтому должна идти об определении в каждом конкретном случае цивилизационного оптимума соотношения различных секторов экономики, а вовсе не о последовательном замещении материального производства сервисом.

2.4. Сфера сервиса в геоэкономическом измерении

Проблема неоднородности сектора услуг

Корректно ли рассмотрение сервиса в качестве мейнстрима современности? На первый взгляд, доминанта услуг в современной экономике очевидна. Однако детализация самой сервисной ниши позволяет поставить эту кажущуюся очевидность под сомнение. Традиционно при расчете отраслевой занятости и отраслевого распределения валового внутреннего продукта к сектору услуг относят все, что имеется в соответствующей национальной экономике при исключении из нее промышленности и сельского хозяйства (т. е. отраслей товарного производства). В итоге сервис оказался функционально эклектичной сферой. Различие объединяемых в рамках него ниш профессиональной деятельности столь разительно, что не позволяет, в отличие от аграрного и промышленного секторов, идентифицировать единую сервисную парадигму труда. Как можно привести к одному знаменателю торговлю недвижимостью и здравоохранение, государственное управление и парикмахерское дело? А между тем, существует большая разнородность по странам мира в развитии различных отраслей услуг. Эти отрасли оказываются несвязанными друг с другом в качестве единого феноменологического ряда, они не подчинены общим закономерностям и трендам.

Об эклектично широком спектре видов экономической деятельности, объединяемых понятием «сервис», свидетельствуют принятые в разных странах классификаторы услуг населению. В табл. 2.4.1 в качестве иллюстрации приводится перечень сервисных отраслей, включенных в Североамериканский промышленный классификатор 2001 года⁹⁵.

---

⁹⁵ Экономика США: Учебник для вузов / Под. ред. В.Б. Супяна. СПб., 2003; Survey of Current Business, 2001. № 12.

**Отрасли сферы услуг
по Североамериканскому промышленному классификатору**

Наименование отрасли	Сектор отрасли	Виды экономической деятельности
Услуги общественного пользования	Газоснабжение, водоснабжение, электроэнергетическое обеспечение	Гидроэлектростанции, атомные станции, коммунальная инфраструктура
Оптовая торговля	Предприятия, реализующие или подготавливающие к реализации товары длительного пользования и повседневного спроса	Предприятия оптовой торговли: магазины-склады, терминалы, реализующие товары для перепродажи (моторные средства, нефтепродукты, мебель, стройматериалы); средства производства (оборудование для производства, продукция химического производства); не предназначенные для конечной реализации изделия (полуфабрикаты, в том числе сельскохозяйственная продукция); офисы-представительства по организации оптовых продаж
Розничная торговля	Предприятия, реализующие товары длительного пользования и повседневного спроса без трансформации товара	Предприятия розничной торговли: специализированные магазины, центры, супермаркеты, рестораны, магазины самообслуживания, дилеры предприятия; станции и предприятия универсального торгового назначения, подержанных товаров. Дилеры по продаже новых и подержанных автомобилей; предприятия-дилеры горюче-смазочных материалов, баллонов со сжиженным газом, арт-дилеры. Торговля посредством информационных технологий (Internet); товары-почтой; торговые автоматы

Продолжение таблицы 2.4.1

Наименование отрасли	Сектор отрасли	Виды экономической деятельности
Транспорт, складирование	Предприятия, оказывающие услуги доставки и перевозки; услуги по хранению и складированию	Предприятия транспортных пассажирских и грузовых перевозок, железнодорожные депо; нефте-, газопроводы, перевозка нефтепродуктов. Экскурсионное обслуживание; обслуживание предприятий всех типов транспорта; диспетчерские службы; навигационные службы; монтаж оборудования; служба тары и упаковки; товарные склады; предприятия почтового обслуживания, курьерские службы
Информационные услуги	Организации и предприятия, занятые в производстве и распространении информационной продукции	Предприятия информационного сервиса, предприятия радиовещания и телекоммуникаций
Финансы и страхование	Административные предприятия, связанные с денежным обращением и управлением финансами	Центральный банк (Федеральная резервная система США). Депозитарные денежно-кредитные институты, коммерческие банки, инвестиционные банки, брокеры; страховые компании и медицинские страховые организации; институциональные инвесторы, трастовые предприятия
Сделки с недвижимостью, аренда, лизинг	Предприятия, оказывающие услуги лизинга и аренды. Аренда нематериальных активов	Долгосрочная аренда (лизинг) недвижимости — жилых и нежилых помещений; услуги по аренде автомобильного транспорта — пассажирского и грузового, товаров личного потребления, электро-технического оборудования, промышленного и офисного оборудования; офисы брокеров и агентов по недвижимости, менеджеры по управлению недвижимостью;

Продолжение таблицы 2.4.1

Наименование отрасли	Сектор отрасли	Виды экономической деятельности
		аренда управленческих, организационных, технических ресурсов; услуги по созданию репутации (в том числе кредитной истории) в финансовом мире
Высокопрофессиональные (отдельные) услуги	Юридические услуги. Архитектурные услуги. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки	Юридические услуги по составлению документации (в том числе производственного характера), налоговых деклараций, адвокатские, нотариальные; по государственному сертифицированию, инспекции зданий; геодезические услуги, графический и компьютерный дизайн; консалтинговые службы, маркетинговые службы, научные и технические службы; услуги фотостудий; ветеринарные услуги
Управленческая деятельность	Управление компаниями и предпринимательская деятельность	Услуги по управлению корпорациями, региональными филиалами, дочерними предприятиями; управление товарно-материальными запасами, банковскими вкладами
Административная деятельность	Административный менеджмент; антикризисное управление	Предприятия по организации бизнеса, материально-технического обеспечения (оборудованием и материалами, спецоборудованием); управление убыточными предприятиями; услуги по найму; турагентства и туроператоры; услуги по сопровождению и охране, патрулированию, предоставление бронированного транспорта; организация ярмарок, съездов; инкассация; септическая обработка
Образование	Услуги образовательных учреждений	Начальные, средние школы, колледжи, университеты, школы бизнеса, курсы — в том числе по подготовке специалистов в области бизнеса, компьютерной подготовки;

Продолжение таблицы 2.4.1

Наименование отрасли	Сектор отрасли	Виды экономической деятельности
		спортивных инструкторов, менеджеров. Услуги по материально-техническому обеспечению организаций, занятых в образовании — в том числе составление тестовых, контрольных работ
Здравоохранение и социальная помощь	Амбулаторные службы, больницы, службы социальной помощи	Центры практикующих специалистов — в том числе планирование семьи, диагностические лаборатории, помощь на дому, банки крови и органов. Общие и специализированные больницы. Организации, осуществляющие социальную помощь (пенсионерам, престарелым); дома престарелых. Индивидуальная помощь; организации по обеспечению продуктами питания, жильем, защита от опасности, реабилитационные центры, центры постоянной помощи детям
Услуги по организации досуга	Предприятия, оказывающие услуги по организации зрелищных мероприятий. Музеи, исторические парки	Постановка различных представлений — музыкальных, спортивных, проведение выставок художников; вело — и мототреки; поставка специального оборудования. Агенты, менеджеры, продюсеры; агентства независимых художников, артистов, писателей. Туристические агентства, парки развлечений. Специальные центры: фитнес-, боулинг-, гольф-клубы, лыжные клубы, казино
Размещение и общественное питание	Услуги гостиничных предприятий и предприятий питания	Отели, мотели, гостиницы, кемпинги и туристические лагеря. Рестораны, кафе, кафе быстрого питания, спецслужбы питания; обслуживание по договору, передвижные службы питания, бары

Продолжение таблицы 2.4.1

Наименование отрасли	Сектор отрасли	Виды экономической деятельности
Услуги индивидуального характера. Некоммерческие организации	Предприятия, предоставляющие личные услуги. Фонды и союзы	Парикмахерские, салоны красоты, косметические салоны, салоны коррекции веса, химчистки, фабрики-прачечные, фотолаборатории, парковки и гаражи. Гражданские, религиозные фонды и союзы; организации свободных адвокатов, организации по защите прав человека, защите окружающей среды; трудовые союзы, политические организации, организации частных домовладений, управления по делам домохозяйств
Государственное управление	Органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Управление государственными программами. Космические исследования. Национальная безопасность и внешнеэкономическая деятельность	Организации государственных служб, государственных финансов, легислатуры, офисы американских индейцев и жителей Аляски. Суды, полицейские службы, пожарные управления. Учреждения, регулирующие и контролирующие выполнение социальных программ (в том числе в сфере образования, здравоохранения, определенных групп населения — ветеранов, пенсионеров), программы по защите окружающей среды, атмосферы, водных ресурсов, земной поверхности. Управление жилищного строительства и планирования городов, транспорта, услуг общественного пользования; регулирование и инспекция коммерческого сектора. Организации, осуществляющие НИОКР в области космоса

Показательно, что к сфере услуг в классификаторе не относятся только 4 из 20 отраслей экономики США. Выделение более широких отраслевых групп оказалось, по-видимому, невозможно.

Но даже при такой дробности в американском классификаторе обнаруживаются пробелы. Не нашлось в нем, в частности, места службе в рядах вооруженных сил. Не нашлось и соответствующей отраслевой номинации для священнослужителей. При всем универсализме американского понимания услуг до введения понятий «военный сервис» или «религиозный сервис» даже американцы не дошли. Что-то их в данном случае останавливает. Очевидно, что не всякую не связанную с товарным производством профессиональную общественно полезную деятельность можно идентифицировать как «услуги».

Еще более показательны противоречия между национальными классификаторами услуг. Несовпадения указывают на вариативность содержания и функций услуг по странам мира. Считать сущностно идентичными сервис российский и сервис американский невозможно. Достаточно попытаться сопоставить виды профессиональной деятельности в отраслях сферы услуг по Североамериканскому промышленному классификатору и Общероссийскому классификатору услуг населению, чтобы убедиться в их нетождественности (табл. 2.4.2)⁹⁶.

Таблица 2.4.2

**Сопоставление отраслей сервиса
по Североамериканскому промышленному классификатору
и Общероссийскому классификатору услуг населению**

Общероссийский классификатор услуг населению	Аналоги в Североамериканском промышленном классификаторе
Бытовые услуги	Услуги индивидуального характера. Некоммерческие организации
Услуги пассажирского транспорта	Транспорт, складирование
Услуги связи	Информационные услуги
Жилищно-коммунальные услуги	Услуги общественного пользования
Услуги учреждений культуры	Услуги по организации досуга
Туристские и экскурсионные услуги	Услуги по организации досуга. Размещение и общественное питание
Услуги физической культуры и спорта	Услуги по организации досуга

⁹⁶ Общероссийский классификатор услуг населению. М., 2009.

Продолжение таблицы 2.4.2

Общероссийский классификатор услуг населению	Аналоги в Североамериканском промышленном классификаторе
Медицинские услуги, санаторно-оздоровительные услуги, ветеринарные услуги	Здравоохранение и социальная помощь
Услуги правового характера	Высокопрофессиональные (отдельные) услуги
Услуги банков	Финансы и страхование
Услуги в системе образования	Образование
Услуги торговли и общественного питания, услуги рынков	Оптовая торговля. Розничная торговля Размещение и общественное питание
Прочие услуги населению	Финансы и страхование. Сделки с недвижимостью, аренда, лизинг
Нет соответствия	Управленческая деятельность
Нет соответствия	Административная деятельность
Нет соответствия	Государственное управление

Модели сервисного развития России

Сервисные отрасли не самодостаточны. Они всегда производны и зависимы от реального сектора экономики. Жить, потребляя одни лишь услуги, невозможно. Следовательно, вопрос о направлении сервисного развития напрямую зависит от выбора иноотраслевой несервисной парадигмы.

В Российской империи в качестве такой парадигмы выступало сельское хозяйство. Соответственно, приоритетное развитие в сфере услуг получили направления, производные от сельскохозяйственной доминанты, — обслуживание помещичьей элиты, транспортировка сельхозтоваров, экспорт зерна (рис. 2.4.1).

В СССР услуги структурировались вокруг приоритетного для советской экономики индустриального производства. По этой логике на первый план выдвигаются из сервисных отраслей — ремонт бытовой техники, транспортировка промышленного сырья и товаров, социально-бытовое обслуживание индустриальных центров (рис. 2.4.2).

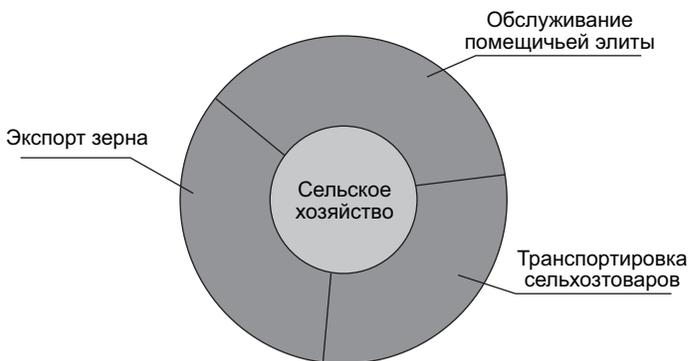

Рис. 2.4.1. Сервисная модель Российской империи

Рис. 2.4.2. Сервисная модель СССР

На смену аграрноцентричной системе Российской империи и индустриальноцентричной системе СССР пришла модель, парадигму которой составил экспорт сырья. Экономика экспортно-сырьевого типа определила приоритетность таких отраслей услуг, как сервис развлечений и туризм, обслуживание нефте- и газопровода, функционирование финансового сектора (рис. 2.4.3).

Заменить ее, как советуют адепты постиндустриализма, новой моделью, ядро которой составят наукоемкие технологии, не получится. Наука сама по себе существовать не может. Она должна быть приложима к какой-либо предметной сфере. Поэтому наиболее реалистичным было бы вести речь о формировании технологически модернизированной неоиндустриальной парадигмы будущего развития России.

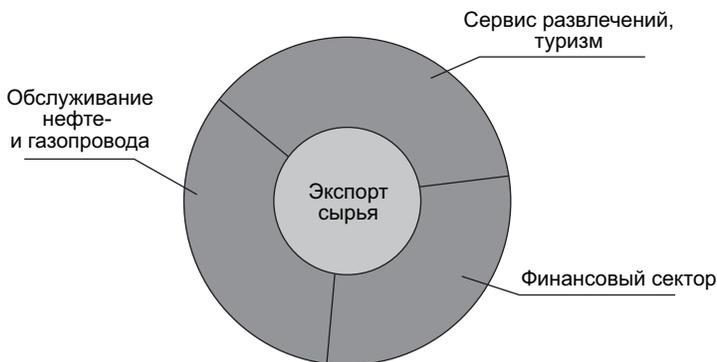

Рис. 2.4.3. Сервисная модель Российской Федерации

Сервис в отраслевой структуре занятости населения

Высокий показатель занятости в сфере услуг, казалось бы, является своеобразным индикатором принадлежности страны к «мировой элите» (рис. 2.4.4)⁹⁷.

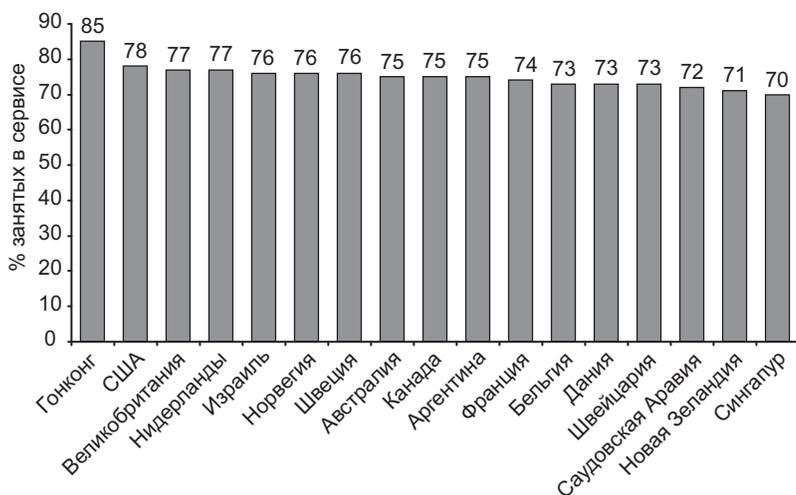

Рис. 2.4.4. Страны мира с наибольшей долей занятости в сфере сервиса

⁹⁷ Мир в цифрах — 2009. М., 2009.

Наибольший показатель из «золотомиллиардного» клуба у США — 78%, наименьший у Испании и Италии — по 65%. Для сравнения: в России в сфере услуг занято 60% трудоустроенных граждан.

Среди стран, которые имеют показатель, превышающий условно высокий уровень в 70% занятых в сервисе, — за редким исключением — представители «золотого миллиарда». Наличие сходной структуры занятости у Гонконга, Саудовской Аравии и Сингапура также объясняется их специфической ролью в мировых торгово-финансовых потоках. Гонконг вообще является безусловным международным лидером по утверждению модели сервисного общества, заметно опережая по этому показателю даже США.

Однако, являясь косвенным свидетельством особого привилегированного статуса в мировом распределении труда, высокий уровень занятости в сфере услуг еще не означает наличия высоких потенциалов развития.

Посмотрим на перечень стран, являющихся аутсайдерами по степени сервисной включенности трудоустроенного населения (рис. 2.4.5)⁹⁸. Условный уровень относительно низкого удельного веса занятости в сфере услуг — 50%.

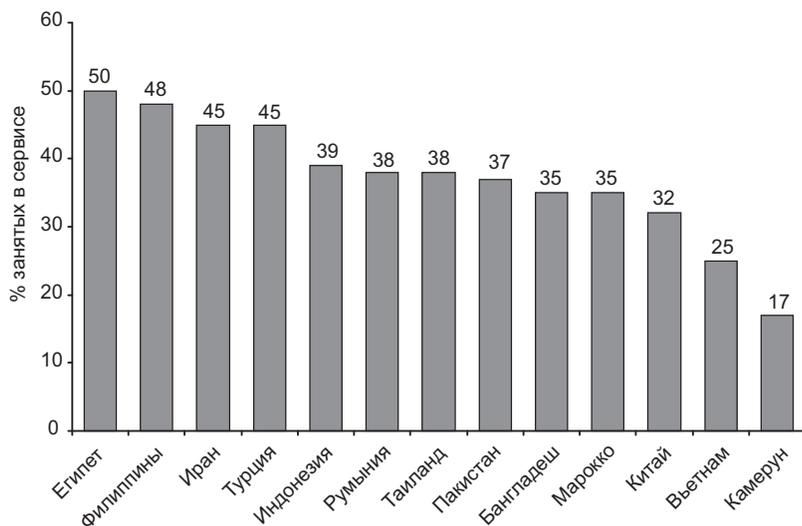

Рис. 2.4.5. Страны мира с наименьшей долей занятости в сфере сервиса

⁹⁸ Мир в цифрах — 2009. М., 2009

В этом перечне оказываются и Китай, и Турция, и Пакистан, и Иран. Говорить об их экономической неразвитости невозможно. В целом группа сервисно неразвитых стран демонстрирует даже более высокие темпы развития экономики, чем сервисные лидеры.

Принципиальный вопрос в свете рассматриваемой проблематики — дифференциация «трудового» и «спекулятивного» компонента, подаваемого под маркером «сервис». На этом противопоставлении основывается, в частности, подход школы Л. Ларуша. Именно сервис рассматривается им как сфера концентрации фиктивного капитала. На этом основании сервисная виртуальная экономика противопоставляется физической (в терминологии Л. Ларуша) экономике, построенной на реальном товарном производстве промышленного и сельскохозяйственного секторов.

В действительности сервис гетерогенен. Одно дело — финансово-эмиссионная сфера, совсем другое — ремонт бытовой техники или инженерная наладка производственных линий и иного крупного оборудования. С одной стороны, преимущественно «трудовая», с другой — в значительной мере «рентная» парадигма сервисной деятельности.

Процесс сервисизации стран «золотого миллиарда» обеспечивается главным образом за счет развития финансово-эмиссионного компонента сервисной деятельности. Именно за счет него и обеспечивается их первенство в мире по удельному весу сервиса в отраслевой структуре занятости и в структуре ВВП. Но ведь это очевидный признак финансового рентного паразитизма.

Обращает на себя внимание нетождественность странового распределения между долями торгово-финансовой деятельности и прочих услуг в отраслевой структуре занятости (рис. 2.4.6–2.4.7)⁹⁹.

Лидировавшая по первому из этих двух показателей Австралия по второму показателю оказалась существенно оттесненной вниз. Еще больший диссонанс по этим показателям фиксируется применительно к странам Восточной Европы. Будучи включенной в финансово-экономическое поле западной цивилизации, они по доле прочих услуг имеют один из худших региональных показателей, опережая только Африку.

---

⁹⁹ Кузык В.Н., Яковец Ю.В. Становление интегрального экономического строя — глобальная трансформация XXI века. М., 2008.

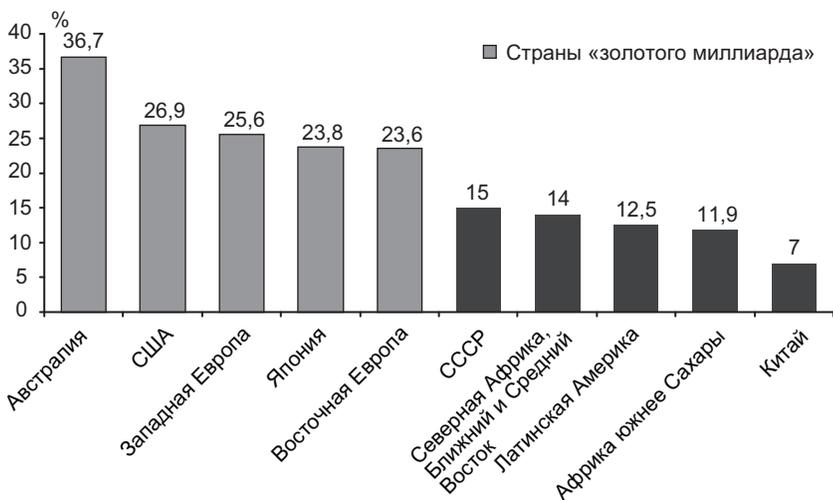

Рис. 2.4.6. Доля торговой и финансовой деятельности в структуре отраслевой занятости по странам и регионам мира

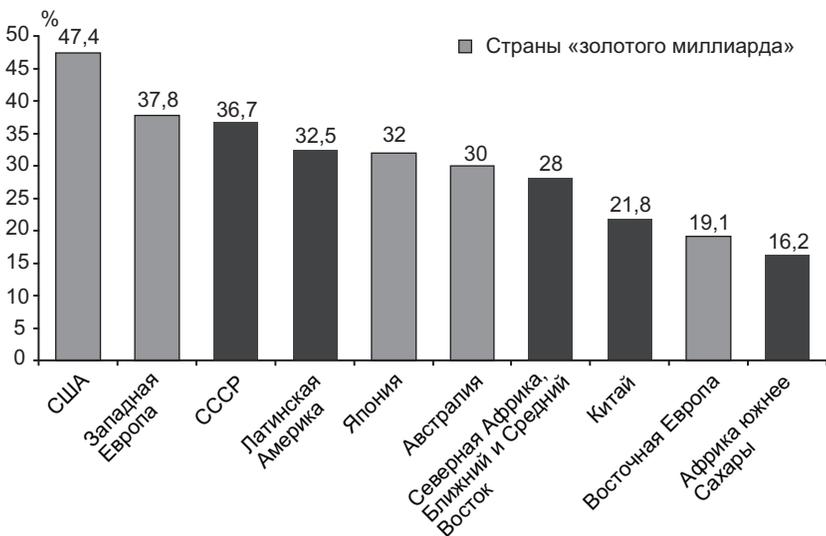

Рис. 2.4.7. Доля «прочих услуг» в отраслевой структуре занятости по странам и регионам мира

Принципиально иную модель представляет собой развитие сервиса в Китае. По показателю доли торговой и финансовой деятельности КНР занимает однозначно последнее место среди всех геоэкономических субъектов мира.

В то же время по прочим услугам позиция Китая в страновом сопоставлении более внушительна. От первого места он отстает по торговой и финансовой деятельности в 5,2 раза, тогда как по прочим услугам только в 2,2 раза. При вычете торгово-финансовой сферы страны бывшего СССР и Латинской Америки опережают по занятости в сервисе членов «золотомиллиардного» сообщества Японию и Австралию. Причем постсоветская геоэкономическая зона идет по прочим услугам фактически вровень с Западной Европой.

Представление об основаниях американского «сервисного общества» можно получить при анализе структуры ВВП США. Помимо расходов на деятельность правительства, что тоже само по себе показательно в свете неолиберального идеомифа о процессе отмирания государства на Западе, преобладающие позиции в ней прочно занимают ниши финансово-торговой деятельности и связанные с ними сферы потенциальной трудовой имитации (рис. 2.4.8).

Тезис о рентообусловленной успешности Запада, впрочем, не следует абсолютизировать. Безусловно, и США, и Западная Европа не только обогащаются на эмиссии денег, но и развивают передовые высокотехнологичные области сервиса. Подлинная экономическая мощь Соединенных Штатов Америки, конечно, преувеличена. Однако и без этого преувеличения она представляет собой весомую величину, с которой необходимо считаться. Другое дело, что представляемая ею экономическая модель в силу ее специфичности не может быть признана в качестве мирового универсалия успешности.

Нетождественность удельного веса торгово-финансовой деятельности и прочих услуг в отраслевой структуре занятости по странам мира не следует преувеличивать. Страны Запада сохраняют первенство по обоим показателям, в то время как Африка находится, соответственно, на предпоследнем и последнем местах. Полученный в виде ренты через сферу торгово-финансовой деятельности капитал создает люфт отраслевой реструктуризации

Рис. 2.4.8. Структура внутреннего валового продукта США

населения. За счет него финансируются сферы с наименьшей затратностью физического труда человека.

Труд в его физическом смысле становится все более непривлекательным, все больше воспринимается в качестве признака низкой социальной статусности (удел гастарбайтера). Именно сервис предоставляет возможность для ухода от физического формата трудовой деятельности.

Сервис сервису — рознь. Оказание услуг при затрате для этого трудовых усилий имеет место. Например, наука. Или бытовые услуги. Или услуги по монтажу производственного оборудования и его наладке. Но есть и другой «сервис». Такой как ростовщичество, сверхнаценки при торговле. Наконец, рентный доход, в том числе на основе несправедливого распределения добавочной стоимости между трудом и капиталом, на основе «права» эмиссии денег. Этот тип сервиса неразличим с прямым паразитизмом.

Но в силу этого измерить весомость затрачиваемого в сервисе труда часто оказывается весьма затруднительным. В результате получает распространение феномен трудовой имитации. Многочисленные менеджеры и агенты не выполняют какой-либо значимой общественной функции. Их существование также производно от фактора ренты. Сервис первого типа, в виде деятельности в сфере торговли и финансов, обусловил, таким образом, развитие сервиса второго типа, включающего область прочих услуг. Отсюда по занятости в «прочих услугах» страны «золотого миллиарда» также занимают лидирующие в мире позиции, хотя и без отрыва, характерного для параметров торгово-финансового сектора экономики.

Преодоление фантома сервисной трудовой имитации возможно при переориентации с методологии секторальной дифференциации на секторальную интеграцию. Функциональность направлений сервиса должна быть проверена по связанности ее с другими физическими секторами экономики и жизненными потенциалами страны. Необходимо преодолеть иллюзию самодостаточности секторов экономической деятельности. Применительно к отдельным видам услуг следует разработать и внедрить на практике адаптированные индексы профессиональной успешности в сферах нетоварного производства.

Методология дифференциации по секторам экономики приводит ко многим заблуждениям. Будучи представлена еще А. Смитом

и сыграв важную роль в становлении экономической теории, она к настоящему времени служит основанием для эмпирически деформированных представлений, в частности, таких как концепция постиндустриализма. В действительности, «чистых» экономических секторов не существует. Тренд развития состоит не в дифференциации, а в сближении секторальных ниш. Не просто несоответствующей, а прямо противоположной по отношению к теории постиндустриального общества оказывается сама траектория развития экономики. Так, традиционная аграрная отрасль, каковой является животноводство, поставлена сегодня на промышленные основания. В сферу сельскохозяйственных инфраструктур обязательно включены промышленные и сервисные предприятия. Мелкая промышленность в деревнях является характерным направлением развития экономики КНР. Именно так налажено производство заполонивших весь мир китайских игрушек.

А можно ли представить сегодня крупный завод без соответствующего сервисного сопровождения? Помимо рабочего кадрового состава, в штат любого крупного промышленного предприятия включены представители управленческого персонала юридической и финансовой деятельности предприятия, ремонта оборудования, транспортного обеспечения, услуг связи, информационно-программного обслуживания, выполнения погрузочно-разгрузочных работ, организации охраны, установки сигнализации, уборки помещений, хранения инвентаря и предметов личного пользования, медицинских и санитарно-оздоровительных служб, систем электро-, газо-, водоснабжения и водоотведения, общественного питания, осуществления текущего документооборота, рекламного продвижения товара, закупок и продаж, повышения квалификации работников и др. К какому сектору экономики — промышленности или услугам — должны быть отнесены все эти многочисленные виды профессиональной занятости?

С одной стороны, весь перечисленный персонал работает на предприятии сферы промышленности. Но с другой — промышленный товар никто из них не производит, а осуществляемая профессиональная деятельность соответствует классификатору услуг. При желании большинство работников соответствующего завода могут быть отнесены к сфере обслуживания. Граница между сервисом и промышленностью, таким образом, исчезает.

Для проверки полученных выводов перенесемся на четверть столетия назад, рассмотрев в сравнении с мировыми показателями данные по отраслевой структуре занятости в СССР. Понятие «сервис» советская статистика не использовала. Вместо него расчет проводился по разряду «непроизводственная сфера». Сравнение ее по доле занятости населения со сферой торговой и финансовой деятельности позволяет четко идентифицировать отличие в направленности сервисного развития в СССР и странах капитализма (рис. 2.4.9–2.4.10)¹⁰⁰. Распространенное утверждение о неразвитости сектора услуг в Советском Союзе не соответствует действительности. По удельному весу населения, занятого в непроизводственной сфере, СССР шел фактически вровень с ведущими западными государствами. А к середине 1980-х гг. даже превосходил соответствующие показатели Франции и Японии.

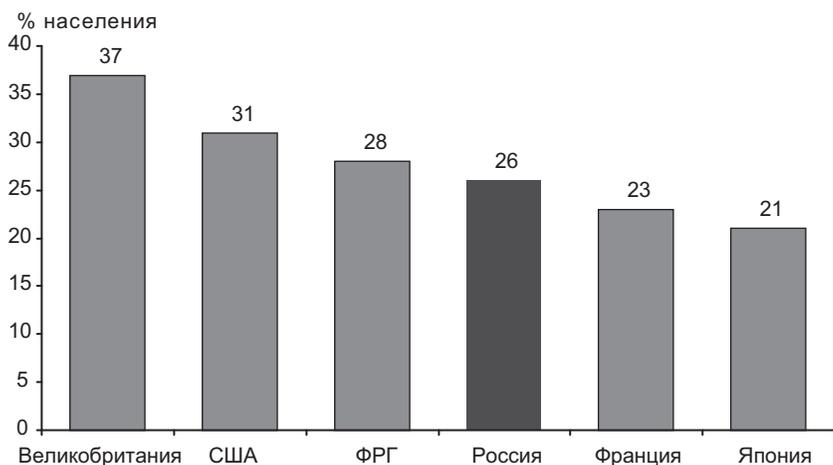

Рис. 2.4.9. Удельный вес населения, занятого в непроизводственной сфере, по странам мира (1986 г.)

Совершенно иное межстрановое соотношение наблюдалось по показателю удельного веса населения, занятого в торговле и финансовой деятельности. Здесь СССР в 4–6 раз отставал от стран капитализма. Только 5% экономически активного совет-

¹⁰⁰ *Иоффе Я.А.* Мы и планета: Цифры и факты. М., 1988; Россия в цифрах. 2008. М., 2008.

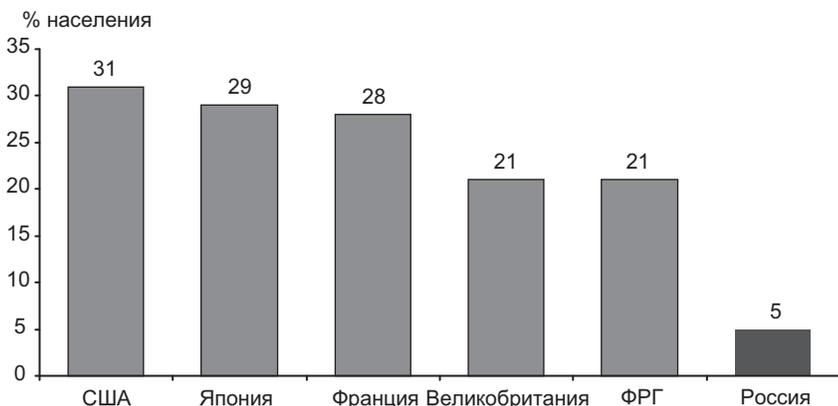

Рис. 2.4.10. Удельный вес населения, занятого в торговле и финансовой деятельности, по странам мира (1986 г.)

ского населения трудилось в указанной сфере. Для сравнения: в США соответствующий показатель составлял почти треть трудоустроенных американцев. Занятость в непроизводственной сфере в СССР превышала занятость в торговле и финансовой деятельности более чем в 5 раз. В США это соотношение было 1:1.

В этом, собственно, заключается главное различие между рентоориентированной природой сервиса стран «золотого миллиарда» и сервиса стран догоняющего типа развития, образуемого для обслуживания секторов «физической экономики».

Высокая значимость сервисной составляющей в структуре ВВП сама по себе еще не является показателем развитости. Положение о сервисе как об индикаторе передового развития основывается на традициях фрагментарной, ограниченной преимущественно группой западных стран статистики. В международные сравнения статсборников, как правило, не включаются данные по большинству «периферийных» государств мира. А между тем, их показатели по доле сервиса в ВВП более индикативны, чем у стран «золотого миллиарда». Полный учет стран мира по представленности в экономике сервисной сферы дает возможность переосмысления исследуемого феномена (табл. 2.4.3)¹⁰¹.

¹⁰¹ Мировой альманах фактов. 2008. М., 2008.

Таблица 2.4.3

Доля сервиса в ВВП в странах мира

Страна	%
Багамские острова	90
Ирак	81
Джибути	80,7
США	80
Барбадос	78
Антигуа и Барбуда	76,9
Панама	76
Бельгия	74,3
Великобритания	73,7
Сент-Люсия	73
Кабо-Верде	72
Мальта	71,7
Канада	71,2
Нидерланды	71,2
Австралия	71
Дания	71
Франция	71
Сент-Китс и Невис	70,7
Иордания	70,3
Маршалловы острова	70
Латвия	69,5
Греция	69
Люксембург	69
Мексика	69
Новая Зеландия	69
Швеция	69
Гренада	68,4
Германия	68
Португалия	67,7
Япония	67,7

Продолжение таблицы 2.4.3

Страна	%
Италия	67,6
Норвегия	67,3
Аргентина	67
Израиль	67
Уругвай	67
ЮАР	66,7
Сингапур	66
Эстония	65,6
Австрия	65
Исландия	65
Испания	65
Сан-Томе и Принсипи	65
Суринам	65
Бахрейн	64
Ливан	64
Сент-Винсент и Гренадины	64
Швейцария	64
Кения	63
Кирибати	63
Мадагаскар	63
Перу	63
Самоа	63
Ямайка	63
Венгрия	62,1
Вануату	62
Мальдивы	62
Тонга	62
Финляндия	62
Словакия	61,4
Польша	61,2
Коста-Рика	61

Продолжение таблицы 2.4.3

Страна	%
Литва	61
Маврикий	61
Намибия	61
Словения	60,5
Боливия	60
Сальвадор	60
Белиз	58
Доминика	58
Зимбабве	58
Македония	58
Фиджи	58
Хорватия	58
Куба	57,9
Болгария	57,8
Восточный Тимор	57,4
Гватемала	57
Колумбия	57
Турция	56,7
Бразилия	56
Коморские острова	56
Тунис	56
Эквадор	56
Тринидад и Тобаго	55,2
Чехия	55,2
Грузия	55
Доминиканская республика	55
Иран	55
Мозамбик	55
Сенегал	55
Таджикистан	55
Чили	55

Продолжение таблицы 2.4.3

Страна	%
Гамбия	54
Гондурас	54
Южная Корея	54
Филиппины	54
Шри-Ланка	54
Эритрея	54
Ботсвана	52
Замбия	52
Марокко	52
Казахстан	51
ОАЭ	51
Пакистан	51
Бруней	50
Гаити	50
Индия	50
Румыния	50
Сирия	50
Египет	49
Ирландия	49
Кот-д'Ивуар	49
Молдавия	49
Таиланд	49
Чад	49
Буркина-Фасо	48
Малайзия	48
Азербайджан	47
Бенин	47
Малави	47
Соломоновы острова	47
Босния и Герцеговина	46
Бангладеш	46

Продолжение таблицы 2.4.3

Страна	%
Ливия	46
Мавритания	46
Микронезия	46
Парагвай	46
Белоруссия	45
Бутан	45
Венесуэла	45
Монголия	45
Армения	44
Гайана	44
Нигер	44
Никарагуа	44
Саудовская Аравия	43,6
Йемен	43
Узбекистан	43
Индонезия	42
Республика Конго	42
Оман	42
Камбоджа	40
Киргизия	40
Непал	40
Судан	40
Кувейт	39,7
Вьетнам	39
Гана	39
Свазиленд	39
Гвинея	38
Мали	38
Сербия	38
Уганда	38
Северная Корея	37,3

Продолжение таблицы 2.4.3

Страна	%
Того	37
Эфиопия	37
Танзания	36,5
Нигерия	35
Руанда	35
Украина	35
Конго (Дом. Респ. Конго)	34
Лесото	34
Китай	33,6
Камерун	33
Папуа — Новая Гвинея	32,1
Алжир	32
Катар	32
Бурунди	31
Мьянма	31
Гвинея — Бисау	26
Ангола	25
Габон	25
Сомали	25
Албания	24
Лаос	24
Туркмения	23
ЦАР	22
Сьерра-Леоне	21
Афганистан	20
Экваториальная Гвинея	20
Либерия	19

Среди слаборазвитых экономических государств обнаруживается весьма высокий разброс доли сервиса в ВВП. Наименее сервисноориентированными странами мира являются Либерия,

Афганистан и Экваториальная Гвинея. Это, казалось бы, не противоречит традиционному представлению. Однако и лидерами в условном сервисном рейтинге являются отнюдь не страны «золотого миллиарда». Первые три строчки в нем занимают Багамские острова, Ирак и Джибути. Только вслед за ними идут Соединенные Штаты Америки. В группу стран со сверхвысокой (более 70%) долей сервиса в структуре ВВП входят также ряд экзотических государств: Барбадос, Антигуа и Барбуда, Панама, Сент-Люсия, Кабо-Верде, Мальта, Сент-Китс и Невис, Иордания. Сервисное развитие по отношению к ним не стало эквивалентом высоких технологий. Напротив, для некоторых из перечисленных стран — как, например, для Ирака — оно явилось проявлением системной разбалансировки (в иракском случае — результатом уничтожения индустриальной и, отчасти, аграрной инфраструктур).

Рост сферы сервиса может иметь, таким образом, амбивалентные по отношению к критерию устойчивости развития последствия. В одних случаях он соотносится с высокой экономической развитостью. Однако в других случаях выступает проявлением паразитарного характера сложившегося типа экономики. М. Вебер определял в свое время такие системы через дефиницию спекулятивного капитализма. Средиземноморские средневековые фактории были столь же сервисноориентированы, что и ряд современных «курортных республик». Сервис, таким образом, должен быть дифференцирован на две ниши — передовых технологий нематериального производства и виртуального финансового капитала. Для их разграничения требуется соответствующий фильтр государственной политики (рис. 2.4.11)¹⁰².

Для ряда динамично развивающихся экономик современного мира характерна сравнительно низкая доля сервиса в структуре ВВП. Так, новая экономическая сверхдержава Китай находится во втором десятке стран по наименьшему удельному весу сферы услуг во внутреннем валовом продукте. Сравнительно невелика сервисная составляющая в ВВП других гигантов мировой экономики — Саудовской Аравии, Индии, Индонезии, Бразилии, Кореи. Сервис не превышает половины ВВП и в имевшей в последние годы наиболее высокие темпы роста в Западной Европе ирландской экономике, и в одной из наиболее динамичных

---

¹⁰² Мировой альманах фактов. 2008. М., 2008.

Рис. 2.4.11. Страны с наибольшей долей сервиса в ВВП

на постсоветском пространстве — белорусской. Таким образом, удельный вес сферы услуг сам по себе не определяет уровня экономической развитости. Оптимум эффективности сервисных систем в мире определяется в каждом конкретном случае специфическими условиями странового развития. Представление о сервисной трансформации структуры валового внутреннего продукта не подтверждается (рис. 2.4.12).

Позиционирование сервиса как однозначно (в силу самой своей природы) наиболее перспективного направления экономического развития не соответствует статистическим данным. Если доля занятости в сфере услуг увеличивалась, а доля ВВП оставалась неизменной, то из этого следует, что производительность труда в соответствующем секторе экономики снижалась. Соотношение между этими величинами в течение века устойчиво сокращалось (рис. 2.4.13).

Сегодня удельный вес сервиса в ВВП все еще выше доли занятости населения в сервисной сфере. Но соотношение это имеет

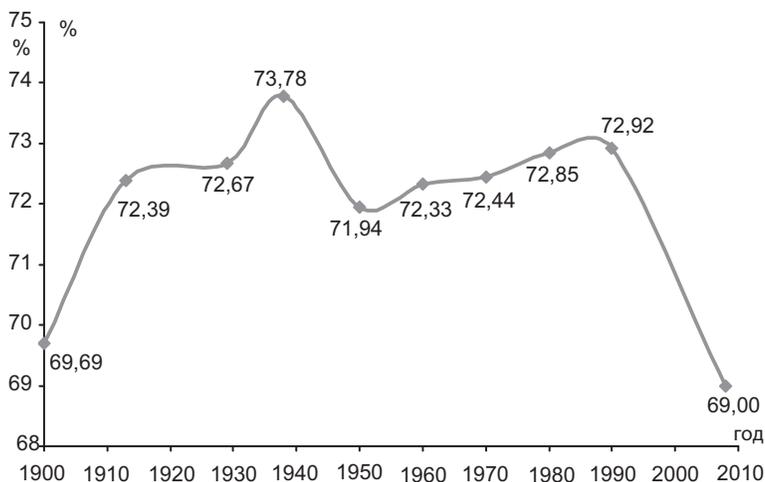

Рис. 2.4.12. Общая доля услуг в мировом ВВП

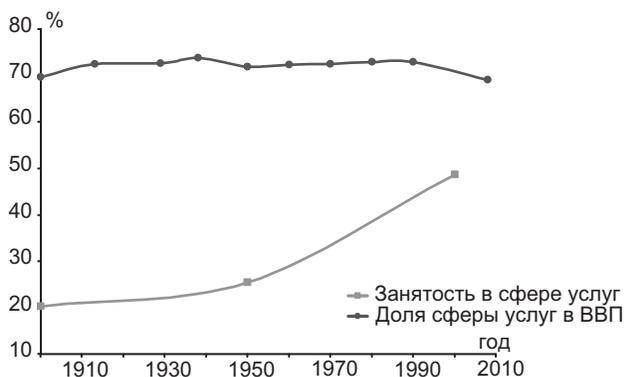

Рис. 2.4.13. Сравнение доли в занятости и в ВВП сферы услуг в мире

свои страновые различия. Так, в Китае удельный вес услуг в ВВП, несмотря на тенденцию сближения, все еще превосходит соответствующую долю занятости. В США эти показатели совпадают. А вот в России доля занятости в сервисе уже превышает его долю в валовом внутреннем продукте. Это означает, что в Российской Федерации труд в сервисной сфере сегодня наименее производителен по отношению к сопоставляемым странам.

При расчете показателей различных секторов экономики необходима важная методологическая оговорка. Валовой внутренний продукт рассчитывается как совокупная рыночная стоимость товаров и услуг конечного потребления. К нишам натурального и полунатурального хозяйствования этот метод расчета не применим. А таковых ниш в традиционном обществе было предостаточно. Соответственно, многие из них в валовой внутренний продукт включены не были. Прежде всего деформировалась в направлении уменьшения сфера сельскохозяйственного производства. Натуральные формы хозяйствования по сей день имеют достаточно широкое распространение за границами западного мира. Однако на итоговые выводы исследования данное искажение существенно не повлияло.

Пусть сектор сельского хозяйства имел более высокие показатели на начальных интервалах рассматриваемого исторического периода. Что это меняет? Пропорции соотношения промышленности и услуг — главный вызов теории постиндустриализма — при этом остаются неизменными. К тому же и услуги в традиционном обществе по многим своим направлениям столь же сложно фиксируемы, как и полунатуральное сельскохозяйственное производство. Как, например, идентифицировать работу домохозяйек в собственном домашнем хозяйстве? А ведь труд женщин по найму в общественном производстве имел минимальное распространение. Невключенность в расчет ВВП определенных ниш сельского хозяйства в какой-то степени компенсировалась, таким образом, аналогичной невключенностью в сфере услуг.

Проведенный анализ позволяет критически посмотреть на сформировавшиеся вокруг категории «сервис» объяснительные и интерпретационные стереотипы. Многие недоразумения в осмыслении феномена сервиса и относящейся к нему управленческой технологии связаны с автоматическим заимствованием западного категориального аппарата. В его основе лежит трактовка «неосвязаемости услуг», связанная с противопоставлением сервисной сферы в качестве технологического мейнстрима общественного развития «отживающим» свой век физическим (товарным) секторам экономики — аграрному (традиционное общество) и промышленному (индустриальное общество). Однако развитие западного сообщества имело специфические

цивилизационные черты, связанные исторически с его военно-политической и финансово-экономической гегемонией в мире. Запад был и остается, по сути, мировой метрополией. Его сервисноориентированная модель экономики является прямым следствием метропольного положения. Экстраполяция этой системы в страны иного цивилизационного типа развития не только бесперспективна, но и чревата значительными деструктивными последствиями.

«Сервисный бум» в России постсоветского периода имел в своей основе ложные стратегические ориентиры. Возникла иллюзия перехода на постиндустриальную стадию развития. На практике же это обернулось деиндустриализацией России, разрушением традиционных производственных инфраструктур. Будучи зависимой и производной от состояния других отраслей деградировала и сама система обслуживания. «Сервисная революция» нанесла в итоге удар по потенциалам самого российского сервиса. Данный исторический урок подтверждает правильность формулируемого требования по переосмыслению функциональных ориентиров сервиса. Логика истории, а соответственно, и логика развития сервисного направления выводит сегодня человечество на этап социальной синергии. Не дифференциация, а синтез является мейнстримом грядущей эпохи.

Глава III. Когнитивные и политические ловушки постиндустриализма

3.1. Постиндустриализм как идеологический элемент легитимации неоколониализма

Приведенный в предыдущих разделах анализ теории и идеологии постиндустриализма позволяет критически посмотреть на сформировавшиеся вокруг этого концепта объяснительные, интерпретационные и политико-управленческие стереотипы. Не прошли проверки футурологические представления о формировании «сервисного общества» (как формы воплощения постиндустриального общества). Эмпирически не подтверждается модель генезиса в виде стадийного исторического процесса секторальной дифференциации труда. Доказано, что сфера услуг не связана непосредственно с эпохой постиндустриальных отношений. Уже в традиционном обществе фиксируется наличие диверсифицированных сервисных инфраструктур. Сам подход, в виде жесткой дифференциации секторов экономики, нуждается в пересмотре в условиях интеграции и взаимодействия различных ниш профессиональной деятельности.

Вместе с тем, не выдерживающая логическую и феноменологическую верификацию теория постиндустриального общества претендует на заметное место в мировой науке, широко тиражируется. В России эта теория стала практически официальным государственно-управленческим ориентиром экономического «развития». Причем в условиях, когда анализ показывает, что страны, развивающиеся вне рамок постиндустриальной парадигмы, более успешны в своем развитии. Концепт постиндустриализма действительно выходит за рамки собственно научной теории, он содержит систему идеологических вложений, интенсивно используемых в политической практике — как внутри западного общества, так и в программе глобализации.

Широко известен и методологически признан при описании геополитической реальности современного мира концепт так называемого мир-системного моделирования¹. Согласно ему,

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006;

в «длинный XVI век» была сформирована единая планетарная мир-система. В ней имеются центр (страны Запада), полупериферия (к которой относится, в частности, Россия) и периферия (рис. 3.1.1).

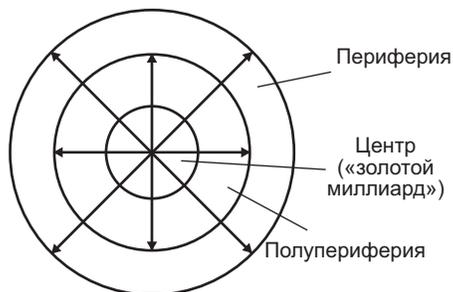

Рис. 3.1.1. Современная мировая система

Модель мир-системы имеет дело не только с геополитическим содержанием. Геополитические «координаты» в ней увязываются с определенной структурой отраслевого разделения труда (рис. 3.1.2).

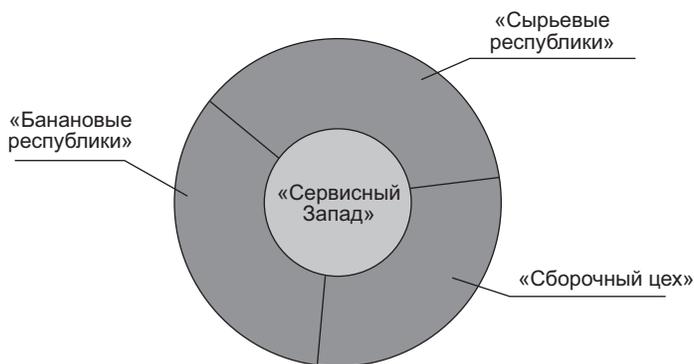

Рис. 3.1.2. Современная неокOLONиальная модель международного разделения труда

Валлерстайн И. Миросистемный анализ // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* Новосибирск, 1998. Выпуск 1; *Валлерстайн И.* Изобретения реальностей Времени-Пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* Новосибирск, 2001. Выпуск 2.

Выступающий в качестве ядра мир-системы Запад позиционируется как сервисный центр мира. Избранная им сервисноориентированная парадигма развития в своем основании имеет финансово-эмиссионный механизм планетарного масштаба. Не бытовые же услуги Запад оказывает миру! Прежде всего он эмитирует необеспеченные доллары, ценные бумаги, «экспортирует» этот «товар», а взамен получает реальные блага. Это исключительное положение называется «сервисным обществом», выдается за стадиальный передовой пример всему миру. Но очевидно, что такая схема во всем мире неприменима, за исключением, может быть, стран — валютных эмитентов, если они сумеют в борьбе валют с долларом отвоевать себе международный валютный рынок кредитования.

Современная схема сервисизации в финансовом смысле — это аналог схемы, по которой метрополии когда-то извлекали из классических колоний блага, применяя насилие. В современной версии блага извлекаются модернизированным образом через присвоенное право эмиссии мировой резервной валюты. Физическое же производство реальных благ осуществляется в иных частях мира. Если совсем упростить формулу современного неокOLONIALИЗМА, то реальные блага вымениваются на довольно дешевую по своей себестоимости зеленую «бумагу» (конечно, понимая при этом, что активы имеют и электронную, и производную финансовую форму ценных бумаг, депозитарных расписок, забалансовых деривативов и т. п.).

Когда-то для объяснения и оправдания колониального типа отношений в мире, вывоза миллионов рабов из Африки была предложена соответствующая «научная» теория. Она именовалась расовой (точнее расистской) теорией. Появилась некогда и научная «теория», обслуживавшая фашизм; она объясняла и оправдывала гитлеровские взгляды на устройство мира. Наука, ее модели и теории неоднократно в истории человечества проходили и проходят тяжкое испытание обслуживанием идеологии и субъективных интересов. Во вводной главе было показано, что от научности в таком случае мало что остается.

В современности в подобной роли выступают внешне «респектабельные», интеллектуализированные версии — такие как война цивилизаций, глобализм; в частности, к этому ряду очевидно принадлежит и постиндустриализм.

Периферия обеспечивает Запад товарами реальных секторов экономики. Причем каждой из включенных в глобализационную систему периферийных стран отводится своя ниша в мировой специализации. Выделяются три типа такой специализированности.

1. «Банановые республики».
2. «Сырьевые республики».
3. «Сборочный цех».

Им соответствуют сектора сельского хозяйства, добывающей промышленности и обрабатывающей промышленности. Именно благодаря этому обеспечению со стороны периферии Запад смог переквалифицироваться на преимущественное развитие сферы услуг, в которой доминируют финансы.

Россия в последнее десятилетие, последовательно реформируя свою национальную экономику, устремлена в мировом разделении труда к состоянию страны-полупериферии второго типа.

Современный неокOLONиализм — это система финансово-экономического господства группы стран «золотого миллиарда» (неометрополий) над остальными странами. С распадом традиционных мировых колониальных систем на карте мира появилось большое число новых самостоятельных государств. Запад де-юре потерял положение мировой метрополии, однако де-факто этого не произошло. На смену «силовому» колониализму пришла новая модель мирового паразитирования.

В существующей мировой системе жизнеустройство периферии и полупериферии не может быть обустроено так же, как в центре. Они имеют только небольшие анклавные современные производства и быта, обеспеченные ресурсами за счет архаизации производства и быта подавляющего большинства населения.

Идеологема постиндустриализма с ее идеей о едином неизбежном пути развития для всех стран и разделением государств на развитые («золотой миллиард»), якобы более передовые, которые уже перешли на «новый этап» развития, и менее развитые, фактически обосновывает право стран Запада на более высокие стандарты жизни и потребления. Причем речь здесь идет о потреблении даже в прямом смысле, в частности, пищевой продукции. Так, например, в 1995 г. потребление мяса на душу населения в США почти в 40 раз превосходило аналогичный показатель некоторых развивающихся стран (рис. 3.1.3).

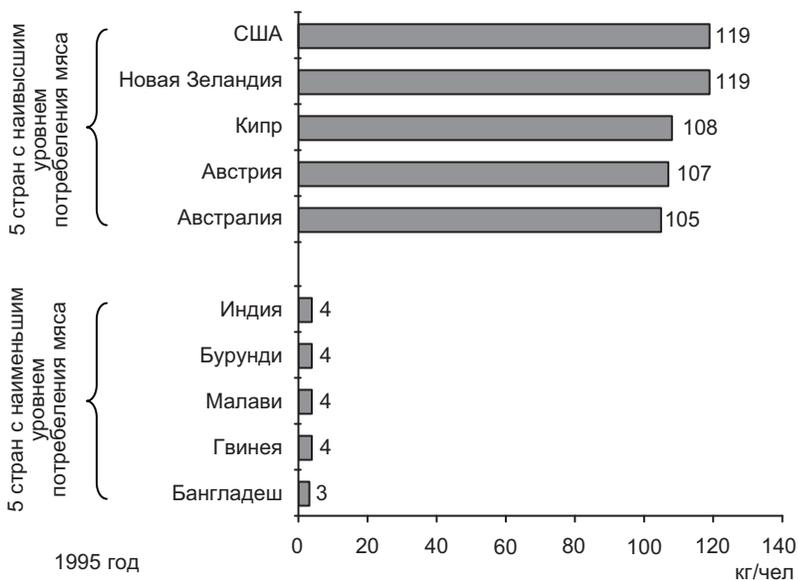

Рис. 3.1.3. Потребление мяса на душу населения
(по данным ООН, 1995 г.)

В развивающихся странах около 1 млрд человек хронически недоедают и около 3 млрд не имеют доступа к базовым средствам санитарии и гигиены. Вместе с тем, стоимость удовлетворения базовых потребностей в здравоохранении и продуктах питания для населения всего земного шара составила бы всего 13 млрд долл. в год. При этом в США и Европе ежегодно 17 млрд долл. тратится только на деликатесы².

Составляя лишь 5% населения земного шара, американская нация потребляет 40% мировых ресурсов. Каждый американец потребляет сегодня столько же, сколько 8 представителей остального человечества, а по странам, не относящимся к «золотому миллиарду», — даже 12 человек. На 6 тыс. человек в развивающихся странах приходится один врач. В развитых странах один врач приходится на 350 человек³.

Теория постиндустриализма фактически легитимизирует существующий современный мировой «порядок». В ее рамках он

² Вандепитте М. Глобализация языком цифр, 2008.

³ Там же.

признается «естественным», обусловленным переходом стран «золотого миллиарда» на «новую» ступень развития. Легитимность «перехода» оправдывается тем, что, мол, все страны когда-нибудь также придут в такое состояние.

Именно потому, что данная теория расходится с феноменологией, как это показано выше, но обслуживает *интересы*, ее, как тип интеллектуального продукта, необходимо вывести из ранга научного продукта в ранг идеологии и политических информационных продуктов. Принять концепт постиндустриализма исключительно за научную теорию — это значит оказаться в когнитивной ловушке. И это касается не только сферы интеллектуальной деятельности. На следующем шаге, если эта теория закладывается в обоснование государственной политики развития, ловушка возникает уже во вполне материальной сфере жизни целой страны и ее народа.

Тут есть тонкие обстоятельства, заключающиеся в том, что многие ученые и политические деятели действительно уверовали в малосостоятельную теорию. Но добросовестность их заблуждения не снижает уровень угрозы мировому развитию, его гармоничности, устойчивости и гуманизму.

В соответствии с неокOLONиальной моделью мира социальное расслоение на современном этапе — это не только дифференциация граждан внутри одной страны, но и противоречия в материальном положении между различными странами, в мире в целом. На одном полюсе уровня жизни пребывает «золотой миллиард», на другом — остальное полупериферийное и периферийное человечество. И разрыв между ними год от года возрастает (рис. 3.1.4).

На рис. 3.1.4 представлена динамика социальной дифференциации мира за последние четверть XX столетия. Показатель рассчитывался как разница в доходах на душу населения для стран, занимающих по этому показателю первое и последнее (151-е) место в мире. Эти позиции в течение рассматриваемого периода занимали, соответственно, Люксембург и Заир. За 25 лет разрыв между ними вырос в 2,5 раза — с 29,9 тыс. до 73,9 тыс. долл. В целом положение дел характеризует такая характеристика, как функция распределения населения земного шара по доходам. Ее динамика может быть прослежена через значение ВВП на душу населения в страновом разрезе.

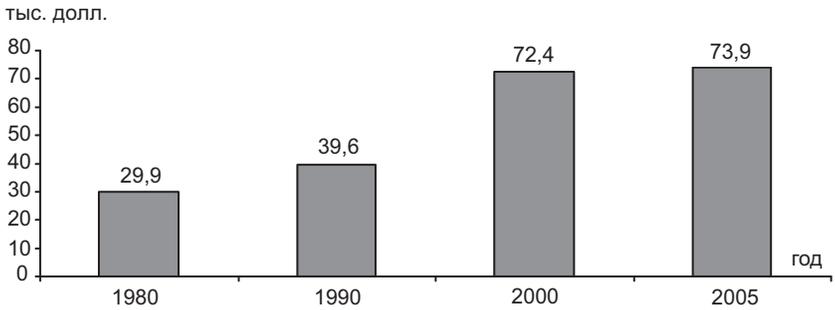

Рис. 3.1.4. Динамика социальной дифференциации мира (разница годовых доходов на душу населения между странами, занимающими 1-е и 151-е места в мире)

Колоссальные диспропорции в уровне материального обеспечения различных стран современного мира, наличие богатых и бедных популяций существуют при декларируемом международным правом формальном равноправии.

Сравнение динамики ВВП на душу населения самых богатых и самых бедных стран показывает, насколько более высокими темпами стал увеличиваться этот разрыв после Второй мировой войны (рис. 3.1.5).

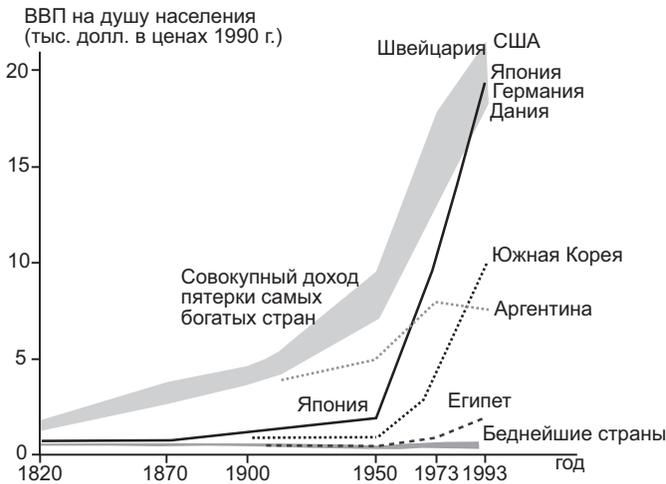

Рис. 3.1.5. Динамика ВВП на душу населения в самых богатых и самых бедных странах (по данным ООН)

Чтобы понять источник преуспевания США и Запада, можно сопоставить этот график с интенсивностью работы печатного долларowego станка, которая составляет основу «постиндустриального» мирового паразитирования (рис. 3.1.6).

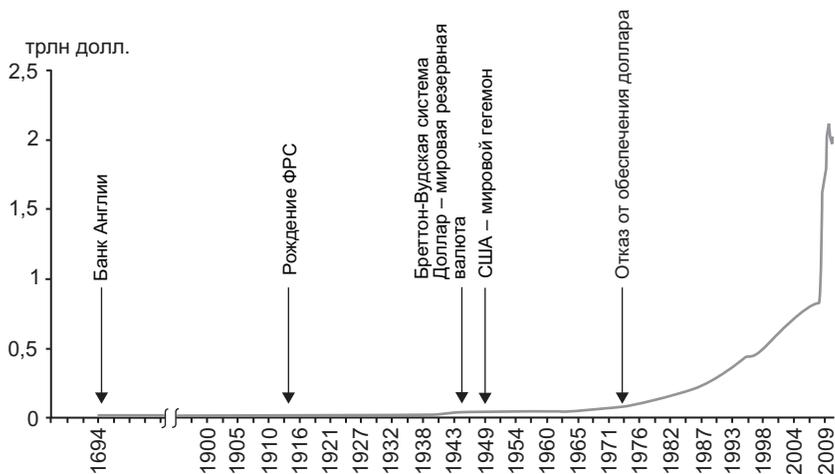

Рис. 3.1.6. Интенсивность производства долларовой денежной базы Федеральной резервной системой США (по данным ФРС)

Связь, в общем, видна невооруженным взглядом. Современная неокOLONиальная система гораздо более «успешна» в смысле своей функциональности, чем распавшаяся колониальная. Приведенные данные показывают и то, чей бенефит максимизируется в результате «постиндустриального» развития современного мира.

Идеологема постиндустриального общества, тесно сцепленная с доктриной глобализации и пронизанная американоцентризмом, является одним из инструментов укрепления мировой системы, построенной по принципу «центр–полупериферия–периферия». «Постиндустриальное» общество Запада как метрополия глобального капитализма отделено от «внешнего пролетариата», не включенного в «золотой миллиард», примерно так же, как просвещенные свободные граждане Афин были отделены от рабов (этот порядок часто называют «неоантичностью»). В докладе Римского клуба «Цели для глобального общества»⁴ речь идет

⁴ Laslo E. Goals for Mankind: a report to Club of Rome on new horizons of human system. № 4. 1975.

о глобальной системе, управляемой «благотворительной диктатурой технократической элиты». Идеологема постиндустриализма — инструмент этой технократической элиты. В результате доктрина приобретает конфронтационный порядок и вступает в конфликт с интересами большинства человечества.

Суть конфронтации в том, что поддержание существующих стандартов потребления на Западе возможно только при условии эксплуатации остальных стран мира и низком уровне жизни 5 млрд населения планеты. «С сегодняшнего дня Великобритания условно исчерпала свои ресурсы и начала жить в долг... рассчитали эксперты лондонского аналитического New Economics Foundation. Учитывая регенерацию экосистемы, воспроизводство промышленных товаров, сельскохозяйственной продукции и т. п., эта условная дата определяется каждый год. Однако тенденция не в пользу Великобритании. В 1961 г. она оказалась в должниках у всего мира 9 июля, в 1981 г. — 14 мая. При этом у Великобритании не самая худшая ситуация. ... В мировом масштабе день, аналогичный 16 апреля в Британии, наступит 23 октября, утверждают исследователи. В целом, если бы уровень потребления остальных стран мира совпадал с британским, то Земля смогла бы прокормить и обогреть человечество только до 1961 г. Сейчас для этого понадобилась бы ресурсная база трех с лишним планет»⁵.

Таким образом, современная неометрополия потребляет «за троих». Следовательно, поддержка существующего мирового порядка возможна только при условии ресурсного голода двух третей человечества, и никакой возможности позволить этим двум третям преодолеть их «слаборазвитость» и обеспечить населению «достойную жизнь» в новом мироустройстве не предполагается. Напротив, ряд сегодня еще развитых стран в силу этого порядка придется ввергать в состояние повышенной эксплуатации.

Таким образом, налицо система глобального паразитизма стран Запада, а идеологема постиндустриализма де-факто служит механизмом объяснения и воспроизводства этой системы. При этом вполне допустимо предположение, что множество «интеллектуалов», не особенно озабоченных критериями научной истины, что в современной гуманитаристике довольно рас-

---

⁵ Англия исчерпала ресурсы // <<http://www.vz.ru/society/2006/4/16/>>.

пространено, искренне увлечены представлением о научности, о прогностическом потенциале теории постиндустриализма.

Нельзя игнорировать еще один момент. Формационный статус постиндустриализма с его «пострыночными» тенденциями нарушает принципы эквивалентного обмена и возрождает «словные» отношения. Это же наблюдается и в самом «постиндустриальном производстве» Запада. Социологи обращают внимание на явление, возникшее в 1980-е гг., когда реальная зарплата рабочих упала в США на 13%, а соотношение средней зарплаты топ-менеджера и рабочего в американских корпорациях выросло с 30:1 до 500:1. Топ-менеджеры в постиндустриальной системе превратились в особую касту, доходы которой определяются фактом принадлежности к этой касте, а не успехами предприятия. В 1992 г. типичная крупная компания с доходом 400 млн долл. выплачивала своим менеджерам высшего звена в среднем 1,04 млн долл. в год, а компания, терпящая убытки на ту же сумму в 400 млн долл., платила своим руководителям в среднем 800 тыс. долл.⁶ Это — вовсе не преодоление отчуждения труда, предрекаемое апологетами постиндустриализма, а возрождение сословных отношений, «кормление» члена господствующей группы⁷.

Анализ показывает, что идеологема постиндустриального общества тесно связана с тоже идеологической доктриной неолиберализма. Постулаты постиндустриализма провозглашают модель развития западных стран эталонной и неизбежной для остального мира, а неолиберализм наполняет государственность стран мира необходимым содержанием, попросту снижая в национальных государствах потенциал суверенности. В результате в «отсталых» странах, не противящихся или не имеющих возможности противиться такому вмешательству, внедряется «эталонная» неолиберальная модель, ослабляющая государственность и, соответственно, способность противостоять международному неокOLONIALИЗМУ, и образующая резко отрывающееся от большинства населения меньшинство, защищающее этот порядок. Богатое меньшинство в неокOLONИЯХ становится компрадорским

---

⁶ Список самых высокооплачиваемых менеджеров США в 1992 г. возглавлял исполнительный директор «Хоспитал корпорейшн» Томас С. Фрист с годовым доходом 127 млн долл.

⁷ Уоллич П., Коркоран Э. Зарплата не по труду. — В мире науки. 1992, № 6.

институтом, мотивированным на особые отношения с неометрополией. Так рождается мировая сеть, так ослабляется институт национального государства.

В результате модель сильного меньшинства, заинтересованного в поддержании существующего порядка, закрепляется в мировом масштабе. Вот как выглядит эта модель в распределении мирового дохода (рис. 3.1.7).

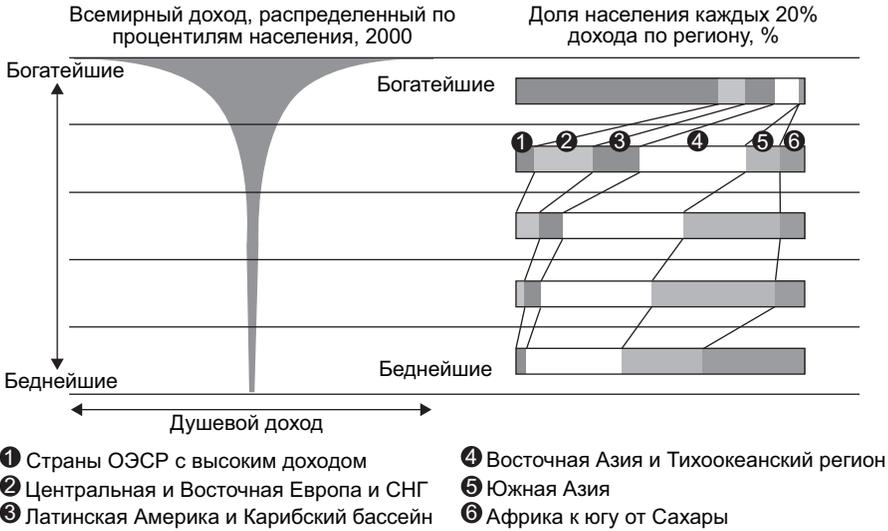

Рис. 3.1.7. Распределение всемирного дохода по группам населения

При этом разрыв в материальном обеспечении полюсов богатства и бедности (20% самых богатых и 20% самых бедных в мире) только возрастает (рис. 3.1.8).

Если в 1960-е гг. указанный разрыв измерялся 30-кратным отставанием беднейших 20% населения мира, то в 1990-е гг. — уже 60-кратным. На долю 20% самого богатого населения планеты в 1990 г. приходилось более 82% мирового дохода (рис. 3.1.9).

Провозглашаемая неолиберализмом доктрина де-факто предполагает свободу одних и несвободу и эксплуатацию других, а чтобы гарантировать неспособность национальных государств противиться новому мировому порядку ведет дело к максимальному их ослаблению.

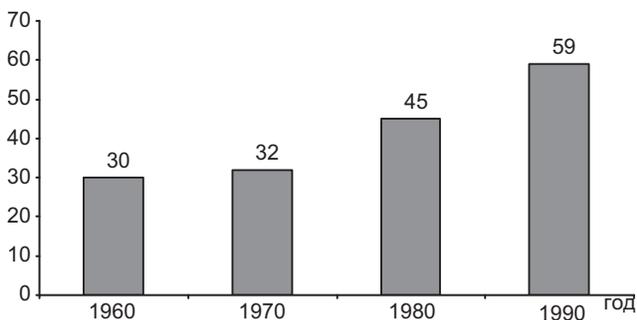

Рис. 3.1.8. Отношение доходов 20% богатейшего населения к 20% самого бедного населения планеты, в размах

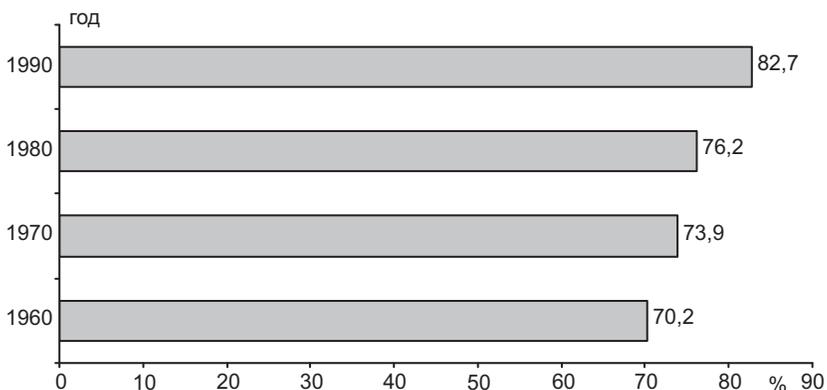

Рис. 3.1.9. Доля мирового дохода, приходящаяся на 20% самого богатого населения планеты (по данным ООН)

Исторический экскурс подтверждает устойчивость и постоянные реинкарнации этой схемы. Античный мир: греки выдвигают идею свободы. Но именно в эллинском мире процветает рабовладение. Свобода, таким образом, предназначалась не для всех.

В Средние века рабство не исчезает. Самые процветающие, свободные торговые фактории — Генуэзская и Венецианская — были ведущими центрами рабовладения и работорговли. Торговля венецианцев рабами осуществлялась по всему Средиземноморью. Как сочетались городские свободы и торговля рабами?

Понятие «человек» опять-таки относилось не ко всем. Не будучи гражданином Венеции, раб не считался и человеком.

Новое время характеризуется расцветом идеи политических свобод. Но одновременно происходит становление системы мирового колониализма и рабовладения. Показательно, что среди рабовладельцев фигурировали многие теоретики либерализма. Владельцами рабовладельческих плантаций являлись, в частности, отцы-основатели США: президенты Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон. Ценность свободы сочеталась в их представлении с обыденностью несвободы. Понятие «человек» носило по-прежнему избирательный характер.

Те же основания имел пример российских либералов-крепостников. Только в XIX в. вводится запрет в Европе, а потом и в США, на рабовладение. Но именно в это время в процессе становления колониальной системы колонизаторы научились использовать механизмы эксплуатации через косвенное принуждение. Прямое физическое рабство заменяется рабством экономическим. Свобода одних — владельцев ресурсов — по-прежнему сочетается с несвободой других, казалось бы формально свободных.

Неолиберализм современности — это доктрина, обслуживающая интересы сильного властью, финансами и военно-политическим потенциалом меньшинства, в распоряжении которого сосредоточена подавляющая часть ресурсного потенциала планеты (рис. 3.1.10).

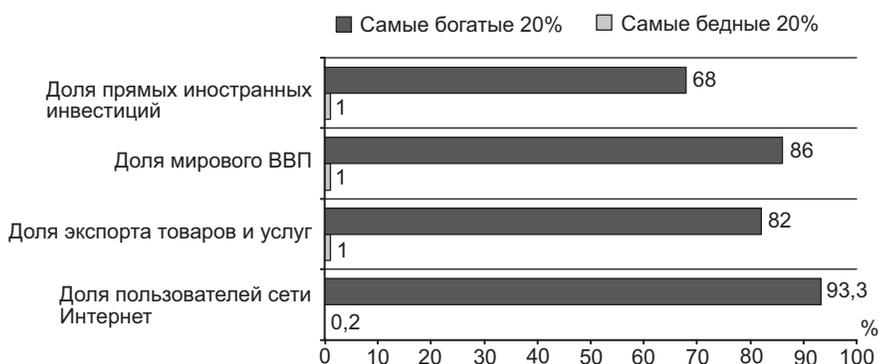

Рис. 3.1.10. Неравенство возможностей населения в глобальном масштабе (по данным ООН, 2001 г.)

На 20% населения мира приходится 86% мирового ВВП, 82% экспорта товаров и услуг, 68% зарубежных прямых инвестиций и 93,3% мирового использования сети Интернет. Общемировой коэффициент фондов (отношение доходов 10% самого богатого населения мира к 10% беднейшего) в мире в 1970 г. равнялся 51,5, а в 1997 г. — уже 127,7⁸.

Доктрины постиндустриализма и неолиберализма корреспондируют с интересами сильного меньшинства, поддерживая в мировом масштабе его претензии на право обеспечения себя за счет других.

Между тем, диспаритетная модель современного мироустройства может иметь для мира катастрофические последствия. Еще в 70-е гг. XX в. у Запада стали вызывать иррациональный страх «голодные орды с Юга», которые «наступали на цивилизацию», как варвары на Рим. В 1995 г. новый президент Римского клуба Р. Диц-Хохляйтнер заявил, что ситуация стала хуже, чем 20 лет назад, и жители Запада «все более превращаются в некое гетто, которое окружают возмущенные, готовые к бунту орды голодных, неграмотных и безработных...».

Именно реальный, а не теоретически-футурологический «постиндустриализм» 1970-х гг., заключающийся в выводе труда и материального производства за границы стран западного ареала, гипертрофировании виртуальной экономики, паразитировании за счет эмиссии доллара в мировой валютной системе, ведет к напряжению и конфликту глобального характера. К конфликту не просто между наемным трудом и капиталом, как в XIX–XX вв., а между Западом и остальным миром.

Осознание нарастающего конфликта мотивирует неометрополию осуществлять огромные расходы на оборону в целях закрепления нового мирового порядка (рис. 3.1.11).

Военные расходы США превышают военные расходы всех остальных стран мира вместе взятых. Впрочем, проблем у мирового долларового эмитента с источниками финансирования нет. Сопоставление расходов стран Запада на вооружение и на помощь развитию стран третьего мира показывает, на что именно сделана ставка в альтернативе «защищать существующий порядок или сократить диспропорции мирового развития» (рис 3.1.12).

---

⁸ UN 2000b; Melchior, Telle and Wiig 2000; Human Development Report Office calculations based on World Bank 2001h and 2001.

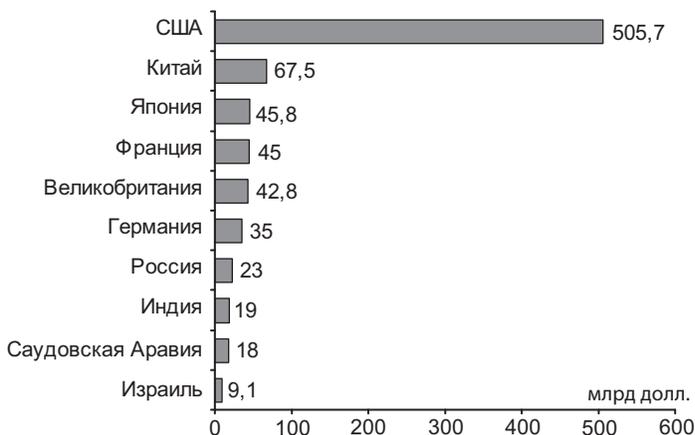

Рис. 3.1.11. Расходы на оборону по ряду стран современного мира (2005 г.)

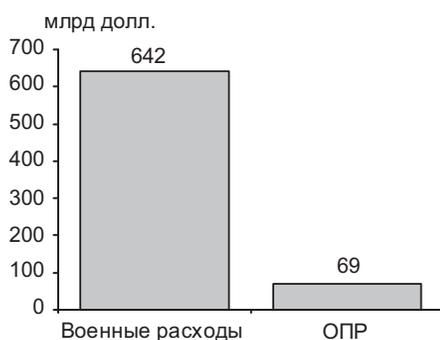

Рис. 3.1.12. Затраты стран-доноров, членов ОЭСР⁹, на вооружения и на содействие развитию (ОПР — официальная помощь развитию) (по данным Development Initiatives 2005)

В странах, где ориентированное на путь в «постиндустриальное» общество развитие сочетается с доминированием неоллиберализма, негативные явления проявляются особенно ярко.

Есть важные особенности в отличии неокOLONиальной современной системы от колониализма XVI–XX вв., проявившиеся в конце XX в. Они связаны с отличием индустриализма Запада Нового времени и «постиндустриализма» современности. Ин-

⁹ Организации экономического сотрудничества и развития.

дустриальный Запад на первом этапе ввозил капитал в колонии и создавал там анклавные промышленные производства, с помощью которого изымал и перевозил в метрополию природные ресурсы колоний, произведенные там товары и прибыль от эксплуатации местной рабочей силы и от торговли на местном рынке. Эта структура взаимоотношений метрополии с периферией сохранилась в иных формах и на этапе неокOLONиализма до конца XX в. — до выхода на арену транснациональных корпораций (ТНК).

Но новые технологии (производственные, военные и социальные) позволили ТНК так распределить по миру элементы своих постиндустриальных систем, что они стали удовлетворять спрос мирового рынка за счет эксплуатации труда не всего, а только части населения периферии.

Возникло новое явление — довольно большие человеческие массы превратились в «общности, которые не имеет смысла даже эксплуатировать». Возникла еще одна степень народов и сообществ как изгоев.

Для избыточной рабочей силы в неометрополии, как показало исследование, были созданы новые социальные ниши — раздутая «сфера услуг». Огромное число людей на Западе просиживают в магазинчиках, никому не нужных антикварных лавках и картинных галереях, маленьких кафе и барах. Масса «креативных юношей» до старости прозябают на гранты и стипендии, создавая и выставляя убогие инсталляции и изделия из керамики без всякой творческой искры. «Социальное государство» имеет возможность и мотивы кормить «лишних людей» Запада ради безопасности «более ценных» людей.

Концепт (в этом контексте — проект) постиндустриализма делает ненужной скромную прибавочную стоимость, производившуюся «желтыми и черными» рабочими, капитал устраняется от их эксплуатации, лишая их хоть каких-то средств на существование. Из подобных неокOLONий извлекаются лишь природные ресурсы, которые перерабатываются в товары на рационально размещенных по свету предприятиях ТНК, а товары продаются также по всему миру «среднему классу» всех стран. Страны, которые экономически прочно «привязаны» к Западу, не могут избежать этой «участи» (рис. 3.1.13).

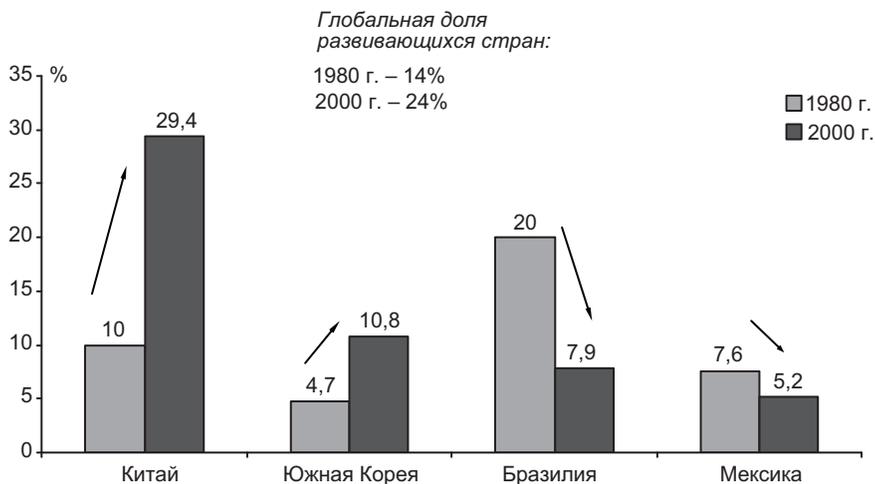

Рис. 3.1.13. Разновекторность динамики развивающихся стран

Вот к такому *реальному* «постиндустриализму» пришло человечество, в том числе благодаря культивированию недостаточно достоверной, идеологизированной и политически эксплуатируемой теории.

3.2. Идеология постиндустриализма как генератор рисков и угроз развитию

В масштабах мира проект постиндустриализма, как выясняется, создает целый пакет рисков и угроз устойчивому развитию. К чему он может приводить в масштабах национального государства — рассмотрим на фактическом примере России.

Постиндустриальные тренды и экономический кризис

Постиндустриализм представляет собой эффективную «стратегическую ловушку». Принятие его в качестве ориентира государственного целеполагания в управлении развитием может иметь самые негативные последствия. Де-факто постиндустриализм означает сворачивание отраслей реального производства как фундамента экономики.

Что можно возразить по поводу развития услуг связи? От нее действительно зависят перспективы инновационной динамики. Но связь без наличия материальных средств связи, соответствующего промышленного производства невозможна. Например, Китай за 10 лет инвестировал и построил 120 заводов микрополупроводниковой электроники. В России за этот же период в результате монетаристской политики выведено из суверенного оборота 3 трлн долл. Можно было не один завод построить. Но, кроме еще советских заводов Зеленограда и нескольких закрытых производств, которые и так уже существовали, не построено практически ничего.

Особого внимания применительно к идеологеме перехода к «постиндустриальному обществу» заслуживает тема глобальных экономических кризисов. Очередная волна депрессии с 2008 г. поразила мировую экономику. Является ли постиндустриальная «рецептура» развития гарантией предупреждения кризисов развития? Ввиду того, что кризис 2008 г. далеко не первый в мировой истории, исследование целесообразно провести по всей ретроспективе кризисных процессов.

Для рассмотрения было взято 28 кризисов двух последних столетий: 1825 г. — Англия; 1836–1837 гг. — Англия, США; 1847 г. — Европа, Северная Америка, Китай; 1857 г. — мировой; 1866 г. — Англия, Франция; 1873 г. — мировой; 1882 г. — Франция, США, Англия; 1890–1893 гг. — мировой; 1900–1903 гг. — мировой; 1907 г. — мировой; 1920 г. — мировой; 1929–1933 гг. — мировой; 1937–1938 гг. — мировой; 1948–1949 гг. — мировой; 1953–1954 гг. — мировой; 1957–1958 гг. — мировой; 1960–1961 гг. — США, Англия, Канада, Япония; 1966–1967 гг. — Западная Европа, Япония; 1973–1975 гг. — мировой; 1979–1982 гг. — мировой; 1990–1993 гг. — мировой; 1994–1995 гг. — Мексика, Аргентина; 1997 г. — Восточная Азия; 1998 г. — Россия, некоторые страны Восточной Европы; 1999 г. — Бразилия; 2001–2002 гг. — США, некоторые западные страны; 2001–2002 гг. — Аргентина; 2008–2010 гг. — мировой¹⁰.

Буквально говорить о теории «постиндустриального общества» применительно к контексту XIX-го, да и первой половины XX столетия некорректно. Однако переориентация от товарно-

---

¹⁰ Гринин Л.Е. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М., 2010.

производящих отраслей к третичному сектору экономики уже тогда являлась определенным фактом развития.

Вывод из проведенного анализа заключается в том, что постиндустриалистские ориентиры (и их исторические модификации) не только не выводят из состояния кризиса, но, напротив, являются его стимулятором.

В большинстве случаев кризисный процесс начинался именно в третичном, сервисном секторе. Распространяющийся по цепочке сбой происходил прежде всего в наиболее связанных с финансовым капиталом отраслях торговой и финансовой деятельности. Всякий раз при реконструкции источников кризиса обнаруживается непропорционально разросшаяся спекулятивная компонента экономики.

Интересна даже манипулятивная терминология. В России «инвесторами» в 90 случаях из 100 называют не тех, кто вложил инвестиции в капитальное строительство, создание основных фондов, а спекулянтов от финансовых операций на финансовых рынках и игроков на биржах. Почему-то они именуются «инвесторами».

Начавшись в третичном секторе экономики, кризис далее переходит на сферы реального производства. Глубина кризисного поражения определялась в исследовании по ситуации именно в этих отраслях. Во всех рассматриваемых кризисах страдала в наибольшей степени сфера промышленности. Показатели ее падения оказывались в отраслевом сопоставлении наивысшими. Напротив, в периоды подъемов самые высокие темпы роста фиксировались также в индустриальном производстве. Это доказывает, что именно с состоянием промышленности (материального производства) связывается, прежде всего, общее экономическое и социальное благополучие.

Иллюстративно выглядит соотнесение экономических кризисов с трансформацией структуры ВВП у лидера мировой системы капитализма — Соединенных Штатов Америки. Наиболее значительными по своему разрушительному воздействию на американскую экономику стали, как известно, кризисы 1920, 1929–1933, 1957–1958, 1960–1961, 1973–1975, 1979–1982 и 2008–2010 гг. Самым катастрофичным однозначно считается период «Великой депрессии» 1929–1933 гг.

Наложение сетки кризисов на динамику удельного веса сферы услуг в американской экономике позволяет увидеть корреспон-

денцию данных процессов. Кризисные ситуации выражались в падении доли промышленности и росте сервиса. При этом рост совокупного ВВП снижался, указывая тем самым на значение индустриального производства. Наиболее стремительное возрастание удельного веса сервисных отраслей приходится на самый катастрофичный период — «Великую депрессию». Процесс сервисизации прослеживается в американской экономике уже в 1920-е гг. «Великая депрессия» явилась логическим итогом данного тренда переструктуризации экономики.

Новый экономический подъем США, напротив, точно совпал с понижением доли сервиса и повышением индустриальной составляющей. Кризис 2008 г., как и кризис 1929 г., разразился после длительного периода относительного роста сервисного компонента американской экономики. Аналогии очевидны (рис. 3.2.1)¹¹.

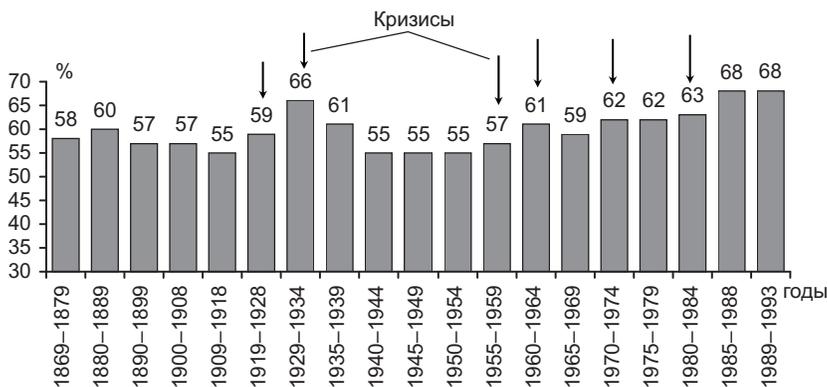

Рис. 3.2.1. Доля услуг в ВВП США

Закономерности, прослеживаемые в экономике США, подтверждаются и статистическими материалами других стран. Имеются данные Б. Митчелла по доле сферы услуг в ВВП Канады. И вновь периоды кризисов корреспондируют с динамикой сервисизации экономики. Три крупнейших для Канады кризиса — первой половины 1930-х гг., 1957 г. и 1973 г. — точно соотносятся с ростом сервисного компонента (рис. 3.2.2)¹².

¹¹ Mitchell B.R. International Historical Statistics: Europe, 1750–2000. New York, 2003.

¹² Там же.

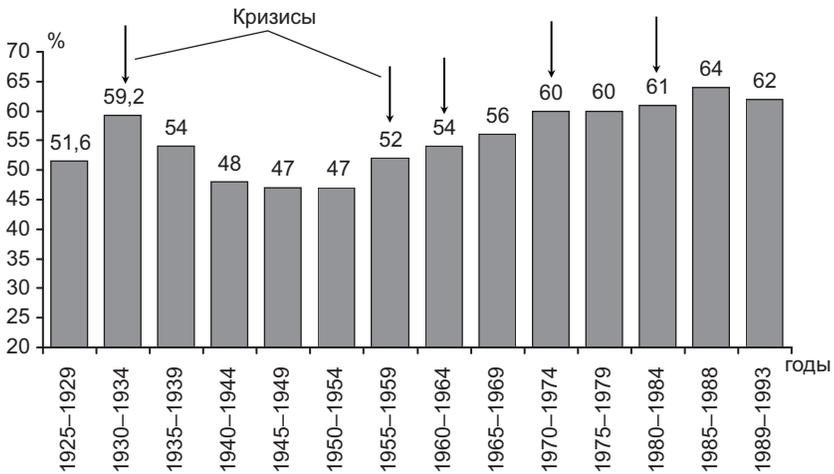

Рис. 3.2.2. Доля услуг в ВВП Канады

Имеющиеся статистические данные позволяют оценить факторное значение промышленности в подъемах и спадах экономики США.

На стадиях падения американского ВВП снижение промышленного производства было наиболее стремительным. Напротив, в фазах подъема прирост в сфере промышленности имел заметно опережающие по отношению к остальной экономике темпы (рис. 3.2.3)¹³.

Собственно, ничего удивительного в такой закономерности нет. Экономическое благополучие, основанное на паразитических спекулятивных финансовых схемах, устойчивым быть не может. Финансовая пирамида когда-то обязательно разваливается. Экономическое благополучие может быть устойчивым только на основе материального производства. И, вероятно, есть предел доли виртуальной экономики, при переходе которого и возникают кризисы.

Этот вывод, вообще говоря, требует переосмысления распространенной теории капиталистических кризисов как «кризисов перепроизводства». В свете развиваемого в настоящей работе

¹³ Аникин А.В., Энтов Р.М. Механизм экономического цикла в США. М., 1978.

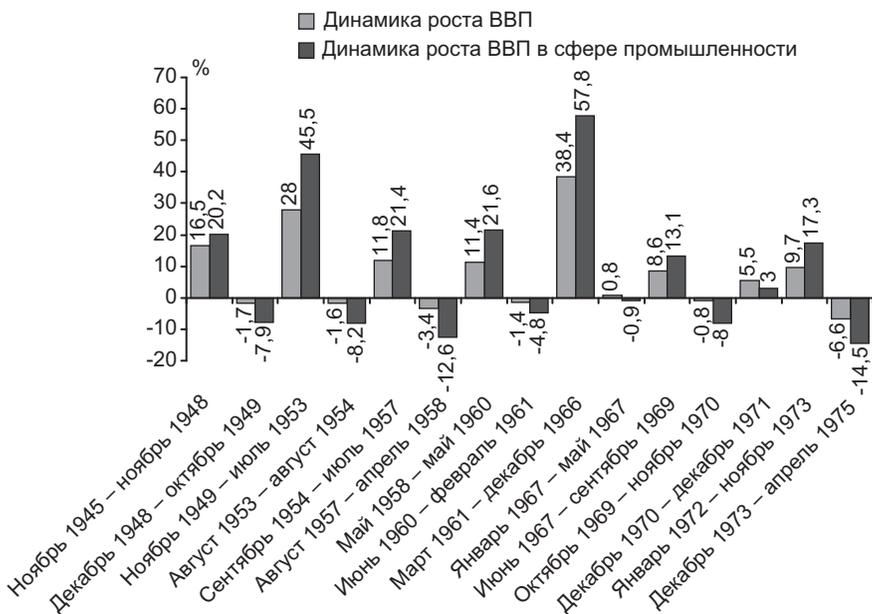

Рис. 3.2.3. Соотношение динамики роста совокупного ВВП с динамикой роста ВВП в сфере промышленности США (1945–1975 гг.)

подхода это скорее кризисы финансовых пирамид, кризисы экономического паразитизма. И возникают они тогда, когда мировые эмитенты либо ассоциированные с ними институты стремятся восстанавливать свои сверхдоходы, которые время от времени снижаются, как в любой пирамиде.

На рис. 3.2.4 показано, как «восстанавливается» доходность экспорта эмитируемого доллара, как товара, страной-эмитентом США в каждом мировом или крупном региональном финансовом кризисе.

Какова тут связь с проблемой постиндустриализма? Она заключается в том, что относительное наращивание в мировом балансе третичного сектора в его финансовой части, увязываемого с имманентной сущностью постиндустриализма, и является одной из основных причин кризисов.

Рис. 3.2.4. Обменный региональный валютный курс доллара. Масштабные финансовые кризисы регулярно восстанавливают доходность мировой долларовой пирамиды

Теория «постиндустриального общества» как «стратегическая ловушка» для России

Когда Д. Белл приступил в 1950-е гг. к разработке концепта «постиндустриального общества», немного, казалось бы, давало к тому основания. Запад испытывал очередной индустриальный подъем. Гонка вооружений обуславливала приоритетность развития ВПК, а он был напрямую связан с соответствующими отраслями промышленности. Белловская футурологическая проекция не являлась очевидным образом производной от существовавших экономических трендов¹⁴.

В данном случае важна констатация хронологической последовательности. Вначале выдвигается концепция постиндустриализма, и только затем происходит реструктуризация экономики Запада. Это, может быть, точное предвидение? Но выше было показано, что

¹⁴ Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y., 1965; Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1976; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.

прогностический потенциал постиндустриальной теории невысок. На самом деле более вероятен *проектный* характер концепта.

Новой геополитической реальностью в тот период стал распад мировых колониальных систем. На карте мира одно за другим появлялись самоопределившиеся государства. Возникла реальная угроза потери Западом положения мировой метрополии. Именно поэтому на смену традиционному колониализму приходит модернизированная модель неоколониального управления миром.

Постиндустриализм и неоколониализм возникли с исторической точностью одновременно. После выдвижения постиндустриального концепта инициируется активный процесс вывода реального промышленного производства в страны третьего мира. Это было необходимо не только с точки зрения рентабельности (дешевизна рабочей силы), но и в геоэкономическом смысле. Выводя индустрию в третий мир, Запад обеспечивал его новую экономическую привязку к неометрополии «золотого миллиарда». Привязку не только экономическую, но и финансовую, через международное долларовое кредитование, в том числе целевое в системе МВФ.

Еще одна скрытая сторона теории «постиндустриального общества» связана с контекстом «холодной войны». Советский Союз делал ставку на развитие индустриального сектора экономики. Индустриализация страны выдвигалась в качестве главной экономической задачи. А вот теория постиндустриализма исходит из иных стратегических структурных ориентиров.

Появление теории постиндустриализма совпало по времени с изменением соотношения сил в мировой исторической гонке СССР и США. Советский Союз с начала индустриализационного рывка последовательно догонял Соединенные Штаты по совокупным объемам промышленного производства. К началу 1960-х гг. разрыв стал минимальным. Сохранение существовавших на тот момент трендов означало, что СССР в течение десятилетия должен был обойти США.

Но в это время (1960-е гг.) происходит отчетливый перелом в ситуации. Темпы промышленного роста в США возрастают, тогда как в СССР (РСФСР) происходит соответствующее торможение. На постсоветском этапе темпы роста промышленности в России и вовсе приобретают отрицательное значение. США,

между тем, продолжают увеличивать объемы промышленного производства (рис. 3.2.5)¹⁵.

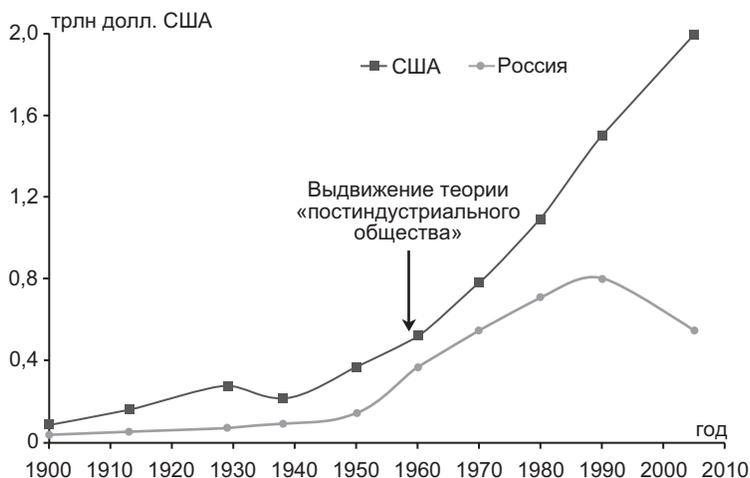

Рис. 3.2.5. Промышленное производство в России (СССР) и США

Возможно, этот синхронизм случаен. Но признано, что, например, СОИ (стратегическая оборонная инициатива), как широко распространенная и потому влиятельная информационная концепция, была масштабной дезинформацией, ввергнувшей СССР в избыточные и неоправданные расходы. Возможно, что в смене экономических стратегий в СССР — РФ концепт постиндустриального общества мог сыграть определенную роль.

Далеко не все страны, подобно России, приняли на вооружение концепт постиндустриализма. Более того, один из геоэкономических вызовов современности состоит в явлении «неоиндустриалов». Ряд прежде периферийных стран избрали ориентиром своего развития не сервисизацию, а стратегию форсированного индустриального роста, на которую в свое время ориентировался СССР. Россия же в ходе своих экономических реформ от нее отказалась (рис. 3.2.6)¹⁶.

¹⁵ Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9.

¹⁶ Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М., 2007;

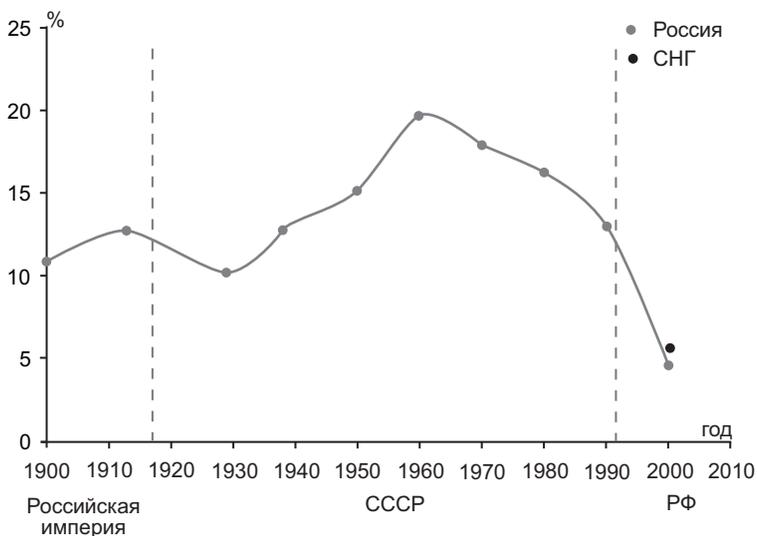

Рис. 3.2.6. Доля России в мировом промышленном производстве

Деиндустриализация постсоветской России

Распад СССР хронологически совпал с активизацией процесса сервисной трансформации. Доля занятых в сфере услуг резко возросла, тогда как в промышленности и строительстве стремительно снизилась. Прослеживается при этом три различных по своей динамике этапа.

В позднесоветский период услуги по занятости населения постепенно догоняют промышленность и в 1980-е гг. получают незначительный перевес. Трансформационный процесс на этом этапе шел постепенно и умеренно. Но уже тогда, начав перестраивать экономику на нефтяной экспортный тип, Советский Союз фактически отошел от необходимого для него нового индустриального рывка, от научно-технической революции и модернизации промышленности.

Динамика российской и советской промышленности. М., 1929; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987; Промышленность России: статистический сборник. М., 2000; Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006.

На втором этапе — в 1990-е гг. — процесс деиндустриализации экономики России приобрел обвальный характер. Это были, по-видимому, самые высокие за всю историю мировой экономики темпы сервисной трансформации. Деиндустриализация 1990-х выразилась даже в некотором повышении удельного веса в структуре занятости сельского и лесного хозяйства. Наступивший в России по формальным имманентным признакам постиндустриализм приобрел вид экономической и социальной архаизации.

На третьем этапе — в 2000-е гг. — темпы сервисной трансформации несколько снизились, однако вектор деиндустриализации остался неизменным (рис. 3.2.7)¹⁷.

Рис. 3.2.7. Среднегодовая доля занятых в структуре экономики России

По аналогии со сверхтемпами коллективизации 1930-х гг., применительно к 1990-м гг. уместно говорить о сверхтемпах сервисизации экономики (рис. 3.2.8)¹⁸.

Еще в 1990 г. доля товаров в ВВП России почти вдвое превосходила долю услуг. Не прошло и двух лет, как все принципиально изменилось. Уже в 1992 г. удельный вес услуг стал выше. За два года доля товарного производства снизилась на 14,3%. Новая максимизация доли сервиса приходится на 1998 г. — время дефолта.

¹⁷ Российский статистический ежегодник. 2009. Статистический сборник. М., 2009.

¹⁸ Российский статистический ежегодник. 2001. Статистический сборник. М., 2001.

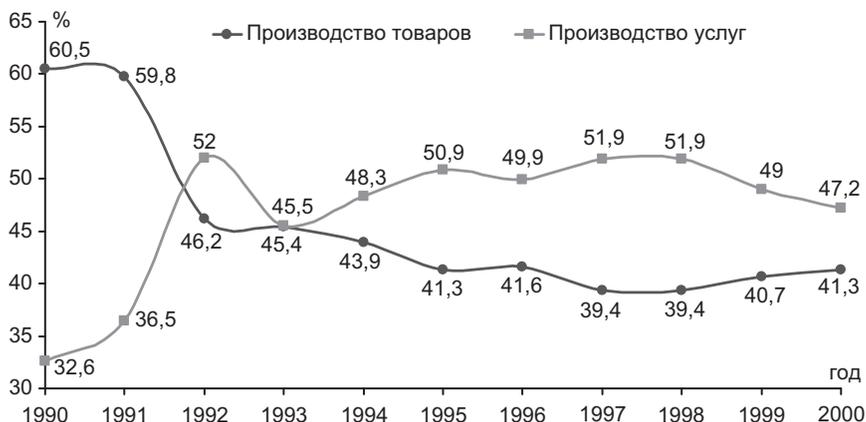

Рис. 3.2.8. Структура валового внутреннего продукта в России в период трансформации 1990-х гг.

Показательны изменения, произошедшие в структуре занятости населения (рис. 3.2.9).

Еще в 2000 г. больше всего россиян были трудоустроены в сфере обрабатывающего производства, на второй позиции находилось сельское хозяйство. В 2008 г. первую строчку занимает направление торговли и ремонта. По доле торговцев и ремонтников Россия превосходит сегодня любую из западных стран. Помимо обрабатывающего производства и сельского хозяйства, снизили свое значение добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, даже образование.

Наряду со статьей торговли и ремонта возрос удельный вес в структуре занятости в финансовой сфере, в сфере операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг, строительства, гостиниц и ресторанов, транспорта и связи, государственного управления, предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг¹⁹.

Россияне стали больше торговать и заниматься финансовыми операциями, но при этом меньше работать в сфере производства реальных товаров в промышленном и аграрном секторах²⁰.

¹⁹ Российский статистический ежегодник. 2009. Статистический сборник. М., 2009.

²⁰ Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997; Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // <www.zavtra.ru>.

Рис. 3.2.9. Структура занятости в российской экономике, в % к совокупной занятости

Повышение доли сервиса в ВВП и структуре занятости социума в условиях фронтального спада ВВП не сопровождалось ростом отраслей услуг в абсолютных показателях. Сокращение базового для экономики сектора материального производства повело к сокращению производных от него отраслей, и в том числе услуг. Это происходило повсюду, за исключением лишь финансового направления. Вошедшее в обиход в постсоветский период широкое понятие «сервис» нивелировало более частную

проблему — бытового обслуживания населения. Результатом этой нивелировки явился парадокс разнонаправленной динамики указанных показателей. В то время как финансовые потоки в сфере сервиса устойчиво возрастали, реальные бытовые услуги в общей структуре сервисной деятельности столь же неуклонно сокращались (рис. 3.2.10)²¹.

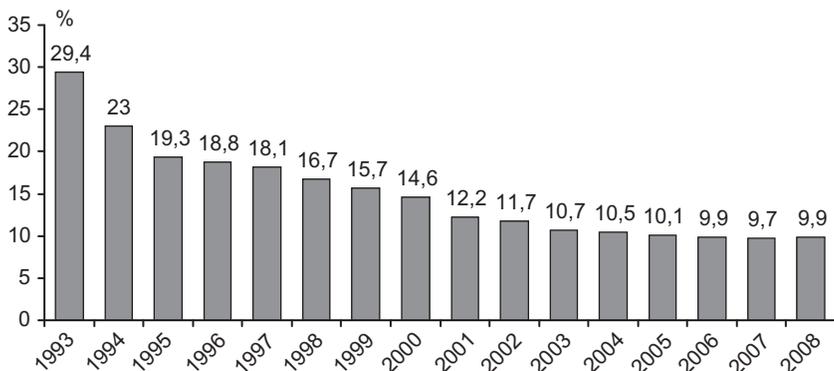

Рис. 3.2.10. Бытовые услуги в структуре платных услуг, оказываемых населению РФ

Неоиндустриализм как реальный ориентир мирового развития

Концепт о постиндустриальном пути развития выстраивается на «обобщении» мирового опыта, представляемого как универсальная рецептура. России предлагается идти по пути якобы большинства государств мира. Откажемся на время от представлений авторов о существовании кроме фронтальной, еще и вариативной модели развития мира²². Предположим, что универсальная модель успешности существует. Но насколько правильно отождествлять этот путь со стратегией постиндустриализма? Проведенный страновой анализ по критерию роста добавленной стоимости в сферах промышленности и услуг позволяет сделать

²¹ Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. М., 2008.

²² Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2009.

утверждение о современном мейнстриме не постиндустриализма с гипертрофированием третичного сектора, а о *неоиндустриальном* векторе развития современного мира.

В большинстве наиболее динамично развивающихся экономик стран мира наблюдается рост добавленной стоимости в секторе индустрии и снижение (или стагнация) в секторе услуг (рис. 3.2.11)²³.

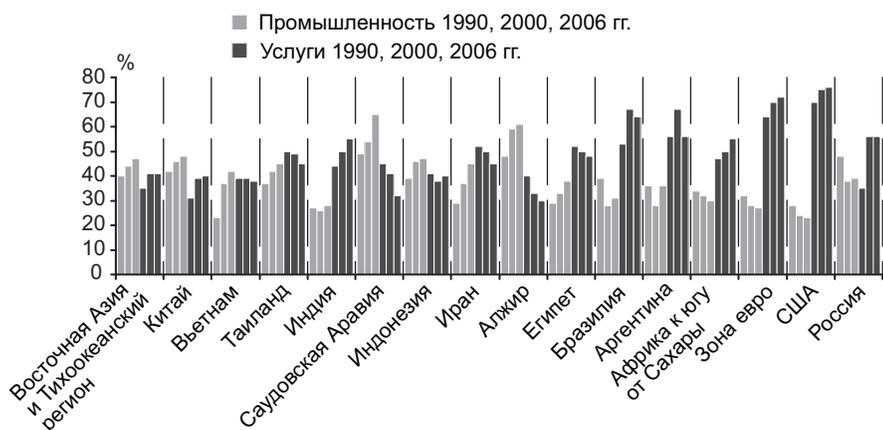

Рис. 3.2.11. Добавленная стоимость в сферах промышленности и услуг по регионам мира, в % от ВВП

Частично наблюдаемый тренд уменьшения в сфере промышленности имеет вполне определенную геоэкономическую локализацию. Наличие его обнаруживается только по трем категориям стран: 1. «Золотомиллиардный» Запад; 2. Тропическая и Экваториальная Африка; 3. Россия.

О том, что форсированная сервисизация сопровождается общей деградацией экономики, свидетельствует тенденция наметившегося по ряду постсоветских республик «промышленного отката». Как только экономическое падение прекратилось, перейдя в фазу роста, доля добавленной стоимости сектора промышленности в ВВП соответствующих государств начала возрастать. Чем увереннее восстанавливала свои позиции сфера индустриального

²³ Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2009.

производства, тем выше оказывался рост экономики. Напротив, там, где упадок не был остановлен, происходило дальнейшее сокращение сектора промышленности (Молдова, Киргизия, Таджикистан). Следовательно, деиндустриализация 1990-х гг. являлась вовсе не переходом к новому постиндустриальному укладу, а сокращением связанных преимущественно с индустриальным сектором базовых потенциалов постсоветских экономик (рис. 3.2.12)²⁴.

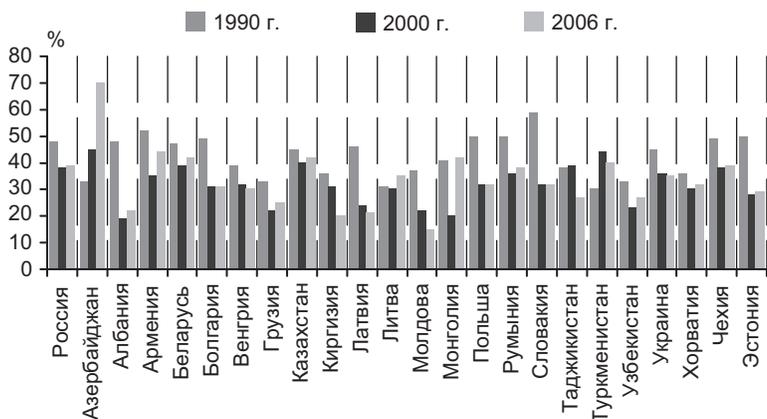

Рис. 3.2.12. Добавленная стоимость в промышленности в экономиках постсоветских государств, в % от ВВП

В целом тенденции российского развития в условиях избранной квазипостиндустриальной модели в координатах «улучшение — ухудшение» за 10 лет (2000–2010 гг.) выглядят практически бесспорными²⁵. Происходит общее ухудшение многих экономических, социальных, гуманитарных показателей страны (рис. 3.2.13).

Кроме роста избыточно замороженных суверенных финансовых средств, докризисного роста поддерживаемого нефтяными экспортными ценами ВВП и внешнеторгового оборота, все остальные показатели ухудшаются или остаются на неприемлемом уровне. Например, количество суицидов падает, но Россия по-прежнему занимает по этому показателю первое место в мире.

²⁴ Там же.

²⁵ Если параметр растет, но это ухудшение по ценностному критерию — взята обратная функция. Если параметр падает, но это улучшение, то тоже

Вообще говоря, объективно вытекающий из представленной картины тип государственности современной России ближе всего к классическому колониальному типу. Отнесение к подобному типу имеет вполне общепризнанные методологические основания.

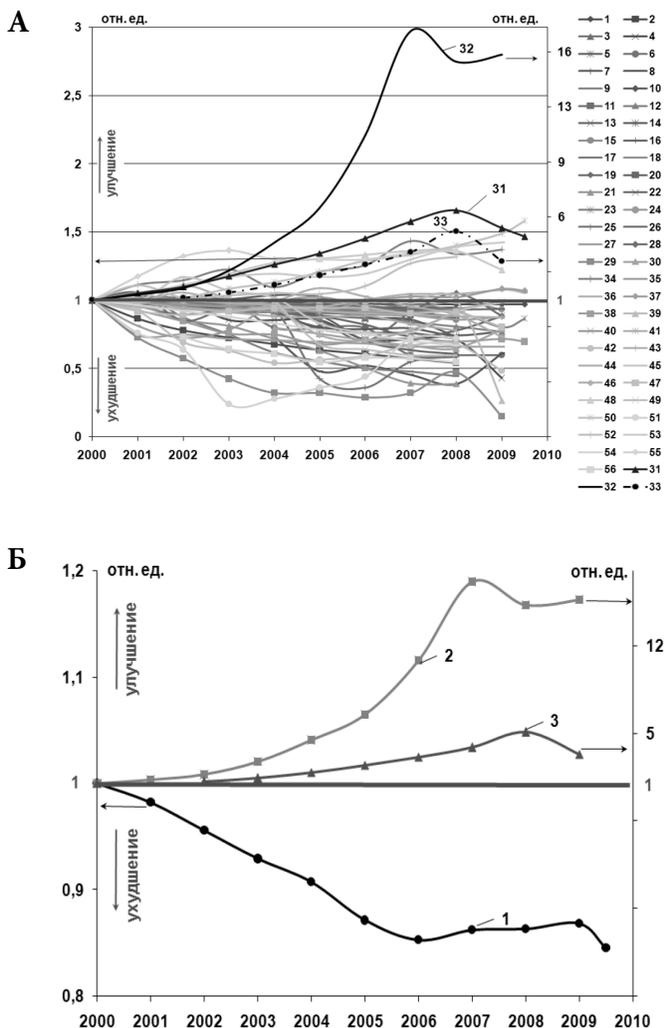

Рис. 3.2.13. А — изменчивость 56-ти статистических показателей развития России; Б — среднее всех показателей развития (1) за исключением золотовалютных резервов (2) и внешнеторгового оборота (3)

Данные Росстата: 1 — численность населения РФ; 2 — инфляция; 3 — степень износа основных фондов; 4 — обеспеченность сельскохозяйственных организаций тракторами; 5 — число организаций, выполнявших исследования и разработки; 6 — обеспеченность сельскохозяйственных организаций зерноуборочными комбайнами; 7 — товарная структура экспорта (минеральные продукты); 8 — товарная структура экспорта (машины, оборудование и транспортные средства); 9 — удельный вес сельских населенных пунктов, не обслуживаемых сетью почтовой связи; 10 — число почтовых ящиков на 10 тыс. чел. сельского населения; 11 — численность дошкольных образовательных учреждений; 12 — численность государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений; 13 — численность больничных учреждений; 14 — численность амбулаторно-поликлинических учреждений; 15 — число больничных коек на 10 тыс. чел.; 16 — заболеваемость населения; 17 — численность персонала в России, занятого исследованиями и разработками; 18 — численность библиотек в России; 19 — библиотечный фонд России; 20 — численность учреждений культурно-досугового типа; 21 — численность киноустановок; 22 — коэффициент замещения пенсий; 23 — реальная заработная плата; 24 — прожиточный минимум; 25 — доля семейных и материнских пособий в общих расходах на выплату пособий и социальную помощь; 26 — коэффициент Джини (социальное расслоение); 27 — ветхий и аварийный жилищный фонд; 28 — ввод в действие газовых сетей в сельской местности; 29 — ввод в действие автомобильных дорог с твердым покрытием в сельской местности; 30 — доля машин, оборудования и транспортных средств в импорте в Россию; 31 — валовой внутренний продукт; 32 — золотовалютные резервы; 33 — внешнеторговый оборот; 34 — число браков на 1 тыс. чел.; 35 — число разводов на 1 тыс. чел.; 36 — смертность на 100 тыс. чел.; 37 — смертность по классу инфекционных и паразитарных болезней (на 100 тыс. чел. населения); 38 — смертность в России по классу причин болезней органов пищеварения на 100 тыс. чел.; 39 — площадь сельскохозяйственных угодий; 40 — выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух; 41 — выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух в РФ от автотранспорта; 42 — число безработных; 43 — среднегодовая численность занятости на предприятиях государственной и муниципальной собственности; 44 — доля лиц с высшим профессиональным образованием в численности безработных; 45 — численность зарегистрированных преступлений; 46 — число лиц, потерпевших от преступлений; 47 — перевозки пассажиров в России, млн чел (железнодорожный транспорт); 48 — грузооборот транспорта (до 1990 года — без газопроводного); 49 — выпуск специалистов государственными и муниципальными высшими учебными заведениями по специальности физико-математические науки; 50 — число самоубийств на 100 тыс. чел.; 51 — миграционное сальдо; 52 — отношение инвестиций к ВВП; 53 — рождаемость; 54 — удельная энергоемкость ВВП;

55 — зарплатоемкость ВВП (отношение средней начисленной заработной платы к ВВП); 56 — производство металлорежущих станков.

Типологизация неколониальной экономики мировой полупериферии и постиндустриальная анклавизация

Выше было сформулировано представление о том, как соотносится ядро мир-экономики со странами периферии. Было введено понятие неколониальной системы отношений. В этой связи представляется целесообразным проследить, в чем именно выражается неколониальность стран периферии как тип национальной экономики, государственного управления, структурных параметров. Существуют классические признаки, которые общепризнаны и присутствуют даже в учебниках при описании стран колониального типа.

Какие это признаки?

Во-первых, то, что основные, казалось бы, сугубо внутренние инфраструктуры развития стран-колоний оказываются связанными с территориями, находящимися во внешнем мире (с метрополией). Применительно к России эта инфраструктура представляет собой нефтегазовый, сырьевой и низкопередельный комплекс (металлургия, лесное хозяйство, производство удобрений и т. п.). Остальная экономика и территория ее размещения стагнируют и архаизируются (машиностроение, приборостроение, электроника, авиастроение, переработка сырья высокой нормы передела, легкая промышленность, даже отчасти оборонная промышленность и т. д.). Эта часть национальной экономики не нужна метрополии, а колониальная патология собственной экономической политики как раз и выражается в том, что она также не интересуется ее развитием.

В постсоветский период произошла переориентация России от собственных экономических запросов на обслуживание внешнего потребления. Сегодня доля торговли в ВВП страны составляет более трети от его общего объема. Достаточно сравнить с Соединенными Штатами Америки, где удельный вес экспорта в валовом внутреннем продукте лишь 11%. Примерно столько же было в СССР — около 10%. Сейчас же многие российские регионы больше торгуют с иностранными государствами, чем внутри страны. Тарифная по-

литика в грузовых перевозках железнодорожного транспорта настроена на экспортные перевозки, что снижает инвестиционную компоненту тарифа. В целом экспорт из России за прошедшие 20 лет превышает импорт от 1,5 до 3 раз. Были периоды, когда экспорт даже превышал ВВП — из страны вывозилось все, что только можно было вывезти. Образно это можно представить себе как некую контрибуцию в пользу победителя в холодной войне.

Второй признак колониальности — это моноспециализированность экономики. Экономическая устойчивость суверенной страны связана с наличием широкого спектра отраслей. Главным соображением здесь выступает принцип национальной безопасности. В колониях все по-другому. Там получает развитие одна, максимум — две отрасли, наиболее рентабельные с точки зрения взаимодействия с метрополией. Такие отрасли в российском случае известны. В табл. 3.2.1 приведены рентабельности соответствующих отраслей. Необходимо отметить, что именно в экспортных отраслях государство не регулирует рентабельность. Доходы бюджета страны от сырьевого сектора составляют около половины. В структуре экспорта — более 70%.

Таблица 3.2.1

**Отраслевая рентабельность/доходность в России
(%/млрд руб., 2008 г.)**

Нефтегазовая отрасль

Газпром	Роснефть	Транснефть	ТНК-ВР	Сургутнефтегаз
21/742	24/276	26/70	24/159	25/147

Телекоммуникации и связь

Вымпелком	Связьинвест	АФК «Система»	Почта России	Межрегион- транзиттелеком
5/13	9/23,5	0,4/-0,5	-2/-1,5	0,03/7,2

Машиностроение

ГАЗ	Трансмашхолдинг	ОПК «Оборонпром»	АвтоВАЗ	АХК «Сухой»
-6/-8,2	6/6	-5/-6,3	-13/-24	-4,9/-2,7

Железные дороги

ОАО «РЖД»
1,2/13,4

Уход от такой модели возможен только при сокращении внешнеторгового оборота, увеличении внутреннего спроса, отраслевой диверсификации экономики и ориентации на национальные задачи развития.

Еще один классический признак колониального устройства страны — социальная анклавизация. В колониях существуют, как правило, территориальные анклавы благоденствия, диссоциирующие по своей развитости с остальной страной. Эти анклавы связаны с доминирующей отраслью, компрадорской элитой, включенной в международную элитарную сеть. Они «включены» в транснациональные нижние эшелоны «золотого миллиарда». Подобный территориальный анклав относительного благополучия в России представляют собой Москва, часть Тюменской области и Чукотка. Развитость иных регионов страны отличается в десятки и сотни раз. Причем величина разрывов нарастает.

В самих регионах есть такие же анклавы развитости на фоне общей стагнирующей провинции. Как Москва связана с метрополией (западным миром), так и они связаны с Москвой. Их относительное благоденствие определяется включенностью в низовые структуры столичного капитала. Реализуется типичная схема, характерная для колониального устройства.

Следующий и также классический признак колониальной системы — это выстраивание модели управления по принципу «разделяй и властвуй». Этнические группировки и этноплеменные структуры поддерживаются по отношению друг к другу в состоянии перманентного конфликтного напряжения. Эта система характеризуется постоянно существующей вероятностью взорваться. Еще такую модель на современном языке soft-power называют «на грани управляемого хаоса». Сохранение в России несимметричной модели федералистского национально-территориального устройства поддерживает механизм провоцирования этнических конфликтов.

Сопутствующим признаком колониального состояния страны является наличие криминальных анклавов. Можно вспомнить Китай в периоды опиумных войн: торговля оружием, наркотиками, людьми. Попытки местных властей провести декриминализацию приводят к жесткой отповеди со стороны метрополии, имеющей свой интерес в криминальных потоках. Такого рода криминализованные территории в Российской Федерации тоже существуют. Например, Чечня, в криминализации которой большую роль сыграл сам федеральный Центр в 1990-е гг., до смены политики в период прихода к власти В. Путина. Известны криминальная водочная индустрия Осетии, криминальная золотодобывающая группировка и т. д.

Таким образом, основные признаки развития современной России корреспондируют с описанием колониальной модели. Конечно, нельзя представлять себе дело таким образом, что российская власть совершенно осознанно строит неоколониальную модель страны. Напротив, большие усилия прилагаются в борьбе с нею. Но, если запущен механизм определенной стратегии, корреспондирующей с определенной теорией, то он работает сам по себе. Факт остается фактом: Россия все больше отвечает критериям неоколониальной полупериферии.

Информационный шум постиндустриализма объективно вносит свой вклад в прикрытие политики деиндустриализации, архаизации и, как видим, и неокolonизации страны.

Москва сегодня не просто сервисная столица страны. По аналогии с природой международного отраслевого разделения сверхконцентрация услуг в Москве является оборотной стороной финансового дефицита в провинции (рис. 3.2.14).

При 7,4% проживающего в столице российского населения Москва потребляет по отдельным видам сервиса более 40% общего объема платных услуг (услуги культуры и услуги правового характера). Причем доля потребления Москвы, по сравнению с уровнем 1990-х гг., возросла фактически по всем (за единственным исключением) сервисным номинациям (рис. 3.2.15)²⁶.

---

²⁶ Платное обслуживание населения в России. 2009. Стат. сб. / Росстат. М., 2009; Российский статистический ежегодник. 2009. Статистический сборник. М., 2009.

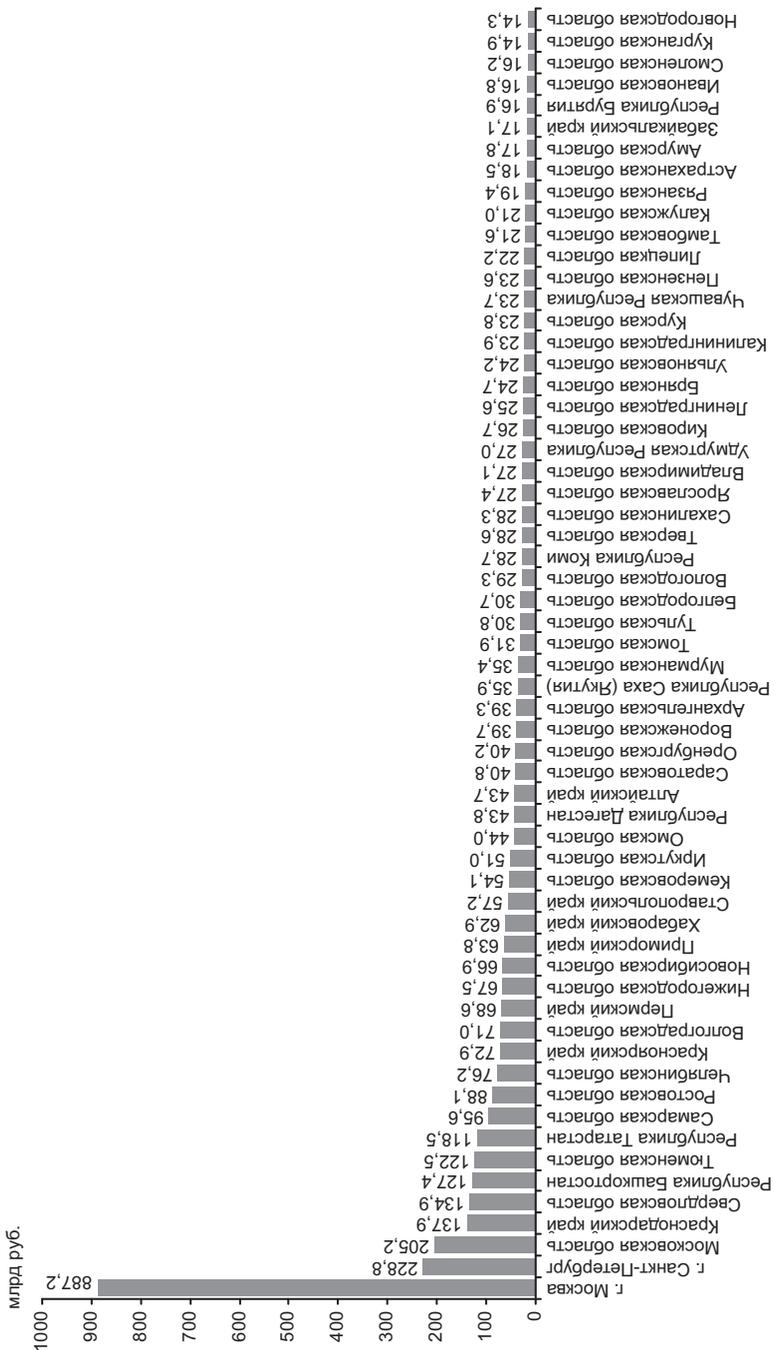

Рис. 3.2.14. Объем платных услуг, оказываемых населению в РФ по субъектам Федерации

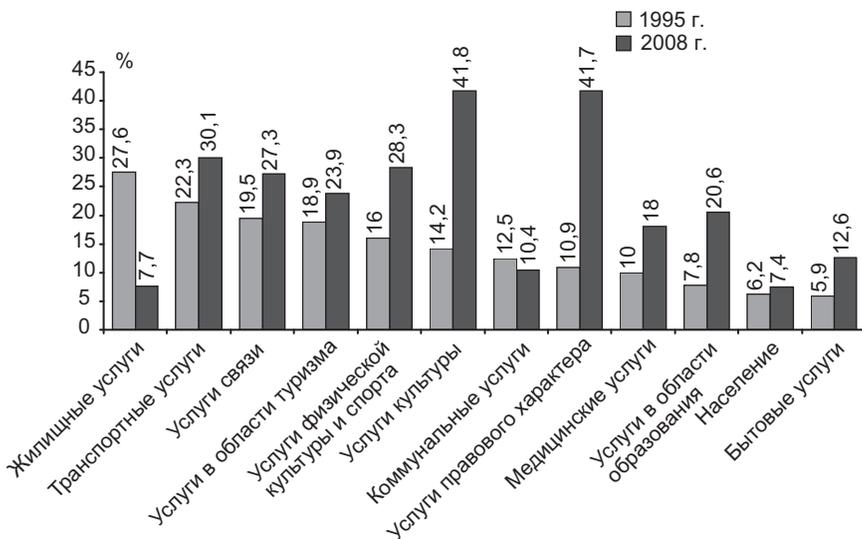

Рис. 3.2.15. Доля Москвы в платных услугах, оказываемых населению в РФ

Идеология постиндустриализма и национальная безопасность

Принятие постиндустриального концепта развития в реальном государственном управлении влечет за собой угрозы национальной безопасности страны. Основу военно-промышленного комплекса во всех странах составляет, как известно, индустриальное производство. Развитие сервисных отраслей, таких как связь, производно от этого базиса. Государство должно отдавать себе отчет в том, что деиндустриализация объективно ведет к свертыванию сферы науки и производства вооружения. Напротив, при росте промышленного производства растет соответствующими высокими темпами производство военной техники. Развитие оборонной науки, технологий всегда выступает локомотивом научно-технического прогресса.

В 1990-е гг. в большинстве стран мира наблюдалось сокращение расходов на оборону как доли ВВП. Вероятно, сказывался эффект окончания холодной войны. Одновременно вновь актуализировалась тема постиндустриального перехода. Но все это ушло

в прошлое. Сегодня вновь по наиболее значимым геополитическим субъектам мира (за исключением тех, которые находятся под военным защитным зонтиком других держав) наблюдается рост удельного веса расходов на оборонные нужды (рис. 3.2.16)²⁷.

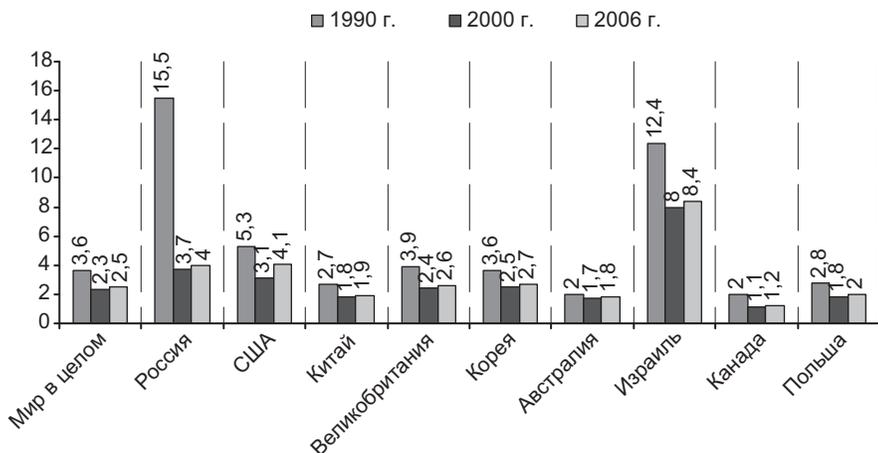

Рис. 3.2.16. Расходы на оборону по ряду стран мира, в % к ВВП

Мир интенсивно вооружается. К чему он готовится? Грянувший в 2008 г. финансовый кризис, по аналогии с прежними кризисными периодами, катализировал дискурс о перспективах новой глобальной войны. Принятие постиндустриалистского концепта в этих условиях, мягко говоря, недальновидно.

Фантом «экономики знаний»

Критический взгляд на теорию постиндустриализма кто-то может невольно ассоциировать с сомнениями в отношении когнитивной экономики, общества знаний. Такого типа экономика и общество входят в структуру постиндустриалистской теории. В действительности никто не против повышения роли знаний. Но производства одних лишь знаний недостаточно. В ведущих странах Запада внутренние расходы на исследования и разработки не достигают и 3% от ВВП. Бесспорно больше, чем в России; но для

²⁷ Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2009.

присвоения соответствующим хозяйственным системам «звания» экономики знания этого явно недостаточно. К тому же за 2000-е гг. эта доля в западных странах повсеместно снизилась. Повышение ее произошло в неоиндустриальных странах Востока. Но в данном случае важно, что принципиального скачка к доминантной когнитивной экономике в мире не обнаруживается (рис. 3.2.17)²⁸.

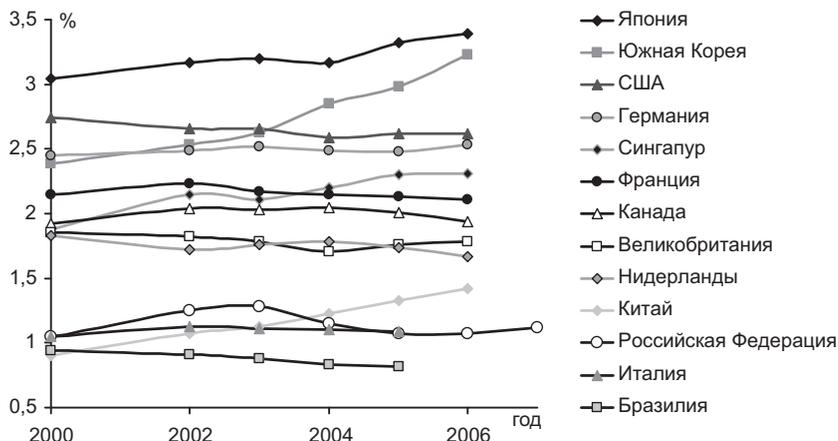

Рис. 3.2.17. Внутренние расходы на исследования и разработки, в % к ВВП

Возможность настроить устойчивость национальной экономики только на основании экспорта знаний является иллюзией. В мировом экспорте, так же как и в экспорте стран постиндустриалов, доля интеллектуального продукта на самом деле невелика. По-прежнему в мировой торговле доминируют промышленные товары (рис. 3.2.18–3.2.20)²⁹.

Другое дело, что Запад убедительно лидирует по показателю доли высокотехнологичного товара. Но это преобладание сложилось не сегодня, и удельный вес соответствующего компонента в торговой структуре остается неизменным. Более того, по всем западным странам за период 2000-х гг. этот показатель даже снизился (рис. 3.2.21)³⁰. Какой уж тут постиндустриальный переход!

²⁸ <<http://www.statinfo.biz>>.

²⁹ Мир в цифрах — 2009. М., 2009.

³⁰ <<http://www.statinfo.biz>>.

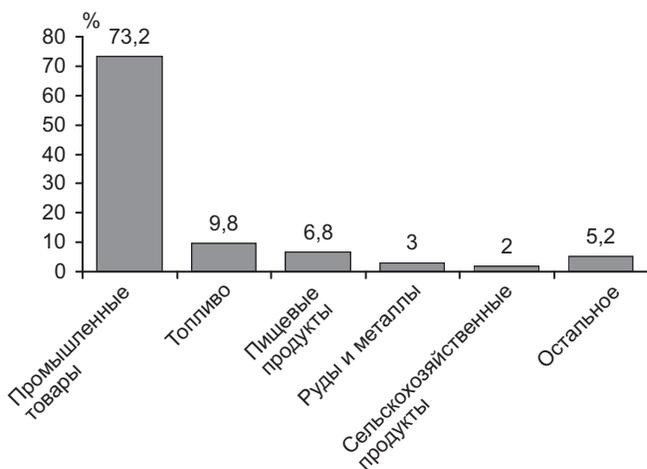

Рис. 3.2.18. Основные статьи мирового экспорта

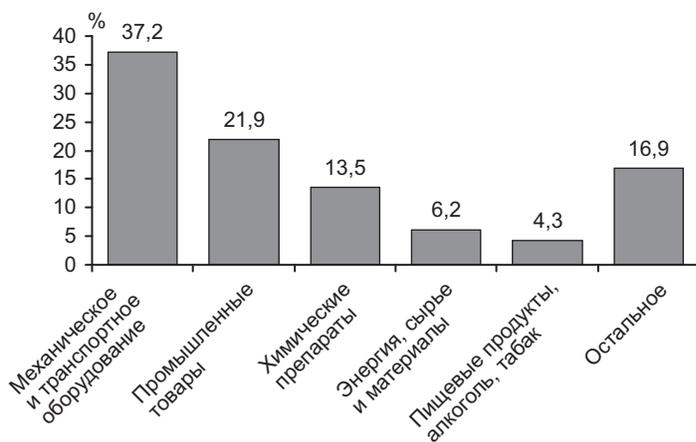

Рис. 3.2.19. Основные статьи экспорта стран еврозоны

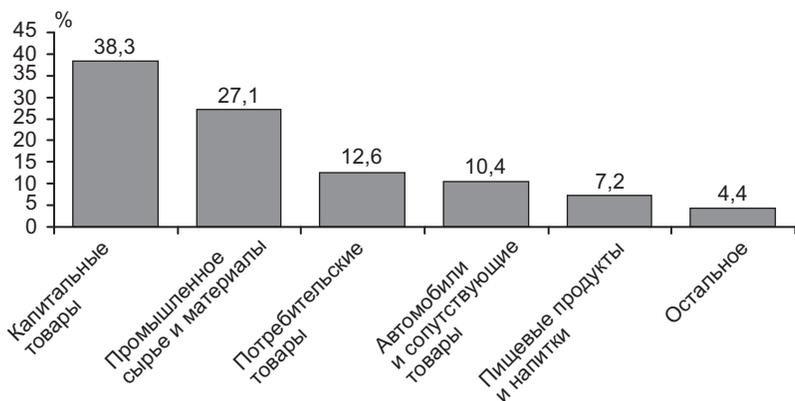

Рис. 3.2.20. Основные статьи экспорта США

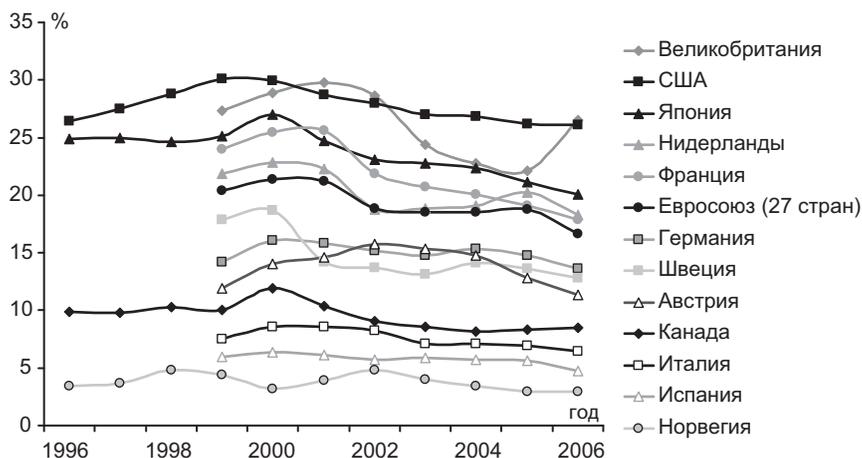

Рис. 3.2.21. Доля высокотехнологичных товаров в структуре экспорта по странам мира

Наступление эры знаний провозглашалось и в 20-е, и в 60-е гг. ушедшего столетия. В 60–70 гг. XIX в. материалистически ориентированная часть российской интеллигенции также провозглашала начало принципиально новой эпохи, в которой сознание человека освобождалось от пут идеалистической метафизики. Лейтмотивом эпохи Просвещения, как известно в истории, так-

же являлось противопоставление наступающей эры разума уходящей эре религиозного доминирования.

По большому счету, экономика во все времена была опосредована уровнем знаний. В конкурентной борьбе неизменно выигрывал тот, кто предлагал более технически и технологически совершенный продукт. Создание же такого продукта предполагало определенный познавательный потенциал. Во вводной главе не случайно приведен рис. В. 1, который иллюстрирует связь знаний и потенциала миростроительства.

Не будет преувеличением сказать, что императив «экономики знаний» определял еще неолитическую революцию. В этой связи представляется контрпродуктивным гипертрофированное противопоставление современной технологической эпохи предшествующим фазам человеческого развития как отрицание преемственности и непрерывности исторического опыта.

Проведенный анализ позволяет квалифицировать теорию постиндустриального общества не только как не вполне достоверную научную теорию. Этот интеллектуальный продукт используется еще и в политических и идеологических целях, наделяется манипулятивными свойствами. Постиндустриальный концепт при его некритическом восприятии вполне может выступать как стратегическая ловушка в управлении развитием. Ряду стран, включая Россию, необходимо уточнить свои подходы к степени императивности этого концепта как основания для государственного управления.

Заключение

Таким образом, поставленная во вводной главе исследовательская задача решена, работа подошла к завершению. Что получено в итоге?

Если выразиться очень концентрированно, то фронтального в пространстве и стадийного во времени *постиндустриализма*, как и соответствующего постиндустриального общества, постиндустриального перехода, в точном смысле терминов не существует. Максимум, о чем может идти речь — это о пространственно-временной динамике секторальной структуры производства.

Авторы теории постиндустриализма и ее последователи пренебрегли необходимостью совмещенного пространственно-динамического анализа, что и приводит к не вполне достоверным выводам. Ограниченность анализа только стадийной временной координатой изменчивости не позволила в должной степени учесть способы, с помощью которых «прогрессивные» — или, как раньше это качество еще обозначали, — «цивилизованные» страны размывают упрощенную модель стадийности. Вместо усматриваемого теорией постиндустриализма, как и известной теорией демографического перехода, для всего мира линейного фронта развития, к которому «предписывается» рано или поздно перейти всем странам, сблокированный пространственно-динамический анализ позволяет увидеть иную модель развития. А именно пространственную вариативность развития мира¹. В этом подходе в контексте глобализации иначе видятся роль и историческая продолжительность национальных государств. По крайней мере, еще несколько сотен лет они будут очень значимы в структурировании мира.

В этом подходе иначе видится роль и локальных цивилизаций. Они выходят за рамки модели «цивилизация против варваров» (неометрополия против неокolonии) и также предстают как проявление пространственной вариативности локальных сообществ, которые не хуже или лучше других, а просто иные и при этом ло-

---

¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакшин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2009.

кально оптимальные. Иные и оптимальные настолько, насколько это выработала историческая адаптация, насколько оказались уникальными их лучшие практики, закрепленные в культуре, религии, традициях и укладах жизни.

Выясняется, что вновь и вновь воспроизводимые попытки описать мир с позиции единого универсализма и предпочтительности опыта стран, успевших дальше всех продвинуться в направлении этой универсальности, не вполне с научной точки зрения достоверны. Почему же эти теории воспроизводятся?

Ответ поневоле выводит за рамки собственно научной верификации, он лежит в плоскости политики и интересов. Становится понятно, что собственно научно-теоретическая ценность разработок типа концепта постиндустриализма попадает в зависимость от политических задач. В таком случае гуманитарная наука всегда несет издержки². В чем исток подобного вторжения в науку? Что это за *интересы* и политическая потребность, которые ведут к появлению «специфичных» форм научных теорий и объясняют масштабы их тиражирования?

Это вечный конфликт «добра» и «зла». Труда и ростовщичества. Труда и нетрудового присвоения благ. Конфликт этого типа вечен, как мир человечества, и будет существовать еще очень долго, приобретая различные, все новые и новые формы. До тех пор, пока человек окончательно не преодолет этот дуализм в пользу «добра». Когда это теоретически может произойти? В каком будущем? Приблизительно это можно оценить через представление о недостаточности ресурсов в настоящем и о достаточности их в будущем. На рис. 3. 1 приведена форсайт-картина обеспеченности человечества ресурсами. «Черным» качествам человечества, в силу этого соображения, существовать еще приблизительно тысячу лет.

О каких «черных» качествах идет речь? Это несправедливое присвоение благ. С помощью дубины или меча — в древности; пушек, танков и т. п. — в прошлом. Со времен изобретения денег — с помощью завышенной ренты и ростовщичества. Со времен изобретения частной собственности — на основании эксплуатации

---

² Сулакишин С.С. Наука, научность, практика. О работе Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (лекция-размышление). М.: Научный эксперт, 2009.

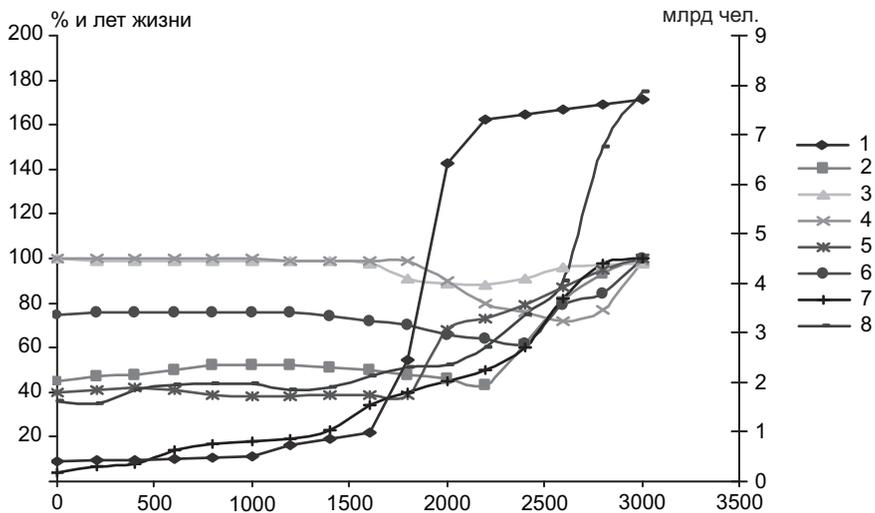

Рис. 3.1. Форсайт-картина обеспеченности человечества ресурсами, продолжительность жизни (левая шкала) и численность населения Земли (правая шкала). 1 — население Земли, 2 — продовольствие, 3 — биоресурсы, 4 — минеральные ресурсы, 5 — энергетика, 6 — вода, 7 — преодоление болезней, 8 — продолжительность жизни человека

наемного труда и несдержанного присвоения созданной им добавленной стоимости. Со времен изобретения бумажных денег, финансовых производных инструментов, затем электронных денег — на основе ростовщического процента. Со времен изобретения Федеральной резервной системы США, и в особенности после создания мировой валютной системы, основанной на долларе и американских ценных бумагах, — на основе присвоенного себе права эмиссии по линии: одно государство (и его военно-политический альянс) и весь мир.

Непонятно, почему признаваемое миром и Россией, присвоенное себе США право бесконтрольной и не связанной с материальными благами эмиссии зеленой купюры составляет суть сегодняшнего мирового по своему масштабу механизма паразитирования. Он прогрессирует, он использует достижения научно-технического прогресса. От форм классического колониализма он переходит к современному неоколониализму. Этот механизм

будет развиваться и дальше, приобретая все новые формы до указанного выше временного предела в будущем.

В современности речь идет о невероятно масштабном диспаритете между «золотым миллиардом» и остальным миром. Оценка «прибыльности» в снимаемой со всего пользующегося долларом мира ренты имеет масштаб 250000%. Такой «бизнес», как об этом справедливо говорили классики, готов на любые преступления. И они имели место в истории. Первая мировая война. Великая депрессия. Вторая мировая война. Загадочные истории с гибелью Джона Кеннеди, попытавшегося убрать монополию эмиссии доллара ФРС; с ужасным терактом — подрывом башен-близнецов. После этого — мировая кампания «борьбы» с терроризмом. Мировые финансовые кризисы, удивительным образом восстанавливающие доходность мирового долларового пузыря для его эмитентов.

Такой «бизнес», а точнее, конечно, политические силы, имеют достаточно мотивов и средств, чтобы эксплуатировать настоящую науку, создавать «на заказ» теории и концепты, респектабельно «объясняющие» реалии и динамику развития, удовлетворяющие их интересы, превращать науку в средство манипуляции. Так появляются теории и концепты, «надежно» прогнозирующие развитие и устанавливающие ориентиры для стран мира. Подобные теории затем (и совсем уже не учеными) тиражируются по всему миру и во всей мировой науке. Способов интеллектуальной манипуляции много, и если есть ресурс, то нет проблем, чтобы эти способы запустить в дело.

В глобальном плане описанный механизм воспроизводит пространственную конструкцию неокOLONиализма, в том числе в современной форме — форме финансовой эксплуатации. Финансовая деятельность — это сервис. Мировая держава — долларовый эмитент — на 80% свою экономику формирует с помощью подобного сервиса.

Но это ведь надо как-то объяснить миру. Надо как-то его успокоить и купировать естественное сопротивление несправедливому порядку. Вот и рождаются теории типа «конца истории», «войн цивилизаций», «мирового исламского терроризма» и, наконец, предмета этой книги — постиндустриализма. Подобные теории с неизбежностью будут появляться и в дальнейшем.

В чем конкретно заключается недостоверность теории постиндустриализма? Во-первых, в релятивистском и довольно безответственном категориальном аппарате. Во-вторых, игнорирование пространственных динамических перераспределений позволяет в рамках этой теории утверждать о линейном фронте мирового развития и универсальности стадийности развития. Иной, а именно — цивилизационный, концепт развития мира в виде локальной вариативности отбрасывается.

Игнорируется значимая эмпирика. Утверждение о сокращении индустриального материального производства не подтверждается на мировом статистическом материале. Оно видоизменяется, но объемы материальных ресурсов — продуктов питания, одежды, лечения, энергетики, жилья, транспорта, коммуникаций, потребляемых людьми, только растут. Растет и потребление нематериального продукта. Однако подверстывая в общий зачет сервиса, приходящего «на смену» индустриальному и аграрному материальному производству, и производство знаний, информации и финансовую деятельность, объявляя это благим и неизбежным процессом, универсальной дорогой прогресса человечества, авторы таких теорий преследуют показанную выше цель и заинтересованность. Заключается она в воспроизводстве глобального механизма эксплуатации мира — неокOLONиализма.

Жизнь сложна, и множество научных идей и усилий, вполне добросовестно нацеленных на описание мира, на прогнозы его развития, на поиск результативных и «добрых» рекомендаций, конечно же, имеют место. Теория постиндустриализма содержит в себе отдельные элементы достоверного описания происходящих процессов, позволяет строить отдельные проекции будущего. Но если теория не описывает всей имеющейся эмпирической базы, то она должна быть усовершенствована, должна измениться или даже уступить место иной теории. В этом случае она никак не может возводиться в ранг «всесильного учения».

Важно понимать, что всегда, во все времена достижения науки прежде всего использовались на нужды войны, агрессии, а не только обороны или строительства. Гуманитарные науки — не исключение, и их оружейный продукт имеет вид «информационного оружия». Особо интенсивное развитие этот тип оружейного производства получил как раз с 70–80-х гг. XX в. Именно тогда

в мир были запущены и раскручены глобальные проекты дезинформации — например, в виде СООИ. Эта дезинформация на сегодня разоблачена, общепризнанна ее направленность, методы реализации и результативность в виде экономического ущерба для СССР.

Отчего же невозможно предположение, что одновременно разворачивались и иные, менее технократизированные дезинформационные проекты? Которые в большей степени вовлекают гуманитарные науки, охотно занимающиеся цитированием, интерпретацией не фактов и эмпирики, а чужих работ? Удивительно, в какое подобие «библии» по цитируемости превращены некоторые обществоведческие теории. Масштабность их внедрения и навязывания как раз и говорит об искусственности, вне научности и манипулятивности проектов, называемых научной теорией.

В любом случае такая постановка вопроса имеет право на существование, а такие теории — на соответствующую проверку на состоятельность. Настоящая работа такую проверку осуществила. Выводы получены вполне определенные.

Страны — например, Россия, — которые не утруждают себя тем, чтобы разобраться в такого рода когнитивных атаках, следующие предписаниям подобных теорий и концептов, наносят себе значимый ущерб. В любом геополитическом противоборстве на применяемое оружие и тактику агрессии должны вырабатываться средства и инструменты противодействия. Эти вопросы должны входить в актуальную повестку и гуманитарной науки, и национальных властных структур. Но до тех пор, пока гуманитарная наука догматизируется и занимается интерпретациями и апологией внедренных «теорий», пока она не проникает в суть вещей и не доказывает свою достоверность, эффективность государственного управления развитием не может быть высокой.

Авторы надеются, что изложенные в книге результаты исследования теории постиндустриализма помогут увидеть необходимые научные методологии, объяснения наблюдаемых явлений, дать должную оценку некоторым проявлениям действительности и более осознанно судить о происходящем сегодня и о предстоящем будущем.

Послесловие

О книге «Постиндустриализм. Опыт критического анализа»

*Ханс-Йорг Рудлофф, председатель Правления банка
Barclays Capital Inc.*

Знакомство с книгой «Постиндустриализм: опыт критического анализа» оказалось весьма непростой задачей, т. к. в данном случае поднимается проблема, которая связана с каждым аспектом нашей повседневной жизни. Она затрагивает вопрос выбора моделей будущего экономического развития и организации общества, а в конечном итоге речь идет о судьбах стран. В литературе по этой теме профильные работы едва ли поддаются какой-либо систематизации, а большинство вопросов рассматриваются в них фрагментарно, в контексте весьма обобщенно обозначенной проблемы постиндустриального общества. Как всегда происходит в подобных случаях, сама по себе концепция легко превращается в предмет дискуссии, т. к. она не подкреплена анализом конкретных и всем понятных реальных фактов. Отвлечение внимания на далекие будущие перспективы является лучшим способом избежать необходимости анализировать суровые реалии сегодняшнего дня. Такой прием дает возможность предлагать самые различные теории или, что хуже, — ответы на вопросы, относящиеся к столь отдаленному будущему, что их невозможно обсуждать с опорой на факты. В результате дискуссия скатывается к чрезмерному теоретизированию и философствованию. К тому же никто не знает, верны или совершенно ошибочны те базовые оценки, которые при этом делаются.

Общие соображения

Старая общепринятая экономическая классификация на три сектора — первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сервис) — по-прежнему остается базовой при анализе рассматриваемой проблемы. Это дает основания уверенно утверждать, что за последние несколько веков

в распределении удельного веса секторов экономики произошли колоссальные изменения.

Как известно, первоначально фундаментом богатства нации и господствующим элит была земельная собственность и сельское хозяйство, однако промышленная революция и возросшее в XVIII–XIX вв. значение индустрии и торговли изменили мировой порядок, ослабив роль аристократии и сформировав в общественной структуре классы — буржуазию и пролетариат. Капитализм и новые модели социального развития пришли на смену уходящему в прошлое феодализму. Понятно, что все эти трансформации произошли не одновременно, а постепенно разворачивались на протяжении десятилетий, сопровождаясь изменениями политической, социальной и экономической систем.

Изменения в удельном весе секторов экономики

Очевидно, что со времени окончания Второй мировой войны мы наблюдаем процесс роста сектора услуг. Не вызывает сомнения и тот факт, что при этом изменяются старые политические и экономические структуры. Эти тенденции принято рассматривать как движение в сторону сервисно ориентированной «постиндустриальной» экономики. Получила распространение точка зрения, что промышленное производство теряет то превалирующее значение в экономической системе, которое оно имело в прошлом, и на смену ему приходит быстро растущий третичный сектор.

Современная сервисная индустрия ориентируется на реструктуризацию старых промышленных корпораций и разделение рабочего процесса на отдельные задачи в рамках цепочки создания прибавочной стоимости: проведение независимых научных исследований, проектирование, дизайн, маркетинг и финансирование. Промышленное производство и обработка нередко переводятся в режим аутсорсинга; причем аутсорсинг довольно часто широко распределен, не локализован. В результате, функции целых отраслей промышленности в странах Запада сводятся к сборке продукции из деталей, изготавливаемых по всему миру — как правило, разумеется, там, где это обходится дешевле. В этой связи следует отметить, что движение в сторону сервисного уклада разворачивается в слабо развивающихся экономиках.

При этом самые высокие темпы роста наблюдаются в тех странах мира, которые проходят фазу индустриализации. Статистика доказывает, что промышленный сектор остается весьма значимым и способствует быстрому росту экономики. Самое главное, что без производства конкретных товаров, их продажи и транспортировки многие из отраслей так называемой сервисной индустрии (дизайн, финансы, реклама и т. п.) вообще не возникли бы. Поэтому неудивительно, что ключевые экономики мира — такие как, например, в Германии, Америке и Японии, — до сих пор базируются на развитом промышленном производстве. Именно благодаря этому ядру в смежных с ним секторах сервисной индустрии и создается прибавочная стоимость. Вполне объясним тот факт, что большая часть образовательных учреждений, занимающихся подготовкой кадров в сфере проектирования, дизайна, маркетинга, связей с общественностью, возникла именно вокруг конкретных производств. Там, где такого промышленного ядра нет, сервисная индустрия может быстро свестись к набору низкооплачиваемых профессий в сфере услуг, а в тех странах, где нет природных ресурсов, — привести к нехватке экспортных товаров. Работу миллионов людей, занятых в секторе обслуживания — от парикмахеров до узкоспециализированных специалистов по эксплуатации компьютеров, — нельзя экспортировать.

Из всего вышесказанного следует, что вести речь о сфере услуг без понимания ключевой роли промышленного сектора не имеет смысла. Научный анализ и соответствующие пояснения здесь совершенно необходимы. Объяснение разницы между «рабочими» в производственном процессе и «наемными служащими» в многочисленных и активно меняющихся отраслях сервисной индустрии я оставляю экономистам и другим ученым, ведь третичный сектор включает в себя работников множества категорий — от лиц научного труда до огромной армии занятых такими простыми функциями, как уборка и т. п.

Таким образом, я соглашаюсь с доводами, ставящими под сомнение обоснованность экономического аспекта «постиндустриальной» теории. На самом деле, если страна пошла по пути развития сферы услуг и оставила без внимания промышленный сектор, ей, я уверен, не удастся сохранить конкурентные преимущества своей экономики.

Общество, основанное на знаниях

Эти соображения сразу приводят нас к необходимости проанализировать другую чрезвычайно размытую концепцию, которую активно продвигают политики и ученые. Идея общества, основанного на знаниях, фигурирует во множестве планов и программ будущего экономического развития, но, к сожалению, здесь, как и в ряде других случаев, существуют различные понимания самого термина. Многие сразу представляют себе картины научных лабораторий, заводят речь о техническом прогрессе и т. п. Сама эта концепция может обсуждаться на сотнях страниц. Я бы поспорил с подобным узким пониманием базовой категории общества, основанного на знаниях. В таком виде она не учитывает то, что лишь небольшая часть людей, населяющих планету, от рождения имеют необходимые заделы и интеллектуальные способности для того, чтобы жить в соответствии со стандартами и требованиями сложно устроенного общества, основанного на знаниях. Эти программы никогда не говорят о том, что делать другой значительной части населения Земли. Я знаю, что первоклассное образование способно поднять интеллектуальный уровень людей настолько, что они смогут осуществлять необходимые и полезные общественные функции. Однако не стоит выпускать из внимания тот факт, что во многих сервисных отраслях оплата труда остается чрезвычайно низкой, а сами они плохо организованы и слабо скоординированы. В реальных условиях производственный потенциал задействованных в них человеческих ресурсов используется чрезвычайно неэффективно. Поэтому здесь имеет смысл шире трактовать понятие общества, основанного на знаниях. В этом случае стоит сделать акцент на процессе внедрения инноваций, под которыми следует понимать не только новые технические производства, прогресс и науку вообще, но и реорганизацию нашей трудовой деятельности, иными словами — рабочего процесса как такового. Эффективность и продуктивность являются при этом ключевыми критериями, а масштабы возможных изменений могут быть самыми широкими.

Очевидно, что инновационный процесс подобного размаха, как это в общем виде отмечено в одной из публикаций Центра европейских реформ, всегда происходит параллельно со сворачи-

ванием некоторых текущих тенденций, что часто приводит к экономической и социальной дестабилизации. В той же публикации подчеркивается, что политическим и государственным деятелям необходимо обращать свое непосредственное внимание на все аспекты инновационного процесса и развитие его технической составляющей. Они должны создать необходимые стимулы, чтобы привлечь людей к участию в инновационном процессе. Ведь люди, как правило, предпочитают довольствоваться тем, что у них есть, и избегать рисков. Поэтому государству следует посредством соответствующих мер последовательно стимулировать такие тренды. Попытка организовать их, скорее всего, потерпит неудачу ввиду сложности задачи. В то же время создание нужных стимулов заставит людей действовать.

Является ли теория «постиндустриализма» политическим «оружием» и можно ли ее рассматривать как инструмент для обеспечения контроля и доминирования над другими странами, альтернативный традиционным войнам?

Очевидно верным является утверждение, что понятие «постиндустриализм» довольно часто приобретает политическую коннотацию и служит целям формирования повестки дня в интересах как внешних, так и внутренних акторов. Этим объясняются предпринимаемые попытки создать видимость того, что для государства целесообразно отказаться от развития индустриального сектора в пользу новых возможностей в рамках «постиндустриального» общества. Как уже было отмечено, это не более чем иллюзия. Применительно к России попытка ее реализации приведет к тому, что страна останется экспортером ресурсов и импортером промышленной продукции. Возможно, это устроило бы некоторых глобальных игроков — таких как Германия или Америка, — однако для России конечным итогом будет то, что ей придется импортировать даже то оборудование, которое используется при добыче природного сырья (буровые платформы и другую сложную технику). Это, в свою очередь, неизбежно повлечет за собой высокие издержки для экономики, не говоря уже о том, что существующие компании-производители такого оборудования будут рады отсутствию конкуренции. Целая страна, такая как Россия, может потерять те преимущества, которые необходимы для построения диверсифицированной экономики,

являющейся залогом стабильного развития динамичного современного государства и роста его возможностей эффективно удовлетворять запросы населения. Представления о теории «постиндустриализма», касающиеся ее использования как «информационного» оружия, совершенно правомерны. Угроза кибервойн сегодня признана открыто. Однако я бы говорил об «информационном оружии» в ином смысле, как, скорее, о варианте ведения «жесткой» традиционной войны. Любая современная военная организация не может не опираться на подобные технологии, если она хочет полностью соответствовать поставленным перед ней целям. Не вызывает сомнения и тот факт, что страна, претендующая на статус мировой державы, должна находиться на переднем крае развития таких систем. Но добиться этого чрезвычайно сложно, если государство не обладает необходимой промышленной инфраструктурой.

В рецензируемой книге отмечается, что страны Запада и Америка переводят экологически опасные производства в другие регионы, оставляя у себя высокотехнологичные отрасли. Возможно, это так, однако такая политика развитых государств позволяет развивающимся странам сократить свое отставание, построить полноценный промышленный сектор, а в долгосрочной перспективе — перейти от аграрного общества к современному индустриальному. Иным словами, прямые инвестиции в создание производственных мощностей в других странах всегда сопровождаются соответствующим распространением наработанного опыта, технологий и навыков. Подтверждением этого может служить опыт Китая, чей рост в последние 20 лет во многом основан на импорте знаний и умений.

В то же время, я бы не стал говорить о науке и знаниях как способе ведения войны, а поставил бы вопрос иначе: можно ли их рассматривать как фактор конкурентной борьбы? На это можно возразить, отметив, что конкуренция и война — это два понятия для обозначения действий по реализации своего преимущества над кем-либо. Это действительно так, и в этой связи хочется отметить часто используемое сегодня понятие «мирная конкуренция». На самом деле, это нонсенс. Потерпевший поражение в такой конкуренции сталкивается со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Именно поэтому иногда берутся за

оружие, когда теряют все возможности вести борьбу и получить свою справедливую долю мировых богатств другим путем.

Борьба между государствами и экономиками, имеющая целью конечное обогащение, всегда велась при помощи самых разных инструментов. Не вдаваясь в детали отмечу, что, например, Англия (и это очевидный факт) смогла построить свою империю, не обладая огромной территорией или многочисленным населением, — за счет развития торговли и создания флота, который был в состоянии защитить английскую коммерцию и английских купцов. Это же самое сделала Венеция двумя-тремя веками ранее. Благодаря политической воле и готовности применить силу странам, изначально не имевшим для этого ресурсов, удавалось обеспечить свое доминирование. Очевидно, что ключевое значение здесь имели внутреннее единство государств, согласованность подходов в сфере политического и экономического развития, а также концентрация научного потенциала. В зените могущества империи привлекали наиболее умных и талантливых людей со всего мира, и тем самым закладывали основы своего преобладания в целом ряде сфер. Понятно, что они формировали такие экономические и социальные модели развития, которые были приемлемы для большинства населения. Этот момент мы уже затрагивали, рассуждая в предыдущих разделах о концепции общества, основанного на знаниях.

Экономическая и социальная модель, безусловно, является инструментом конкурентной борьбы, а экспорт этих моделей в другие регионы мира дает странам, их разработавшим, неоспоримое преимущество. История полна подобных примеров, и чтобы их найти, не нужно углубляться в прошлое. Внутренний распад Советской империи дал Западу возможность экспортировать его либерально-капиталистическую экономическую модель, ассоциированную с политической системой, основой которой являются свободы и частная инициатива. Большинство стран мира оказались не готовы принять ее. В них отсутствовала институциональная база, необходимая для усвоения рецептов, проповедуемых и продаваемых под маркой «Вашингтонского консенсуса». Тем не менее, они были усвоены с целью заменить прежние, якобы устаревшие и безжизненные, структуры новыми.

Здесь мы имеем классический случай, описанный теорией творческого разрушения Шумпетера. В отличие от предыду-

щих эпох, религия и идеология на этот раз играли второстепенную роль. На первый план вышло сверхэффективное сочетание идей экономического прогресса, консьюмеризма и безудержного стремления «делать деньги». Его популяризаторами стали национальные институты Бреттон-Вудской системы — такие как Мировой Банк, МВФ и т. п. Они являются инструментами экономической политики Запада. В этой связи не следует забывать, что переход к либерализованным экономическим системам, не предполагающим государственного регулирования, в западном мире произошел лишь 15 лет назад. Он явился результатом доктринальной политики президента Рейгана и госпожи Тэтчер. Предпринятые ими меры привели к высвобождению огромной социальной энергии и дали старт мощному инновационному рывку. Это, в свою очередь, обеспечило невиданный в истории рост личного благосостояния.

Революция в индустрии в 1980–1990-х гг. обусловила возникновение множества новых отраслей — например, целого ряда биоинженерных компаний, большинство из которых были в чистом виде производствами, основанными на достижениях науки. Собранные ими «научные пулы» получали щедрое финансирование, и все более многочисленные кадры перетекали в промышленность из чистой академической науки. Нет необходимости специально останавливаться на том факте, что создаваемое системой совокупное богатство росло день ото дня, равно как и разрыв между теми, кто обладает информацией и теми, кто ей не обладает.

Технологические инновации, такие как Интернет, дали отличные возможности для распространения новой информации по всему миру. Однако значительной частью этой информации можно манипулировать в целях формирования более выгодной политической и экономической повестки дня. В частности, ведущая роль США в мире в 1990-е гг. дала возможность государствам Запада, их компаниям и отдельным людям получить существенные дивиденды за счет менее развитых стран. Но, с другой стороны, те же самые акторы запустили механизм изменений в развивающихся экономиках, прокредитовав их и инвестировав в них триллионы долларов. Таким образом, они помогли осуществить тот переход, который без этой поддержки занял бы десятилетия.

К всеобщему удивлению 20 лет спустя после его начала геополитическая конфигурация карты мира изменилась полностью, и многие из бывших развивающихся стран не без успеха бросают вызов признанному господству Запада.

Плюсы и минусы использования разных инструментов

Именно поэтому в книге совершенно справедливо подчеркивается тот факт, что применение подобных инструментов, не менее эффективных, чем традиционные способы ведения войны, может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Как и в случае с военными технологиями, они представляют собой сложные комбинации различных элементов. Их главные составляющие — это экономическая модель (Вашингтонский консенсус), политическая организация (демократия, повсеместно продвигаемая с целью разрушения существующих общественных структур), коммуникационные и информационные ноу-хау, культурные компоненты — такие как музыка и консьюмеризм, обеспечиваемый агрессивной рекламой товаров и брендов, особая схема организации чрезмерно раздутых и часто бездумно направляемых финансовых ресурсов, распространение инноваций.

Эта комбинация инструментов влияния экспортировалась во многие страны мира, которые оказались не готовы к столь бурному потоку инструкций и рецептов. Результатом стали кризисы 1994 г. (Мексика) и 1998 г. (Азия и Россия). Развитие этой модели «на экспорт» привело к эйфории среди стран, которые позиционировали себя как традиционно ее придерживавшиеся. У них сложилось чувство собственного превосходства и ощущение того, что все ограничения и препятствия на пути в рай сняты. Однако та же самая экспортируемая в другие страны модель ослабляла и фактически ликвидировала структуры, благодаря которым западные страны оказались в столь благоприятном положении. Сегодня понятно, что их политика в духе *laissez-faire* (принцип невмешательства) вновь потерпела крах и оставила после себя несбывшиеся надежды и нереализованные цели широких слоев населения.

Использованное Западом оружие обернулось против него, а первоначальный успех неолиберальной модели заложил осно-

вы внутренних деструктивных процессов. В реальности страны, выбравшие иную политическую и экономическую модель (например, Китай), внезапно оказались бенефициарами этого процесса. Они с интересом наблюдают за тем, как либеральная экономическая система во всем мире наталкивается на сопротивление все большего числа общественных движений, а сама ее эффективность впервые за последние 40 лет подвергается сомнению. Страны Запада больше не могут содержать «социальную составляющую» своих общественно-экономических систем, равно как и сам институт «государства всеобщего благосостояния». В результате, «новые» страны оказываются в более выигрышном положении, т. к. им не приходится нести на себе груз прошлого и они могут выбирать между более перспективными системами как в экономической, так и в политической сферах. При этом вопросы «как много должно быть рынка» и «как много должно быть государства» всегда будут находиться в центре дискуссии. Точные и учитывающие все сопутствующие обстоятельства ответы на них, с моей точки зрения, определяют в будущем развитие многих экономик. Мы уже вступили в период поиска новой экономической модели.

Дискуссия о «постиндустриальных» системах

Замечания в книге насчет дискуссии вокруг вопроса «постиндустриализма» довольно точны. Действительно, эта теория сегодня активно критикуется и ставится под сомнение. Со своей точки зрения я бы отметил, что когда мы ведем речь о переходе к сервисной индустрии, мы не должны вписывать ее в контекст «постиндустриального» общества. Проблемам деиндустриализации и перемещения производства в другие регионы мира в последнее время уделяется большое внимание, и это понятно: инновационные технологии и новые линейки продуктов и услуг могут развиваться только на основе мощного промышленного сектора. Это хорошо видно на примере отраслей, непосредственно взаимодействующих с наукой. Сугубо научные исследования, проводимые в лаборатории, — в отличие от тех, которые связаны с реальным производством, — никогда не давали практической отдачи и оставались чисто теоретическими. Например, в России

есть много первоклассных ученых-фармацевтов, однако у них нет необходимой инфраструктуры для того, чтобы проверять свои теории. В результате, они сильно отстают от своих зарубежных коллег. Подобная ситуация всегда ведет к «утечке мозгов», иными словами — заставляет ученых эмигрировать туда, где созданы лучшие условия для работы.

Использовать интеллектуальные ресурсы других стран, поощрять эмиграцию их ученых, ослабляя таким образом их научный потенциал, — это и есть один из видов оружия, предназначенного для борьбы с конкурентами на внешнеполитической арене. Поэтому я настаиваю на том, что реиндустриализация или модернизация существующей промышленности имеет ключевое значение для будущего таких стран, как Россия.

Сейчас уже очевидно, что успех этого курса тесно связан с проблемой собственности на производственные активы. Если их владельцы лишь извлекают прибыль благодаря эксплуатации существующих мощностей и не инвестируют в будущее, получая дивиденды, при этом не делая капитальных вложений, или, что еще хуже, финансируя издержки за счет заимствований, то никакого развития не происходит, а промышленная инфраструктура безнадежно устаревает. Я знаю, что российское правительство занимается данным вопросом, но, к сожалению, не достаточно активно. Приватизация государственной собственности не обеспечит необходимых результатов, если при ее проведении новые собственники получают возможность выкачивать прибыль вместо того, чтобы реинвестировать ее в развитие производства. Например, правительство Германии в ходе послевоенного восстановления экономики страны облагало все дивиденды и доходы высоким налогом, а инвестиции, наоборот, освобождало от налогового бремени. Таким образом создавался стимул для того, чтобы сохранять прибыль в компании, формируя тем самым основы для ее будущего роста.

Приведенный выше пример всего лишь показывает, что приватизация как таковая не является универсальным инструментом построения современного промышленного сектора. Достижению этой цели может способствовать лишь такая приватизация, которая проходит в рамках законодательного и налогового регулирования. Проще говоря, широко диверсифицированная струк-

тура собственности при фактическом наличии государственных компаний даст возможность привлечь капитал и обеспечить финансирование для создания промышленных предприятий, в то время как индивидуальная собственность олигархического типа будет препятствием для дальнейшего развития. Разумеется, это же касается большинства так называемых частных групп держателей акций, которые всегда стремятся к получению прибыли в краткосрочной перспективе и монетизации своих доходов, а не к поддержке долгосрочного стабильного развития промышленного сектора.

Замечания, касающиеся перемещения производства, также верны. Возможно, справедливо и утверждение, сделанное в книге, что изначально «глобализация и разделение труда являются вариантом современного неокOLONиализма». Но, как мы уже говорили, эти процессы имеют и обратное действие, нанося особенно серьезный ущерб европейским странам (впрочем, США, несмотря на свои текущие проблемы, остаются здесь в выгодной позиции). Тенденции деиндустриализации, разворачивающиеся в целом ряде сфер экономики Европы (в судостроении, военно-промышленном комплексе и, в зависимости от страны, во многих других областях), набирают темп, в то время как освобождающиеся европейцами ниши занимают другие страны, чье значение постоянно растет. Германия удерживает свои позиции, однако немецкая экономика ослаблена тяжелым бременем разросшихся государственных расходов, что вредит ее конкурентоспособности.

Из вышесказанного следует, что перемещение отраслей промышленной обработки и производства в другие регионы мира заложило основу развития сильных экономик, базирующихся на индустриальном секторе, и прочных общественных структур. Угроза, которую этот тектонический сдвиг огромной важности таит в себе для европейцев, еще не до конца понята. Впрочем, как и значение тех возможностей, которые при этом открываются. Мне кажется, что в сегодняшних условиях было бы глупо рассчитывать на то, что развитие страны может быть целиком обеспечено за счет «частной инициативы». Я думаю, что серьезное участие государства в этом процессе изначально предопределено. Образование, наука и перспективные отрасли промышленности — к примеру, связанные с новыми способами получения

энергии, — являются такими участками экономики, в которых финансовый и организаторский потенциал частного капитала не может играть ключевую роль. Здесь необходимы сильная рука государства, его направляющая функция, а также серьезное государственное финансирование. Это же самое относится и к проблеме создания современной инфраструктуры, будь то транспорт или сфера коммунальных услуг. Частному сектору и государству необходимо действовать рука об руку. Правительство при этом должно выработать такую законодательную базу, которая создаст нужные стимулы для развития и направит страну по правильному пути.

Например, в области финансов, в которой я являюсь профессионалом, для государства смерти подобно полагаться на так называемые «замещающие рынки». Если говорить о России, то абсолютным приоритетом для нее должна стать задача формирования собственного финансового рынка и механизмов аккумуляции сбережений. Как известно, российские сбережения в массе своей инвестируются на Западе, а не в России. Таким образом, они не могут быть использованы для финансового обеспечения развития страны. Именно зависимость от иностранного финансирования лишает правительство возможности реализовать целый ряд перспективных проектов. Цель состоит в том, чтобы привлечь зарубежные фирмы в Россию, а не в том, чтобы предложить российские товары и услуги зарубежным фирмам. Очень мало делается в этом вопросе в последнее время, в то время как Россия предлагает исключительные возможности для роста капитализации и прибыльности компаний.

Дискуссия о «Постиндустриализме»

Я полностью согласен с финальными замечаниями в книге, касающимися нового справедливого экономического порядка. Два-три года тому назад завершилась очередная фаза нашей экономической истории; и сейчас мы, очевидно, готовы к тому, чтобы открыть новую главу. Перед нами стоит проблема создания новых экономических моделей для наших стран и для всего мира. Я надеюсь, что в основе этих моделей будут по-прежнему лежать идеи личной свободы, частной собственности и индивидуальной

инициативы. Однако их реализация должна вписываться в четкие законодательные рамки и подчиняться задачам достижения общего блага, будь то в вопросах экологии или того, что в общем виде можно назвать обеспечением закона и порядка.

Сделанные мною несколько полемических замечаний идут в общем русле поднятых в книге вопросов. Я думаю, что они могли бы даже подтвердить некоторые предложенные в ней идеи. Мысль же, которую я хочу подчеркнуть, состоит в том, что политическая и экономическая модель западных государств, которая долгое время рассматривалась как преобладающая, сегодня подвергается нападкам со всех сторон. Чтобы подтвердить свое превосходство, ей придется трансформироваться. Однако вполне возможно, что сейчас мы являемся свидетелями тех самых процессов распада, которые в 1980-е гг. испытал на себе Советский Союз.

Главное — это смотреть вперед и не пытаться найти ответы в прошлом. Именно поэтому вклад книги «Постиндустриализм: опыт критического анализа» в обсуждение этих проблем я вижу столь значимым.

Пер. с англ. А.А. Вершинина.

Литература

- Авдиев В.И. История Древнего Рима. М., 1971.
- Андреев Ю.В. Древнегреческий полис. Л., 1976.
- Аникин А.В., Энтов Р.М. Механизм экономического цикла в США. М., 1978.
- Антонов В.С. Модель человека в буржуазной политической экономии от Смита до Маршалла // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М., 1989. Вып. 1.
- Аттали Ж. Избранное. М., 2001.
- Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., Международные отношения, 1993.
- Баландин Р.К. Философия техники от Бердяева. ВИЕТ. 1991, № 2.
- Бауман З. Возвышение и упадок труда. СОЦИС. 2004, № 5.
- Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход (избранные труды по экономической теории). М., 2003.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999.
- Бердяев Н.А. Смысл истории. М., Мысль, 1990.
- Бердяев Н.А. Человек и машина. — Вопросы философии. 1989, № 2.
- Блаватский В.Д. Античная цивилизация. М., 1973.
- Блюменберг Х. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии. — Вопросы философии. 1993, № 10.
- Богомолов О., Кондрашова Л. Секреты китайской экономической кухни // НГ — Политэкономия. М., 1999. № 1.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
- Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9.
- Бродель Ф. «Что такое Франция?» Книга вторая. Люди и вещи. Часть 1. М., 1995.
- Бродель Ф. «Что такое Франция?» Книга вторая. Люди и вещи. Часть 2. «Крестьянская экономика» до начала XX в. М., 1997.
- Бродель Ф. «Что такое Франция?» Книга первая. Пространство и история. М., 1994.
- Бродель Ф. Время мира. М., 1992. Т. 3.
- Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993.
- Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под общ. ред. И.С. Кона. М., 1977.
- Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002, № 5.

Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997.

Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. СПб., 1900.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

Бутаев В.Б. Постиндустриальное общество: особенности и критерии. М., Спутник+, 2003.

Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М., 2007.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Валлерстайн И. Изобретения реальностей Времени-Пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* Новосибирск, 2001. Выпуск 2.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* Новосибирск, 1998. Выпуск 1.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.

Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.

Вандепитте М. Глобализация языком цифр. 2008.

Вебер М. Избранное: Образ будущего. М., 1994.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1994.

Волков А. Карфаген. «Белая» империя «черной» Африки. М., 2004.

Гельбрас В., Кузнецова В. КНР: год суровых испытаний // *Мировая экономика и международные отношения.* М., 2000. № 8.

Герман К. Политические перемены при движении к глобальному информационному обществу // *Социс.* 1998.

Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: «Весь мир», 2004.

Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. В 5 т. М.: Научный эксперт, 2008.

Государство в меняющемся мире. Отчет о мировом развитии. 1997. Всемирный банк. М., 1997.

Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911.

Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис, 2003.

Гринин Л.Е. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М., 2010.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гуторов В.А. Концепция киберпространства и перспективы современной демократии // *Интернет и современное общество.* Всероссийская научно-

методическая конференция. Санкт-Петербург, 8–11 декабря 1998 г.: Тезисы докладов. СПб., 1998.

Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

Динамика российской и советской промышленности. М., 1929.

Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1990.

Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002.

Илларионов А. Секрет китайского экономического «чуда» // Вопросы экономики. М., 1998. № 34.

Иноземцев В.Л. Перспективы гуманизма. Гуманитарные интервенции: некоторые поводы для размышления // Человек. 2005. № 2.

Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.

Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм // Философские исследования. 1997. № 3.

Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia. 1990.

Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

Иноземцев В.Л. Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // Вопросы философии. 2002, № 5.

Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: от эпохи постмодерна к информационному обществу. М., 2007.

Иоффе Я.А. Мы и планета: Цифры и факты. М., 1988.

Ишмаев Г.Ш. Концепции постиндустриального общества: опыт систематизации // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 4. 2007. № 17 (95).

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков, 2005.

Кара-Мурза С.Г. В поисках потерянного разума, или Антимиф — 2. М., 2007.

Кеван К. Революция услуг в мировой экономике. М., 2007.

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс. 1991.

Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А., Винокуров Г.Н. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств // Стратегическая стабильность. № 1, 2006.

Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. 2010. № 2.

Коэн С., Зисман Дж. Производящие отрасли: Миф о постиндустриальной экономике. М., 1988.

Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2.

Кризис буржуазной цивилизации и поиски «нового стиля жизни». Реферативный сборник. Вып. № 3. М., 1984.

Кризис буржуазной цивилизации и поиски «нового стиля жизни». Реферативный сборник. Вып. № 4. М., 1985.

Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.

Кузицин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

Кузык В.Н. Яковец Ю.В. Становление интегрального экономического строя — глобальная трансформация XXI века. М., 2008.

Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. М.–Л. 1926. Т. 1.

Кулишер М.И. Цехи у нас и в Европе // Русская мысль. 1887. № 11, 12.

Куценков А.А. Эволюция индийских каст. М., 1983.

Ларуш Л. Место России в мировой истории // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 8. М., 1998.

Ларуш Л. О духе российской науки // Экология — XXI век. 2003. Т. 3. № 1/2; *Тукмаков Д.* Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // www.zavtra.ru.

Ларуш Л. О сущности стратегического метода // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 9. М., 2000.

Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997.

Левяш И.Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001, № 3.

Леге Ж. Экология и политика // Мир науки. 1976, № 2.

Легостаев В.М. Наука в рамках технократической утопии Жана Фурастье // Вопросы философии. 1974, № 12.

Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. М., 1982–1984; *Локк Дж.* Избр. филос. произв. М., 1960. Т. 1–2.

Либерализм: теория, состояние, прогноз. Материалы научного семинара. Вып. № 5. М.: Научный эксперт, 2010.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 1–2. М., 1988.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1980.

Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст // Восток — Запад — Россия. М., 2002.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. М., 1960. Т. 23.

Мир в цифрах — 2009 / Пер. с англ. Н. Кононовой. М., 2009.

Мир в цифрах. Статистический сборник. 1992. М., 1992.

Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8.

Мировая экономика. Глобальные тенденции. М., 2003.

Мировая экономика: прогноз до 2020 года // Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007.

Мировой альманах фактов. 2008. М., 2008.

Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998.

Михеев В.В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 1.

Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986.

Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.

Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М. Прогресс. 1989.

Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В. Иноземцева. М., 1999.

Общероссийский классификатор услуг населению. М., 2009.

Паневин К.В. История Древней Греции. СПб, 1999.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2000.

Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.

Перская В.В. Глобализация и государство. М, 2005.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

Платное обслуживание населения в России. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1961.

Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в родах Западной Европы. М., 1952.

Проблемы современного государственного управления в России. Труды научного семинара. Выпуск 3. Научный эксперт. М., 2006.

Промышленность России: статистический сборник. М., 2000.

Регистры ремесел и торговли города Парижа / Под ред. и с предисл. А.Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. X. М., 1958. Вып. XI.

Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. Материалы научного семинара. Вып. № 2. М.: Научный эксперт, 2007.

- Российский статистический ежегодник. 2001. Статистический сборник. М., 2001.
- Российский статистический ежегодник. 2008.* Статистический сборник. М., 2008.
- Российский статистический ежегодник. 2009. Статистический сборник. М., 2009.
- Россия XXI века: образ желаемого завтра. М., 2010.
- Россия в цифрах. 2008. М., 2008.
- Россия и страны мира. 2008. М., 2008.
- Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2 т. М., 2001.
- Русское хозяйство. М., 2006.
- Рыбчак А.В.* Компаративный анализ воззрений Д. Белла и Г. Маркузе на сущность и перспективы постиндустриального общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2002. Выпуск 3. (№ 22).
- Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
- Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения: (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). Прага, 1928.
- Самицкий А.* Китайская экономика как субъект глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
- Сванидзе А.А.* Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М., 1967.
- Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
- Стариков Н.* Спасение доллара — война. СПб., 2010.
- Стоклицкая-Терешкович В.В.* Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // Средние века. М., 1951. Вып. III.
- Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2009.
- Сулакшин С.С.* Наука, научность, практика. О работе Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (лекция-размышление). М.: Научный эксперт, 2009.
- Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. М., 2004.
- Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума РАН «Экономика и социология знания». М., 2007.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2004.
- Трапезников В.А.* Темп научно-технического прогресса — показатель эффективности управления экономикой // Автоматика и телемеханика. 1971. № 4.

Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // www.zavtra.ru.

Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества. В кн. «Новая технократическая волна на Западе». М.: Прогресс. 1986.

Уоллич П., Коркоран Э. Зарплата не по труду. — В мире науки. 1992. № 6.

Уэбстер Ф. Теория информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной. Под ред. Е.Л. Варталовой. М., 2004.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика. 1994.

Фукидид. История. М., 1993.

Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

Харитонович Д.Э. В единоборстве с василиском: опыт историко-культурной интеграции средневековых ремесленных рецептов // Одиссей. 1989.

Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. М., 1982.

Хачевич Р.В. Концепция «постиндустриального общества» Д. Белла // Достоверное и проблематичное. Сборник научных статей. Мурманск, 2002. Вып. I.

Хорос В. Японские секреты // Знание — сила. 1991. № 10.

Хорос В.Г. Постиндустриальный мир — ожидания и реальность. М., 2001.

Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // Социологические исследования. 2006, № 4.

Цит. в: Иноземцев В. За предел экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М. 1998.

Чанг П.К. Краткое изложение опыта экономического развития Китайской республики на о. Тайвань. М., 1999.

Человек в истории. М., 1989.

Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.Ю. Математическое моделирование геополитических процессов // Стратегическая стабильность. 2002. № 1.

Шелудько Г.В. Сервисная реальность: онтология, отражение в социальном сознании, сервисология праздничности и повседневности. Ростов-на-Дону, 2007.

Шелудько Г.В. Специфика сервисной реальности. М., 2006.

Шмитт К. Земля и море. Созерцание всемирной истории // <<http://resist.gothic.ru>>.

Штаерман Е.М. Рассвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

- Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4.
- Экономика США: Учебник для вузов / Под. ред. В.Б. Супяна. СПб., 2003.
- Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских ученых. СПб., 2000.
- Эллюль Ж. Другая революция. В кн. «Новая технократическая волна на Западе». М.: Прогресс. 1986.
- Эльянов А.Я. Мировое интегрирующее развитие и крупные полупериферийные страны // Восток — Запад — Россия. М., 2002.
- Якунин В.И. Лекция в Лондонской школе экономики 17 февраля 2009 года. М.: Научный эксперт, 2009.
- Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакшин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2009.
- Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009.
- Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
- Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1976.
- Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y., 1965.
- Bellah R. Good Society. N-Y., 1985.
- Bloch F. Postindustrial Possibilities. A Critique of Economic Discourse. Berkley-Los Abgeles, 1990.
- Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N.Y., 1970.
- Brzeziński Zb. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.) — Oxford: Blackwell Publ., 1996.
- Crook, S., Pakulski J., Waters M. Postmodernization Change in Advance Society. L., 1992.
- Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. 1959.
- Defoe D. The Complete English Tradesman. L., 1745. II.
- Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L., 1993.
- Etzioni A. The Active Society. N-Y., 1968.
- Fromm E. The Sane Society. L., 1991.
- Gehlen A. Über kulturelle Kristallisation. In: Wege aus der Moderne: Schlüsseltexte der Postmoderne-Diskussion / hrsg. von Wolfgang Welsch. Mit Beitr. von J. Baudrillard — durchges. Aufl. — Berlin: Akad. Verl., 1994.
- Jeremy Bentham's economic writings. L., 1952. Vo@l. 1.
- Katz R.L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.

- Kuznets S.* Modern Economic Growth. Yale University Press, 1969.
- Laslo E.* Goals for Mankind: a report to Club of Rome on new horizons of human system. № 4. 1975.
- Liberalizing India, Progress and Problems. New Delhi, 1996.
- Lommen Y.E., Tonchev P.* China in East Asia: From Isolation to a Regional Superpower Status. Athens, 1998; Россия и страны мира. 2008. М., 2008.
- Maddison A.* Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Oxford University Press. 2007.
- Maddison A.* Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995.
- Maddison A.* The World Economy in the 20 Century. Paris, 1989.
- Maddison A.* The World Economy: Historical Statistics. OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development), 2006.
- Maddison A.* The World Economy: Historical Statistics. OECD. 2003.
- Maizels A.* Industrial Growth and World Trade. Cambridge University Press, 1963.
- Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
- Mitchell B.R.* International historical statistics: Africa, Asia & Oceania, 1750–2000. Basingstoke, England, 2003.
- Mitchell B.R.* International historical statistics: Europe, 1750–2000. Basingstoke, England, 2003.
- Mitchell B.R.* International historical statistics: the Americas, 1750–2000. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, New York, 2003.
- Mitchell B.R.* International Historical Statistics: Europe, 1750–2000. New York, 2003.
- Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. Thousand Oaks — L., 1996.
- Porat M., Rubin M.* The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
- Radelet S., Sachs J.* Asia's Reemergence // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 6.
- Richta R.* Civilization at the Cross-Roads. Sydney, 1967.
- Rostow W.W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.
- Stonier T.* The Wealth of Information. L., 1983.
- Survey of Current Business, 2001. № 12.
- The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. Ed. by A.H. Armstrong. Cambridge, 1991.
- The World Economy in 1820–1992. Paris, 1995.
- The Year 2000 A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years by Herman Kahn and Anthony J. The Macmillan Company, New York, N.Y. Collier-Macmillan Limited, London, 1967.
- Toffler A. Future Shock. N.Y., 1971.
- Tominaga K.* Post-Industrial Society and Cultural Diversity // Survey. Vol. 16. 1971. № 1.

Touraine A. La société postindustrielle. P., 1969.

Touraine A. The Post-Industrial Society: Tomorrows Social History: Classes, Conflicts and Cultures in the Programmed Society. N. Y., Random House, 1971.

Who brought the Slaves to America, Sons of Liberty. Metairie, 1958.

Интернет-источники

www.gks.ru

www.ng.ru

www.vz.ru

www.imf.org

www.worldbank.org

www.data.worldbank.org

www.un.org

www.data.un.org

www.ilo.org

www.laborsta.ilo.org

www.federalreserve.gov

unesco.org

www.unido.org

www.who.int

www.oecd.org/statistics

apps.fao.org

www.statinfo.biz

Список авторов

В.И. Якунин, доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, президент ОАО «РЖД»

С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

С.Г. Кара-Мурза, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований

М.В. Деева, руководитель исследовательских проектов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Ю.А. Сафонова, руководитель информационно-аналитического отдела Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Научное издание

**Якунин В.И., Сулакшин С.С.,
Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г.,
Деева М.В., Сафонова Ю.А.**

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ опыт критического анализа

Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Редактор *Ю.Е. Мешков*
Корректор *В.В. Тихонова*
Художник *С.Г. Абелин*
Верстка *О.П. Максимова*

**Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования**
107078, Россия, Москва, ул. Каланчевская, д. 15.
Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09.
www.rusrand.ru
E-mail: frpc@cea.ru

Сдано в набор 05.03.2012 г. Подписано в печать 15.03.2012 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18. Тираж 2500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru